

**ЖИЛ В КИЖСКОЙ ВОЛОСТИ
КРЕСТЬЯНИН ...**

Государственный историко-архитектурный и этнографический
музей-заповедник «Кижь»

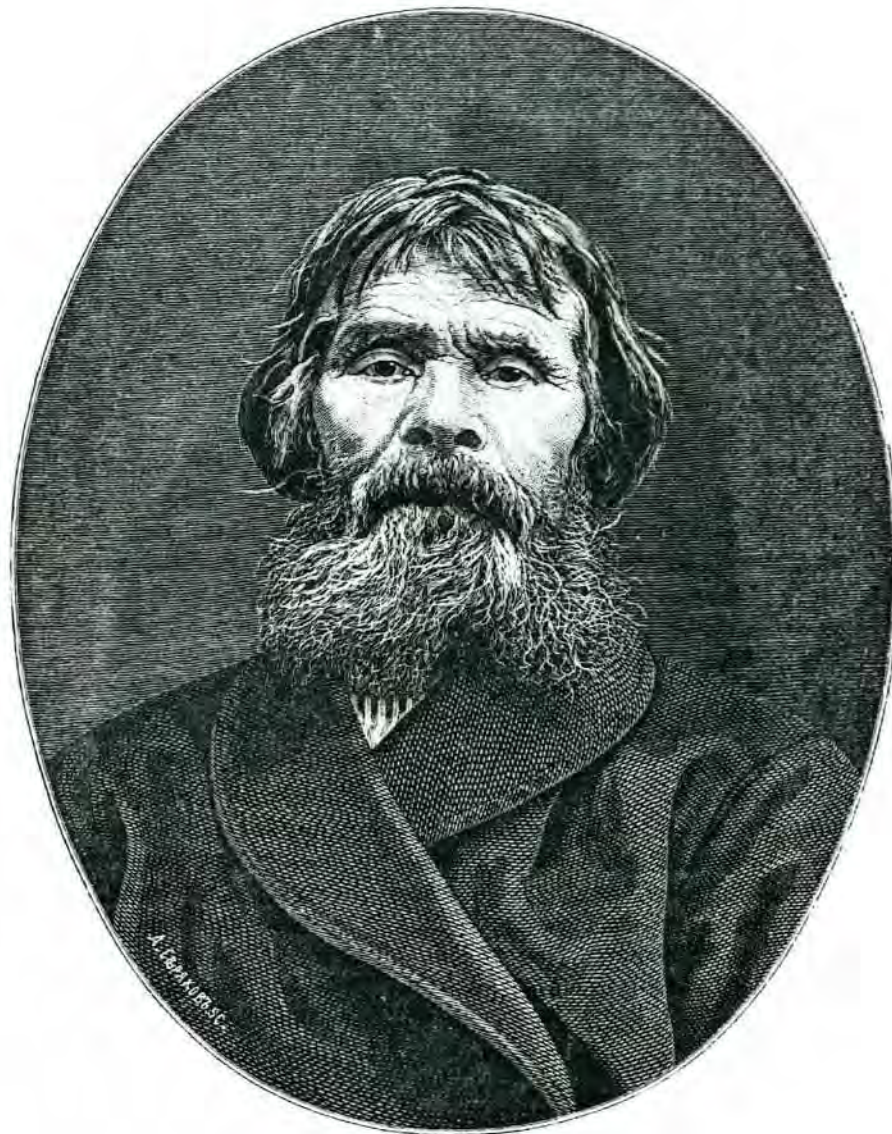
Жил в Кижской волости крестьянин...

(Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин:
жизнь и эпическая поэзия)

Составление, биографический очерк, подготовка текстов
и словарь Н. А. Криничной

Санкт-Петербург
1995

Работа выполнена в рамках проекта,
поддержанного международным научным фондом
«КУЛЬТУРНАЯ ИНИЦИАТИВА»

ISBN 5-85286-007-7

© Криничная Н. А., 1995

© Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник
«Кижь», 1995

Т. Г. РЯБИНИНЪ,

КРЕСТЬЯНИНЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБ. ПѢВЕЦЪ БЫЛИНЪ.

Род. 1793 г.

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Перед Вами книга, впервые в российской фольклористике целиком посвященная творчеству знаменитого певца былин, кижанина Трофима Григорьевича Рябина (1791—1885). Записанные от него эпические песни знакомы нам со школьных лет, стали хрестоматийными.

Вместе с автором, доктором филологических наук Неонилой Криничной, вы прикоснетесь к разгадке волнующей тайны. Почему именно здесь, в заозерном крестьянском крае, так бережно хранились, развивались многообразные русские традиции, жившие в дружелюбном взаимодействии с культурами соседних народов? Какими они были — носители исторической и художественной памяти?

Фольклор — «народная мудрость» — един в разнообразных проявлениях. Устно-поэтическое творчество — грань его. Облик, стиль Кижского ансамбля, одна из вершин русского зодчества, — явление архитектурного фольклора. А ведь есть еще народное декоративно-прикладное искусство, которым также славится Заонежье. В том числе Кижская округа, в разные времена определяемая понятиями «погост», «волость»...

Можно говорить о музыкальном, театральном, танцевальном фольклоре. Или, например, о судостроительном традиционном искусстве кижан. Привлекает внимание исследователей своеобразие кижских говоров, хранящих лексику, предания, былички времен Киевской Руси, Господина Великого Новгорода, Московской Руси. Веками цветет здесь православная литургическая традиция. Заонежье — признанная Северная Фиваида, взрастившая череду святых, память о которых сохранялась в фольклорных формах легенд.

Народное искусство, как правило, безымянно. Мы, видимо, не скоро узнаем имя зодчего, построившего двадцатидвухглавую Преображенскую церковь. Оно скрыто под легендарным псевдонимом Мастер Нестер. Его гениальный замысел наследован преемниками. Через десятилетия завершили они кипение многоглавия ансамбля эпическим числом сказки, былин, Священного Писания. Тридцать три главки вздымает Кижский ансамбль над онежским приплеском.

Так живет во времени разноликий фольклор — традиционное крестьянское искусство Русского Севера. К устно-поэтической его тра-

диции судьба была благосклонна. Слово предков дошло до нашего времени вместе с замечательными его мастерами. Усилим поколений фольклористов удалось проследить преемственность былинного творчества ряда кижских сказителей. И прежде всего — династии певцов Рябининых, родоначальником которой был герой этой книги, родившийся в конце XVIII века. Замкнул семейную традицию Петр Иванович Рябинин-Андреев (1905—1953), наш современник, солдат Великой Отечественной.

Перелистывая книгу, вы откроете для себя духовный мир Трофима Григорьевича Рябинина. Творчество Нестера былинного слова созвучно всему строю нравственного, природного, архитектурного облика Заонежья. Внимательный читатель вслед за исследователем откроет в нем образ мыслей легендарных зодчих, создателей знаменитых хором и храмов. Через счастливо дошедшую до нас весть о личности, творчестве, судьбе Мастера мы узнаем о бытии поколений безымянных творцов многоликой народной красоты. Ныне она живет в кратком, звонком имени — Киж.

МИХАИЛ ЛОПАТКИН,
директор государственного историко-архитектурного
и этнографического музея «Киж»

Жил в Кижской волости крестьянин...

«... Через порог избы переступил старик среднего роста, крепкого сложения, с небольшой седеющей бородой и желтыми волосами. В его суровом взгляде, осанке, поклоне, поступи, во всей его наружности с первого взгляда были заметны спокойная сила и сдержанность».

Это портрет Т. Г. Рябинина — классика былинного сказительства, родоначальника династии певцов, известной в четырех поколениях. Его имя стало символом русской эпической поэзии, вобрав в себя имена предшественников и последователей, живших во все времена в разных уголках России. Встреченных и не встреченных собирателями. Известных и вовсе безымянных.

Портрет Т. Г. Рябинина дошел до нас из глубины прошлого столетия. От наблюдательного взгляда не ускользнули ни характерные признаки внешности заонежского сказителя, ни его манера держаться, отразившая внутреннюю сосредоточенность, духовность. Таким увидел певца былин майским вечером 1860 года молодой чиновник губернской канцелярии П. Н. Рыбников, немногим более года отбывавший ссылку в Петрозаводске.

Встреча сказителя и собирателя, состоявшаяся в крестьянской избе в деревне Середка, в двух километрах от знаменитого кижского многоглавия, навсегда вошла в историю фольклористики, стала страницей русской культуры. Был открыт первый и ярчайший представитель прежде неведомой сокровищницы восточнославянского эпического наследия — Заонежья, тогда же названного «Исландией русского эпоса». Вслед за этим открытием последовали другие: в Заонежье, Пудогге, Кенозере, Каргополье...

В череде развернувшихся открытий новых имен, целых школ сказителей на просторах Русского Севера — от окрестностей Петербурга до далекой приполярной Печоры — не меркнет имя Трофима Григорьевича Рябинина. Он остается первоклассным мастером народного устно-поэтического искусства. А для новых поколений ученых-фольклористов, как прежде, глубоко почитаем исследовательский порыв одного из их предшественников — Павла Николаевича Рыбникова. В студенческие годы в Московском университете он слушал лекции предтечи фундаментальной науки о русском эпосе — Федора Ивановича Буслаева.

Напев рябининских былин напоминает нам, как и впервые услышавшему его собирателю, «что-то стародавнее, забытое нашим поколением», во власти чего «так радостно было находиться». Ощущение всеединства сущего, гармонии человека и природы, судьбы каждого из нас и Отечества, неразрывной связи сугубо земной крестьянской жизни с космическим мирозданием возвышает душу над будничностью. Русское эпическое слово раскрывает перед нами мироощущение пахаря-славянина, для которого и сосновые его хоромы — храм добра и света:

Все-то у Садка по-небесному:
На небе солнце — во тереме солнце,
На небе звезды — во тереме звезды,
На небе месяц — во тереме месяц.

Трофим Григорьевич Рябинин родился в Заонежье, в деревне Гарницы Сенногубского погоста, соседнего с Кижским, Петрозаводского уезда. Богатые культурные и литургические традиции края, нашедшие свое яркое выражение в крестьянском зодчестве, разнообразных видах прикладного изобразительного искусства и иконописи, а также в устно-поэтическом творчестве, народной музыке, хореографии, этике, послужили благодатной почвой для раскрытия дарования будущего певца былин.

Относительно места рождения Т. Г. Рябинина у исследователей его фольклорного наследия не возникает сомнений. Некоторый разнобой существует относительно года рождения. «Открывший» сказителя П. Н. Рыбников определяет его воз-

раст в 1860 году приблизительно «в шесть с половиной десятков лет», «явно за шестьдесят лет». «Сейчас Рябинину семьдесят лет», — пишет он в 1863 году. Согласно сведениям А. Ф. Гильфердинга, который записывал эпические песни от Т. Г. Рябинина 11 лет спустя, сказителю в 1871 году было «78 лет от роду». Иначе говоря, его возраст исчисляется с 1793 года. Именно эта дата фигурирует в надписи под известным фотографическим портретом, выполненным Н. Ф. Доссом и воспроизведенным гравером его императорского величества академиком Л. А. Серяковым: «Т. Г. Рябинин, крестьянин Олонецкой губ., певец былин. Род. 1793 г. Дозволено цензурою. С.-Петербург, 10 февраля 1872 г. Печатня В. И. Головина». Вместе с тем тогда же, во время пребывания сказителя в Санкт-Петербурге, в протоколе заседания Отделения этнографии Императорского Русского географического общества, а также в журнале общего собрания ИРГО указан несколько иной возраст сказителя: 80 лет. По-видимому, именно с тех пор во многих последующих работах, и прежде всего в энциклопедических статьях, посвященных Т. Г. Рябинину, стало традиционным упоминание 1791 года в качестве даты рождения сказителя*. (Такой же разнобой в указании возраста певца былин наблюдается и в Санкт-Петербургской периодической печати за декабрь 1871 года). Выявление числа и месяца, хотя бы приблизительное, может быть лишь предположительным. Если заглянуть в святцы, по которым давались имена новорожденным, то выяснится, что Трофимом мог быть окрещен появившийся на свет в один из трех дней года: 28 апреля, 5 июля или 2 сентября по новому стилю.

Трофим Рябинин рано лишился родителей. Когда он был еще ребенком, отца призвали в народное ополчение «во время, — сообщает А. Ф. Гильфердинг, — Шведской войны», где он и погиб. Через год после ухода отца на службу умерла мать Трофима. Сироту воспитал крестьянский мир — деревня хранила традиции помощи и сострадания, отраженные и в народной песне:

Ох, малешенок сын у батюшки приостался.
Я родной-то своей матушки не вспомню.

* Ныне сотрудницей музея «Кижь» С. В. Воробьевой проводится работа по уточнению биографических данных Т. Г. Рябинина на основе документов, хранящихся в Центральном гос. архиве Республики Карелия.

А кто меня, сиротинушку, вспоил-воскормил?
Вспоил-воскормил сиротинушку православный мир.

Детские годы сироты скрашивает людская доброта да еще эпическая поэзия, которая в то время составляла неотъемлемую часть крестьянского быта. Она вносит в духовный мир ребенка ощущение веры в торжество справедливости, в возможность честного преодоления любых жизненных невзгод. От старого крестьянина-односельчанина Ивана Агапитова Завьялова, умершего еще в начале XIX века, Трофим Рябинин перенял и всю жизнь берег в памяти былины о Добрыне и Змее, о Добрыне и Василии Казимировиче. От И. А. Завьялова будущий сказитель слышал и былинку о Михайле Пóтыке в развернутой версии. Дословно текст этой эпической песни он не запомнил, но спустя много лет, уже стариком, пересказывал ее содержание.

Особенно завораживало Трофима в детстве пение былины о Добрыне-змееборце. Быть может, оттого, что в ней во всем величии изображена мать богатыря, заботливая и любящая. Для мальчика она как бы восполняла его собственную утрату. Казалось, ее материнской любви хватит не только на неутомного Добрынюшку, но и на него, сироту Трофима:

Говорила тут Добрыни родна матушка:
«Ай же свет моё чадо любимое,
Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
Ты на добром коне в чисто поле поезживаешь. <...>
Не съезжай-ко ты, молоденькой Добрынюшка,
Ко той славной ко матушке к Пучай-реки,
Не ходи-ко ты купаться во Пучай-реки,
То Пучай-река очюнь свирепая,
Во Пучай-реки две струйки очюнь быстрых:
Перва струечка в Пучай-реки быстрым-быстра,
Друга струечка быстра, быдто огонь секёт».

А может быть, былина привлекла его светлым торжеством победы над злом во всех проявлениях. Как отмечает исследователь русского героического эпоса В. Я. Пропп, «змей в его древнейшей форме представляет природные стихии, а именно стихии огня, воды, гор и небесных сил — дождя и грозы». Отчасти этот персонаж порожден верованиями, свя-

занными с потусторонним миром. Позднее он осмысливается в качестве врага Русской земли. Побеждая Змея в первый раз, Добрыня преодолевает господство стихийных природных сил над человеком. Побеждая мифического антагониста во второй раз, освобождая из змеиных нор «полонá расейский», богатырь совершает общественный, государственный подвиг...

Подвиг ратоборца изображен и в былине о Добрыне и Василии Казимировиче. Эта эпическая песня окажется самой большой в репертуаре Т. Г. Рябинина. В записи А. Ф. Гильфердинга она состоит из 1022 стихов (строк). Вместе с двумя другими богатырями, Василием Казимировичем и Иваном Дубровичем, Добрыня Никитич навсегда освобождает святую Русь от уплаты «даней-выходов» «во темну орду» былинному королю Ботияну Ботияновичу (возможно, от «Батый». — А. М. Астахова). В рябининской былине этот сюжет соединяется с другим, известным в мировом фольклоре под названием «Возвращение мужа на свадьбу своей жены» (ср. сюжет «Одиссей и Пенелопа»).

Отправляясь по поручению князя Владимира в дальние земли, Добрыня дает наказ молодой жене ждать его двенадцать лет. По прошествии этого срока, означающего гибель богатыря Добрыни в походе, она вольна либо оставаться вдовой, либо вновь выйти замуж. Муж ставит лишь одно неперемное условие: не выходить «за бабьего да за насмешника» Алешу Поповича. Однако во время длительного отсутствия Добрыни, пока богатырь совершал героические подвиги во имя святой Руси, Алеша Попович не без содействия князя Владимира и княгини Апраксии принуждает Настасью Микуличну выйти за него замуж. И вот Добрыня появляется на свадьбе своего названного брата и собственной жены неузнанным, под видом бродячего гусяра:

Брал гусельшки Добрынюшка в белы ручки,
Заиграл Добрынюшка в гусельшка,
Он игру играет всё хорошеньку,
И наигрывал наигрыши хорошеньки <...>.
Еще вси-то скоморохи приумолкнули,
Еще вси-то игроки-то порозслухались,
А и не слыхали игры эдакой на сем свети.

Добрыня опускает обручальный перстень в чару Настасьи Микуличны, — и та узнает в гусляре мужа. Добрыня уводит жену в свои белокаменные палаты...

Звучит древняя песнь в темной ли избе, за стенами которой лютуют морозы, в негасимо ли светлых летних ночах на рыбацком стане — оживает тишина узором былинного речитатива. Добро и зло, благородство и коварство, честь и бесчестье предстают перед слушателями в вечных образах. Каждый из внимающих певцу, продолжая нескончаемую крестьянскую работу, — сеть ли плетя, сидя ли за верстаком шорника, стягивая обручем бондарные клепки или расписывая для дочери нарядную прялицу, — участвует в действе, развернутом в былине. Слушатели осуждают или оправдывают поступки героев эпоса, вырабатывая для себя нравственные основы жизни, углубляя свое понимание их.

Работать Трофим Рябинин начинает с раннего детства. Сострадание, деликатность, чувство собственного достоинства, которые отметит впоследствии в Т. Г. Рябинине счастливо «открывший» его П. Н. Рыбников, не позволят ему даже в тот трудный период ни просить подаяния, ни быть в тягость односельчанам. В окрестных заонежских деревнях он чинит сети, ловушки, другие рыболовные снасти, добывая себе пропитание.

Совместный труд свел Трофима Рябинина с Ильей Елустафьевым (Евстафьевым. — примеч. П. Н. Рыбникова), старым крестьянином родом из деревни Шляминской, что на Волкострове, расположенном чуть севернее Кижей. Земляки Елустафьева сообщили П. Н. Рыбникову, что был этот певец в свое время «первый сказитель в целом Заонежье и во всей Олонецкой губернии. Знал он несчетное множество былин и мог петь про разных богатырей целые дни». «Откачнувшись», как он сам выразился, от сына, старик питался тем, что ходил по волостям и «ладил», то есть мастерил или же чинил, сети для рыбной ловли. Иной раз прославленный сказитель добывал свой хлеб и пением былин.

Заонежане-современники вспоминали: «Соберется, бывало, сходка, мужики и говорят: «А ну, Илья Елустафьевич! Спой-ко нам былину». А он наместо ответит: «Положи-тко полтину, я и спою былину». Тут кто-нибудь из богатых выложит ему полтину, и станет Илья Елустафьевич рассказывать». Так в XIX век входила традиция, воспринятая им в прошлом столетии. И не только сохранялась, но и передавалась дальше: от учителя к ученику. От Ильи Елустафьева перенял 14 эпических

песен Кузьма Иванович Романов, крестьянин деревни Лонгасы (близ Гарниц); 8 былин усвоил внук Ильи Елустафьева, Терентий Иевлев, крестьянин с Волкострова. Одну былину перенял Александр Дьяков, крестьянин деревни Потаневщина Кижской волости.

Записанные от учеников тексты позволяют судить о репертуаре И. Елустафьева, хотя каждый из сказителей привносил в той или иной мере в традиционный текст свое, индивидуальное мастерство. Душевную восприимчивость к эпическому знанию проявил и работавший со старым мастером Трофим Рябинин. От Ильи Елустафьева он унаследовал эпические песни «Илья Муромец и Калин-царь», «Молодец и худая жена», а также, как установил В. И. Чичеров, «Хотен Блудович». Да и на былинах «Добрыня и Змей», «Добрыня и Василий Казимирович» (особенно в сюжетной линии, связанной с Добрыней и Алешей), которые были усвоены Т. Рябининым от И. А. Завьялова, по мнению того же исследователя, сказывается елустафьевское влияние. Вместе с тем «старины» «Илья Муромец и Калин-царь», «Молодец и худая жена» не сохранили в интерпретации Т. Г. Рябинина чисто елустафьевской формы.

Под мерное пение былины спорилась работа. Плели новые, чинили, распутывая, старые сети, льняные да конопляные. Напев уносил их в мир могучих характеров, героических подвигов. Возвышая и очищая душу, это пение не отрывало и от забот обыденности, от радостей крестьянской жизни, давало нравственную опору в годину невзгод и лишений.

И старый сказитель, и его юный ученик не сомневались, что все, о чем сказывалось в былине, происходило на самом деле в давние времена: «В старину-де люди были вовсе не такие, так теперь», «Вот как богатыри бывали доселе». «И ты веришь, что все это правда, о чем в былинах поется?» — спрашивали слушатели спустя многие годы у сына сказителя, И. Т. Рябинина. — «Знамо дело, правда, а то кака же потреба и петь их?.. В те-то времена поди чаво не было». И даже внук Трофима Григорьевича, Кирик Гаврилович Рябинин, утверждал в 1926 году: «Конечно, есть много и выдуманного, но есть и много правды; богатыри были: вот в городах в музеях показывают их доспехи. Вот у нас поля покрыты камнями; камни выворочены в сторону. Кто как не Микула Селянинович мог такие камни свернуть?»

Впоследствии, в 1871 году, освещая пребывание Т. Г. Рябинина в Петербурге, где он пел былины на заседании Отделения этнографии Императорского Русского географического общества, газета «Русский мир» отметит: «В рассказах Рябинина выражалось неподдельное чувство и вера в истинность того, о чем он рассказывает».

Из чувства сопереживания героям эпоса и создавалась атмосфера, вне которой невозможна передача знания учителем и восприятие этого знания учеником. Оба они, погружаясь в атмосферу былины об Илье Муромце и Калине-царе, сочувствуют старому казаку Илье Муромцу, которого князь Владимир в своем несправедливом гневе засадил «во погреб во глубокие, во глубокий погреб во холодный да на три-то году поры-времени», и радуются, когда добрая душа Опракса-королевична («молодец, девка») проявляет о старом богатыре заботу, приказав снести в темницу «перины да подушечки пуховые, одеяла приказала снести теплые, <...> ествушку поставить да хорошую и одежду сменять с нова-на-ново». Кому, как не им, ходящим по деревням в поисках заработка, не имеющим постоянного приюта, можно было оценить надежность теплого крова, наличие еды и одежды у былинного богатыря, старого казака. Возможно, что в соответствии со значением слова «казак» в севернорусских говорах социальный статус Ильи Муромца и впрямь осмыслился как положение подобного им наемного работника.

И как же не испытать певцам, учителю и ученику, того чувства тревоги, которое возникает у каждого слушателя, когда в былине поется о появлении под стенами Киева несметных полчищ Калина-царя, угрожающего самому существованию «веры и отечества». В порубежных землях Карелии, этой «Северной Украине» Русского государства, как нередко именуется Русский Север в старинных документах, ратная тревога жила веками. И потому так восхищается сын погибшего в бою со шведами порубежника Ильей Муромцем, когда, забыв свои личные обиды, несправедливую опалу, богатырь с первого же зова, как человек долга и чести, поднимается на защиту родной земли.

Но прежде чем выехать в бескрайнюю степь, чтобы призвать на помощь других святорусских богатырей, старый казак торопится к своему «паробку любимому». И вот они ря-

дом — как Илья Елустафьев с Трофимом Рябининым, — плечом к плечу и стремя в стремя, в том эпическом мире, где жизнь освящается беззаветным служением героев своему народу, где превыше всего — честь и долг. Но и в этом мире высокого служения и светлых помыслов не покидает героев эпоса — и их певцов! — извечная хозяйственная забота крестьянина о прочности, надежности сбруи-упряжи:

Еще подпруги шелковы тянутся, да оны не рвутся,
Да булат-железо гнется, не ломается,
Пряжечки ты красна золота
Они мокнут, да не ржавеют.

А символом битвы здесь служит сенокосная страда.

Вместе с Ильей Муромцем, поднимаясь с горы на гору и оглядывая несметные вражеские полчища, отчего «унывает сердце человеческо», а затем обнаруживая раскинувшиеся в чистом поле белые богатырские шатры, сказитель и его ученик надолго останавливают свой замороженный взгляд на той «пшене да белояровой», которую «зобают» у шатров богатырские кони. Вместе с Ильей Муромцем они чисто по-мужицки решают подпустить и его доброго коня до этого лошадиного лакомства. И вот уже конь Ильи не просто устремляется к яслям — грудью идет:

А у тех шатров у белых,
А там стоят кони богатырские,
У того ли полотна стоят у белого,
Они зобают-то пшеницу белоярову.
Говорит Илья да таковы слова:
«Поотведать мне-ка счастья великого».
Он накинуд поводы шелковые
На добра коня да й богатырского
Да спустил коня ко полотну ко белому:
«Ай допустят ли то кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну ко белому
Позобать пшеницу да белоярову?»

Подпустили богатырские кони в свой табун лошадь крестьянского героя — значит, и он сам вошел в круг степных витязей... Может быть, в этом ярком эпизоде живет не толь-

ко извечная крестьянская забота о коне-кормильце, но и отзвуки какого-то древнего представления о единой сущности коня и всадника и связанного с ним воинского обряда. Смелая выступка добра коня к лошадиной «братчине» предвещает будущие подвиги Ильи и его место в ряду прославленных богатырей восточнославянского эпоса. Когда же порубежники не торопятся седлать коней, не желая служить князю Владимиру, Илья Муромец веско объявляет такой отказ «делом нехорошим». Он покидает их общество: выйдя из шатра, подходит «к добру коню да богатырскому, брал его за поводы шелковыи, отводил от полотна от белого, а от той пшены от белояровой».

Потерпев неудачу в своей попытке привлечь к правому делу богатырей, Илья Муромец вступает в сражение с татарами один. Сказитель рисует картину боя богатыря со множеством врагов, преисполненную величественной монументальности. Однако путь богатыря к победе не прост. Ему предстоит преодолеть не только физические, но и нравственные испытания. Попав в вырытый врагами потайной подкоп, Илья оказывается в татарском плену. Калин-царь предлагает Илье различные блага, которых у князя Владимира богатырь никогда не имел. Но эти предложения вызывают у оскорбленного богатыря такую ярость, что он хватает за ноги первого попавшегося под руку татарина и побивает им остальных.

Илья вновь зовет богатырей на помощь, посылая в их стан заговоренную стрелу. Теперь в них пробуждается чувство ответственности за судьбу родной земли. Они спешат на выручку Илье. Сражение заканчивается полной победой над ордой пришельцев. Образы врагов, имеющих уже реальные очертания, сформировались в период монголо-татарского ига. Как установил В. Я. Пропп, певцы воспевали победу русского народа над врагом еще задолго до его реального поражения, пользуясь красками с палитры минувших веков. Традиция передавала эти эпические песни от поколения к поколению...

Представления о чести и долге созвучны складу ума и характера Трофима Рябинына, его душевному настрою. И потому героические былины со временем займут основное место в репертуаре сказителя.

Всякий раз по завершении былины слушатели надолго погружаются в тихое задумчивое оцепенение. Мысли их уно-

сятся из северной крестьянской избы в далекие, никогда не виденные степи, необозримо раскинувшиеся за тысячи верст от родимой деревни, за многие века до сиюминутного времени. Возникал зов пространства и времени, рождалось чувство причастности к былому и будущему Отечества. Если во многих «местностях Олонецкого края сохранилось столько остатков богатырского эпоса, то тому причиной поэтическая природа жителей и их поселения на окраине между Корелою и Чудью, где они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славном киевском и новгородском прошлом», — отмечает в своей «Заметке собирателя» П. Н. Рыбников. Он как бы отчасти отвечает на вопрос, который впоследствии задала газета «Русский мир» во время пребывания Т. Г. Рябининой в Петербурге: «Интересно бы знать, почему Рябинин рассказывал былины южнорусского эпоса, а не севернорусского?» И еще более определенно скажет П. Н. Рыбников в письме О. Ф. Миллеру от 21 октября 1866 года: «Нет, это богатыри святорусские, общие для всей Руси <...>. Они родились в целом народе, для целого народа, у которого условия жизни и мысли были общие».

Вторая эпическая песня, перенятая от Ильи Елустафьева, новеллистическая. Она носит семейно-бытовой характер. В ней повествуется о молодце, который сбежал от худой (нерадивой) жены. В иных, далеких землях он вел легкую и веселую жизнь, пока не «затосковал» по отцовскому поместью, быть может, заросшему зеленой крапивушкой. Вернувшись домой, молодец нашел в лице покинутой супруги добродетельную «умную-многообразную» жену. Она одна растит двух «малых глупых вьюношков» — сыновей, трудится, не покладая рук. Следует трогательная бытовая зарисовка. Перед нами образ заонежанки:

То идет она с крестьянской со работушки,
Во правый руки несет-то косу вострую,
Во левой руки несет-то грабли частыи,
На плечах бедна горюшица дрова несет,
Приходила-то к худому к малой хижинки.

В финале — радость узнавания и примирения супругов: молодец открылся не узнавшей его жене, та назвала его «мужом любимым». По-видимому, эта баллада привлекла мо-

лодого Трофима Рябинина заключенным в ней житейским опытом, приближенностью ее к реальной крестьянской жизни.

Известно также, что от Ильи Елустафьева Т. Рябинин слышал и былину о Святогоре. Однако, архаическая и загадочная, она сохранилась в памяти Трофима Григорьевича лишь в отрывках.

Как сообщает А. Ф. Гильфердинг, в 1812 году Трофим поступил в работники в дом своего дяди Игнатия Ивановича Андреева, жившего в деревне Гарницы, что стоит на самой южной оконечности Заонежья. Отсюда открывается величественный вид на бескрайние просторы Большого Онега. По здешним маячным огням и теперь сверяют путь корабли. Это место вот уже пятьсот лет напоминает заонежанам трагическую гибель парусного судна и чудесное спасение его хозяина, новгородского купца. В результате этого Русский Север обрел одного из самых известных святых олонецкого патерика — св. преп. Иону Климецкого, а большой остров близ Кижей — название Климецкого. Здесь, на гарницком маяке, служил смотрителем потомок Трофима Григорьевича, четвертый и последний сказитель прославленной рябининской династии, Петр Иванович Рябинин-Андреев. Но это потом, через век с четвертью.

По мнению Т. Г. Рябинина, его дядя был в то время самым лучшим певцом былин во всем их крае и превосходил в своем сказительском мастерстве даже Илью Елустафьева. От Игнатия Андреева Трофим Рябинин «понял» большую часть своего репертуара. Прекрасным мастером сказительского искусства был и живший здесь же зять И. И. Андреева Василий Софронович Сарафанов, отец сказителя Андрея Васильевича Сарафанова, от которого П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг записали 9 эпических песен, перенятых им от отца и деда.

Крестьянская работа спорится в руках молодого Трофима Рябинина. Появляется хозяйственный опыт, практическая сметка. Духовный же мир, эстетические идеалы определяются под влиянием напрочню вошедшей в жизнь юноши эпической поэзии. И отнюдь не случайно именно в эти годы Трофим перенимает от своего дяди вместе с навыком землепашца и былину о Вольге и Микуле, воспевавшую красоту и достоинство тяжкого крестьянского труда. Один из ее героев, князь Вольга, наделен знаниями чародея. Он овладел искусством пере-

воплощения, чтобы постичь светлые высоты верхнего, просторы среднего, таинственные глубины нижнего мира. Деление это определено мифологическими представлениями многих народов Земли и отражено в русском героическом эпосе:

Стал Вольга растеть-матереть,
Похотелось Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать во чистых полях...

Однако князю-чародею со всей его «дружинушкой хороброю» не по силам и малая часть той крестьянской работы, которую привычно, споро выполняет «оратай-оратаюшко на своей кобылке соловенькой», равно надежной и в ратном поле, и на пашне. По мнению сказителя (а значит, и всех певцов этой былины), нет искусства более высокого и нужного людям, чем крестьянский земледельческий труд.

А я ржи напашу да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
Драни надеру да и пива наварю.
Пива наварю да и мужичков напою.
Станут мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селянинович!»

В осознании значимости труда пахаря, выраженном в былине и ею же подкрепленном, закладывались те основы самоуважения, чувства собственного достоинства («гордости»), которые стали неотъемлемыми чертами характера Т. Г. Рябинина. На эти черты обратил внимание П. Н. Рыбников, приводя случай из жизни сказителя в бытность его уже хозяином собственного дома и главы семейства в кижской деревне Середка: «Один из полицейских чиновников прежнего времени попросил с него взятку за какое-то дело. Рябинин не дал. И случилось чиновнику этому проезжать чрез деревню Середку. Как он завидел Рябинина, так и бросился к нему с поднятыми кулаками. Т<рофим> Г<ригорьевич> спокойно отстранил его прочь от себя и заметил ему суровым голосом: «Ты, ваше благородие, это оставь: я по этим делам никому еще должен не оставался». Эти черты характера вместе с эпи-

ческим знанием унаследует сын сказителя Иван Трофимович Рябинин. Во время пребывания в Сербии он, крестьянский певец, произведет «неизгладимое впечатление» не только старинной русской песней и ее мелодией, но и своей скромностью и достоинством.

... А тем временем, живя в доме у Игнатия Ивановича Андреева, молодой Рябинин перенимает от него и другие эпические песни о полюбившихся героях. В числе их былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, известная во многих вариантах. Текст этой былины, записанный от Т. Г. Рябинина, стал хрестоматийным. Под внешне бесстрастный речитатив развертывается повествование, преисполненное движения, психологического напряжения.

В зачине былины вырисовывается ситуация поистине драматическая. К Киеву, столице древнерусского государства, нет больше «прямоезжей» дороги из других русских земель. Извечный путь туда «заколодел» и «замуравел» настолько, что серый зверь не может по нему «прорыскивать», а черный ворон — «пролетывать». О том, что сулит бездорожье (в былине: некогда наезженный тракт, заваленный деревьями и заросший дикими травами), севернорусский крестьянин знает не понаслышке. Причина же запустения, — повествует былина, — в том, что у обочины на семи дубах поселился Соловей-разбойник. Он кричит по-звериному, свищет по-соловьинному, шипит по-змеинному с такой силой, что темные леса к земле приклоняются, а сколько людей ни есть — все мертвы лежат. В этом страшном «гибридном» персонаже заметны черты и человека, и зверя, и птицы, и пресмыкающегося. Как отмечает Б. Н. Путилов, в нем соединены представления о мифическом страже, охраняющем вход в «иной» мир, и о «хозяине» леса. В то же время чудовищный Соловей-разбойник персонифицирует враждебные Киевскому государству силы, препятствующие объединению русских земель, нарушающие мир и спокойствие в стране. Победу над Соловьем-разбойником одерживает Илья Муромец, который осмысливается сказителями в качестве своего, крестьянского героя. Не случайно князь Владимир называет богатыря «мужиком», почти так же, как кличет Илью род-племя Соловья-разбойника — «мужичищем-деревенщиной». Крестьянский герой совершает подвиг, который имеет общенародный смысл:

«Полно-тко тебе слезить отцов-матерей,
Полно-тко вдовить жен молодых,
Полно спущать сиротать малых детушек!»

Как и других сказителей, Трофима Григорьевича интересует биография, личная жизнь богатыря, прославившегося многими героическими деяниями. В результате в круг былин об Илье Муромце попадают подчас и такие сюжеты, которые, по мнению исследователей, первоначально не были связаны с его именем. Такова былина об Илье Муромце и полянице удалой, усвоенная Т. Г. Рябининым от своего дяди за время их совместной работы долгими зимними вечерами. В этом тексте разрабатывается редкая версия в развитии сюжета. Здесь единоборство героя происходит не с сыном, как это обычно имеет место во всем мировом фольклоре, в аналогичных сюжетах эпосов различных народов, а с дочерью, удалой степной наездницей-поляницей.

Устами сказителя и воображением слушателей развертывается театрализованное действо. В нем бытовое смешивается с героическим, курьезное неотделимо от трагического, смеющегося комической ситуацией. Каждая сцена имеет свои декорации. Это ковыльные серебряные степи и древние белокаменные города, темные, дремучие леса и суровый интерьер походного шатра, одинокий приют странствующего воина-богатыря в чистом поле. Действующие лица описаны емко: до мельчайших деталей костюма и манер — «вежества», стати — «выступки». Они исполняют четко очерченные роли, наделены броско выраженным характером.

В былине фигурирует богатырская застава, названная в этом варианте Московской. Простирающаяся за ней земля надежно охраняется. Она неприступна для врагов-кочевников. Сюда никто не прохаживал, не проезживал, серый зверь не прорыскивал, птица не пролетывала. Сторожевые будни нарушаются внезапно. Появляется всадница-поляница в пушистой шапочке «завесистой». В этом подчеркнутом сказителем аксессуаре узнаваем традиционный головной убор степных народов Евразии — малахай, низко надетый на голову воинственно настроенной наездницы: спереди не видно лица ее румяного, сзади — шеи белой.

Незванная гостья ведет себя вызывающе. Не пожелав по-рубежникам традиционного «Бог в помощь», она «с соловьем посвистом», с воинственным кличем «во всю голову» вызы-

вает себе «поединщика». В случае отказа от немедленного поединка дева-поляница грозитя снести голову самому князю Владимиру, «повырубить» на святой Руси мужичков и пустить «на дым» Божьи церкви. На заставу пришел опасный враг.

Первым принимает вызов молодой Алеша Попович. Но, только взглянув на поляницу из-за «сыра дуба», так и не решается к ней приблизиться. Добрыня Никитич хотя и подскочил к дерзкой наезднице, да не рискнул у нее «силушки отведывать», поскорее «поворот держал». Тогда седлает коня старый казак Илья Муромец. То, что открывается взору выехавшего на бой испытанного воина, поражает воображение певцов и слушателей своей невероятностью. Ведь даже у самого Ильи Муромца богатырское сердце «приужахнулось»:

Ездит поленица в поле, тешится,
Шутит она шуточку немалую —
Кидает она палицу булатную
Под звтую под облаку ходячую,
Подъезжает-то она на добром коне,
Подхватит эту паличку одной рукой,
То как лебединым перышком поигрывает,
И не велика эта палица булатная,
Весом-то она до девяноста пуд.

На полном скаку богатырских коней, берущих разбег в раздольном чистом поле, слетаются поединщики! Гнутя доспехи. Ломаются палицы и копыя. Кипит рукопашная схватка. Нелегко далась Илье победа: временами ему грозило поражение, лютая гибель. Даже под занесенным над ней ножом не утрачивает поляница вызывающей отваги. Честит победителя «старой базыгой новодревней». Лишь на заданный в третий раз вопрос о ее роде-племени степная поляница удостоивает Илью ответа. Старый воин узнает, что перед ним — его родная дочь, выросшая у матери в чужой земле.

Казалось бы, счастливый финал налицо. Умироотворенно, величаво «поехали по славну по раздольицу чисту полю» отец и обретенная им дочь. «В раздольице чистом поле разъехались»... Идиллия длится недолго. Опускается на степь темная ночь. Поляница пытается убить спящего богатыря. Но чуток сон порубежника. Клятвопреступнице, едва не ставшей отце-

убийцей, нет пощады. Монументальной трагической сценой заканчивается драма, на сей раз принявшая облик народной эпической песни.

Старики слушали обычно молча. Молодежь сидела смирно, лишь изредка прерывая пение восклицаниями: «Ишь ты, на-поди!»

... И все же такой исход этого эпического повествования в чем-то внутренне певцов не устраивает. Не случайно в репертуаре Т. Рябинина появляется былина со сходным сюжетом, но с противоположной его развязкой. Это былина о двух королевичах из Крякова — Петрое Петровиче и Луке Петровиче, также перенятая Рябининым от Игнатия Андреева. Скажем сразу: никакого отношения к реальному Кракову эпический Кряков не имеет. Былина открывается сказочно прекрасным прологом, как бы предвещающим благополучный финал. Молодой Петрой Петрович выезжает на охоту, и опять-таки «во славное раздольице чисто поле». Проездив день с утра до вечера и не встретив дичи, он достигает морского побережья:

Подъехал он ко синему ко морюшку
И насмотрел-то он на синём море,
На той на тихой на забереги,
На зеленом на затресьи,
Плавают две белые лебедушки, колыблются.

Живописным этюдом «былинного» пейзажа действие как бы приближено к слушателям. Здесь узнаваема тихая красота Заонежья, открывающаяся всякому, кто выйдет на бережок острова ли, «матерой» ли земли. Знакомые дали кижского лукоморья. Синь проливов и узорчье островов. Звонкий приплеск волны у кремнистого бережка. «Тут вдавалась глубоко в берег заберега, там мы плыли „по тихой по заводи“, а где тихая заводь, там есть и „затресь“, только в мае месяце затресья были покрыты не зеленою «трестю», а белою, высохшею от мороза и ломавшеюся от удара весел», — так описывает П. Н. Рыбников окрестности, впервые направляясь в кижскую деревню Середка, где к тому времени жил Т. Г. Рябинин. И Онего здесь нередко называли в песнях «темным морем, страховитым, гневливим». Поддавшись ощущению правдоподобности действия, певец, а вслед за ним и слушатели не сразу

улавливали, а может, и вообще не замечали тот момент, когда в повседневность вливались горячие краски мифа:

Эты белые лебедушки
Проязычили языком человеческим:
«<...> Не две белые мы есть-то не лебеди,
Есть-то мы две девушки две красных,
Две прекрасных Настасьи Митриевичны».

Услышав такие речи от белых лебедушек, опускает охотник свой тугой лук. А впереди у него новая встреча. На «сыром дубе кряковистом» он видит диковинного ворона: перьяца у птицы, распушенные до самой земли, черным-черны, зато крыльница ее белым-белы. Вновь накладывает Петрой Петрович «калену стрелу», натягивает «тетивочку шелковеньку». Но и эта птица «проязычит» в свою защиту голосом человеческим:

«В кельи старца-то убить — так то не спасеньё,
Черна ворона подстрелить — то не корысть получить».

Здесь мы оставляем в стороне интересный случай переключки мотива севернорусской агиографической, житийной литературы, где не редки упоминания о нападениях грабителей на келью старца-отшельника, с развернутой метафорой былинного повествования.

Согласно фольклорному замыслу, этими двумя встречами с волшебными птицами, где герой проявил благородство, подготавливается третья, где королевичу будет воздано по делам его. Так и происходит. В чистом поле Петрой Петрович наезжает на «паленичицу» — татарского богатыря. Тот ведет себя с ним так же, как удалая поляница с Ильей Муромцем. С помощью тех же традиционных эпических формул описывается и богатырский бой. И теперь спрашивает молодой Петрой Петрович, занеся «свое кинжалище булатное» над поверженным степняком, про его род-племя. Ответ предотвращает трагедию: перед Петром Петровичем его родной брат — Лука Петрович. Ребенком он был увезен татарами в орду. Там и возрос. На святую Русь приехал поискать своего «роду-племени и поотведати себе-то отца-матери».

В финале — знакомая картина, исполненная величия. На этот раз она ничем не омрачена:

Оны сели на добрых коней, поехали
По славному раздольищу чисту полю
Ко славному ко городу ко Крякову.

Былина передает и радость матери по случаю возвращения ее обоих сыновей — Петроя и Луки. Ни одна из эпических встреч не заканчивается трагически: ни в чем герой не проявил опрометчивости, нигде не пролилась невинная кровь. Оттого столько света, простора, доброты в этой поэтической былине.

В то время Трофим переживал пору молодости. Казалось, само сердце прислушивалось к эпическим песням о том, как люди «на веку женятся». Именно в этот период жизни Т. Рябинин перенимает от Игнатия Андреева былины о Дунае, о Пóтыке и от Федора Трепалина из ближайшей деревни Мигуры, у которого ему случалось временами жить в рабочих,

В эпической песне о Дунае сетует князь Владимир на пир: все добрые молодцы поженены, все красные девушки замуж выданы — только он один холост, неженат. В описании внешности невесты, которая, по словам князя, пришлась бы ему по душе, заключено народное представление о женской красоте:

Очушки-то у ней ясных соколов,
Бровушки-то у ней черных соболей,
Походочка была бы лани белая,
Белая лани напольская,
Напольская лани, златорогия.

Невесту поручают высватать в литовской земле Дунаю: он в чужих землях послом бывал, «говорить горазд». Дунай, преодолевая трудности, справляется с поручением. Он везет невесту князю Владимиру. В раздольище чистом поле Дунай встречает ее сестру — удалую поляницу Настасью. Герой предлагает степной наезднице выйти за него замуж и получает согласие. По прибытии в Киев устраивается двойной свадебный пир. Спустя какое-то время Дунай, на беду, решает испытать боевое искусство жены: ставит себе на голову серебряное кольцо — и Настасья трижды простреливает его налет, даже не сбивая мишень с головы мужа.

Теперь Дунай берет в руки лук. В тревоге Настасья поведала мужу: в ее чреве ждет часа своего появления на свет их сын-первенец. Но Дунай в кураже пытается блеснуть искусством лучника. Спущенная им стрела пронзает жену. Чтобы проверить предсмертные слова супруги, Дунай «распластал ей чрево женское» и увидел чудесного младенца, у которого «по коленца ножки в серебре, по локоточки рученьки в золоте, на головушке по косицам звезды частые». Осознав всю тяжесть содеянного — загубил он «две головки бесповинных!» — Дунай бросается на клинок своей сабли. От Дуная и супруги его, прекрасной и отважной Настасьи, протекли в море две быстрых реки, взыгравших далеко в полуденной степи единым стрежнем. Это — символ грядущего примирения героев в некоем ином измерении времени и пространства.

Эпическая песня о Дунае — образец высокой народной поэзии. Несмотря на то, что ее герои отличаются от обычных людей своей монументальностью и живут не в реальном, а в эпическом мире, былина привлекает крестьянских певцов и слушателей заложенным в ней житейским опытом, четко выраженной моралью: чтобы сберечь простое человеческое счастье, нужно уметь вовремя его оценить.

В отличие от этой две другие былины — о Пóтыке, Иване Годиновиче — повествуют о коварных, неверных женах. Их героини сказочно прекрасны. В былине о Пóтыке это «белая лебедушка», оборачивающаяся девушкой, а охота героя на лебедей символизирует его сватовство. Но внешне прекрасные героини едва не губят своих мужей. Тем лишь чудом удается спастись от их козней. Правда, Т. Рябинин, в отличие от других исполнителей этих былин, усиливает психологическую разработку характеров, реальную бытовую мотивировку. Он объясняет коварство и измену героинь не изначальной их враждебностью, а чисто бытовыми ситуациями: сомнениями по поводу верности мужа, неодобрением его хождения во «царев кабак», желанием быть царицей, а не работницей в доме. И все же оценка происходящего у различных певцов по сути дела однозначна:

«Всякий молодец на веку женится,
А не всякому женитьба удаётся!»

Как обычную житейскую историю обсуждают былинное повествование слушатели:

- Каково, братцы, три месяца прожить в земле!
- Вишь, поганая змея, выдумала еще хитрить...
- Вот, подумасшь, бабьи уловки каковы...

В тот же период жизни Трофим Рябинин усвоил и былину о Дюке. Он перенял ее у старого сказителя Ивана Кокойкина. У него Рябинину также доводилось временами служить в работниках. В этой былине повествуется о великом закладе, на который быются два древнерусских франта. Былина пронизана той простодушной иронией, которая, по словам В. Г. Белинского, является «одним из основных элементов русского духа».

Из неких эпических земель выезжает молодой боярин Дюк Степанович. Он держит путь на святую Русь, в славный стольный Киев-град. Захотелось ему посмотреть на князя Владимира с княгиней Опраксией, на могучих богатырей и удалых поляниц. На пути к Киеву он с помощью своего богатырского коня преодолевает три заставы. Это «змеи поклёвучии», «звери поедучии» и «горушки толкучии». Наконец, Дюк в Киеве. Он находит князя Владимира в Божьей церкви. Рядом с ним Дюк видит Чурилу Пленковича — и тот относится к нему вызывающе. Да и сам Дюк хорош: хаает насланные в Киеве «мосточки кирпичные». Не по вкусу ему и угощение: корочку калачиков он обкусывает вокруг, а середочку кобелям бросает, «питьица медвяные» по горенке расплескивает.

Дюк величается, что в его городе все иначе и все гораздо лучше, чем в Киеве: богаче, роскошнее, еда вкуснее. Задетый за живое заезжим хвастуном, заносчивый Чурила предлагает Дюку побиться с ним о велик заклад: каждый из них в течение трех лет должен ежедневно присажать верхом к «обеде христовской», на всеобщее обозрение, всякий раз в новой одежде, одна лучше другой. Дюк посылает письмо своей матушке с просьбой прислать ему побольше «одежицы снарядной». Матушка отправляет сыну наряды. Тот стал эту «одежицу понашивать». Дюк и Чурила стремятся перещеголять друг друга в изысканной красе одеяний, меняющихся каждый день целых три года. Наступил последний день назначенного срока. Приблизился финал состязания. Казалось,

ни один из щеголей не уступает другому. Оба франта появляются в таких нарядах, какие только смогло создать незаурядное воображение сказителей:

Петелки ты вплетаны шелковеньки;
Пуговки ты вливаны да золочены;
В петелки ты вплетано по красной по девушке,
А й во пуговицы ты вливано по доброму по молодцу:
Как застенутся, так и обоймутся,
А й ростенутся, так поцелуются.

И все же в одежде Дюка есть преимущество. На голове у него разместился целый космос:

Шапочка надета на головушку,
Спереду введен да и светел месяц,
По косицам введены да звезды частыи,
А шелом на шапочке как быдто жар горит.

Одежда у Дюка чудесным образом озвучена: от одного лишь прикосновения шелковой плеточкой петельки у него свищут по-соловьиному, пуговицы кричат по-звериному. От такого переклика птичьего и звериного «народ стал падать на кирпичный мост».

Посрамленный щеголь Чурила вновь вызывает соперника на состязание. Теперь им обоим предстоит «скачнуть через славну матушку Пучай-реку». Выполнить эту трудную задачу Дюку не мудрено, он обладает крылатым конем. Дюк не только лихо перелетает на противоположный берег, но и бросается на помощь тонущему в пучине Чуриле, вытаскивая его «за кудерышки».

Вернувшись в Киев, Чурила подстрекает князя Владимира послать писарей и оценщиков, чтобы «описать у Дюка их богатство <...> да все имениё, их великую бесчисленну золоту казну». Но богатства Дюка неисчислимы. Чтобы описать их, не хватит на чернила с перьями всей киевской казны. Былина заканчивается пиром, который устраивает богатырям Дюк.

Исследователи усматривают в этом сюжете признаки противостояния Киеву одного из русских княжеств (возможно, Галицкой земли). Такое противопоставление для сказителей столь же курьезно, как состязание двух щеголей. И потому столько простодушного юмора в этой эпической песне.

Сказительское мастерство Т. Рябинина набирает силу...

По сведениям А. Ф. Гильфердинга, в возрасте 24 лет он женится и переезжает в дом тестя, в кижскую деревню Середка. И, как говорится в былине, стала молодая семья «жить да быть, век коротать». Ныне Середка — деревушка в два-три дома. По данным же столетней давности, здесь, в непосредственной близости от Кижского острова, в кипящей многолюдьем округе, числилось 19 домов, 104 жителя.

Крестьянское хозяйство Т. Г. Рябинин ведет исправно. Он, попавший в дом жены примаком, вскоре становится «полномочным хозяином»: имеет хороший надел земли, занимается хлебопашеством, используя для этого, как и его земляки, древнюю соху и кованный в деревенской кузнице серп. Помимо зерновых, выращивает картофель, репу, капусту, огурцы, а также лен, коноплю (преимущественно для изготовления рыболовных сетей).

Трофим Григорьевич не ограничивается рыбным промыслом на родном Онеге. Вместе с другими заонежанами он раз сорок в своей жизни побывал на Ладоге. Что влечет его на бурное море-озеро, к чужим берегам? Богатый ли промысел, дающий возможность уплатить подати, прокормить растущую семью? Близость ли Петербурга, где бойко раскупалась благородная ладожская рыба — осетр, стерлядь, лосось и форель, «сладкий» валаамский сиг? А может быть, и надежда найти среди ладожан и других рыбаков, пришедших сюда на путину, — благодарных слушателей и певцов сызмалу любимых былин? Ведь у себя дома, в кижских деревнях, сказительским искусством никого не удивишь. Здесь любой старик, а то и сорокович годами споет, на худой конец перескажет одну-две «старины». Вот и ученики Ильи Елустафьева, других «славутных» заонежских сказителей вошли в силу. Здесь же, на Ладоге, на рыбном промысле, талант эпического певца в почете. Об этом сообщает П. Н. Рыбников в письме И. И. Срезневскому от 2 апреля 1863 года: «<...> в праздничный день рыболовы с других судов собирались обыкновенно слушать у него (Рябинина. — Н. К.) старины. Кто-нибудь брался исполнять его дело на его сойме, а сам Рябинин между тем пел и сказывал без умолку. „Если б ты к нам пошел, Трофим Григорьевич, — говорили рыболовы, — мы бы за тебя работали и кормили вволю, лишь бы ты сказывал нам“».

Певец ли былин, сказочник ли на особом положении в промысловой артели. Певец — актер, но он же маг, волшебник. Его былина «синему морю на тишину, а всем добрым людям на послушанье». Силой своего искусства сказитель умиротворит волны, разгонит супротивные ветры, призовет добрую поветерь, оградит от вредоносных сил. Он расположит в свою пользу «хозяев» природных стихий — и те пошлют людям богатый улов. Без певца былин, сказочника ли нет в промысловой артели радости приобщения к высокому крестьянскому искусству, выверенному веками. Нет и овладения житейским опытом предков. Не бывать без верного слова и рыбацкой удаче... Как не стремиться сказителю туда, где его дар так необходим и почитаем! Благодатно, раздольно для песен Ладожское озеро. Недаром его, как и Онего, наши предки величали синим морем. Это сюда выходили по Волхову-реке былинные ладьи:

Тут Садко-купец, богатый гость,
Строил он себе черлен корабль:
Корму в нем строил по-гусиному,
А нос в ём строил по-орлиному,
В очи выкладывал по камешку,
По славному по камешку по яхонту,
Нагрузил-то он товару на черлен корабль,
Поехал он по славну по синю морю.

И долго еще потом, дома, в полутьме зимней избы, вспоминается, как взлетала на крутой гребень волны и опускалась плавно, словно птица-лебедь, крутобокая смоленая соемка, тесовый, шитый вересовым корешком кораблик. Как захватывало дух на вольном ветре от высоты ли неба многозвездного, от встающих ли в перламутровой дали миражей, которыми отвеку славится Ладога. А пуще — от серебряного мерцания богатого улова — щедр бывал «хозяин» ладожских глубей. Влекла Трофима Григорьевича синяя Ладога своими лютыми бурями — не раз приходилось «от сердца Богу да святому Николаю-чудотворцу маливаться». Но вновь просилась душа в этот простор, таинственный и не безопасный для плавания даже в «бёлу тишину», как называют заонежские мореходы полный штиль. Ведь в то время не было на великом озере ни маяков, ни бакенов, ни буюв. Зато как остро

ощущалась здесь жизнь, радость бытия! Как поверялся близостью лютой гибели дух! И всегда было место, находилось время — песне.

Бывал Т. Г. Рябинин в те годы и в Петербурге: раза два на самое короткое время, только для сбыта рыбы. Изредка он наведывался и в Петрозаводск. Обычно сюда отправлялись за мукой, а с собой привозили рыбу, мясо, масло, яйца и другие припасы. Повседневная же крестьянская жизнь сказителя в деревеньке Середка ничем не отличалась от привычного быта земляков. Ритм земледельческого труда, как и столетия тому назад, соизмерялся с народным месяцесловом, полюсами которого стали зимний и летний солнцеворот. Было в этом календаре место и трудовым будням, и светлым праздникам. Повседневность наполнялась обычными крестьянскими заботами и радостями, невзгодами и печалью. Не раз посещала его дом и беда.

В те годы Т. Г. Рябинин считается весьма исправным домохозяином, хотя не из самых зажиточных. Он вырастил четырех (по некоторым сведениям — пятерых) сыновей. Двое из них, старшие, взятые в солдаты, умерли на службе. Двое других, Гаврила и Иван, жили еще при отце. Дети Рябинина (особенно младший сын) уже учились от отца сказывать былины. «Какой мальга мой Ванька, а и тот уже научился от меня петь, хоть еще и не вполне. Как едет по деревне, запоет про ратая — по деревне стон стоит» — как-то обмолвился Т. Г. Рябинин в разговоре с П. Н. Рыбниковым.

Гаврилой Т. Г. Рябинин не был доволен. Не случайно в репертуар сказителя вошла и прочно в нем удерживалась новеллистическая былина «Горе», в которой он, как человек строгой морали, выразил свое неприятие пьянства:

Заходил-то молодец ён во царев кабак,
Выпил рюмочку вина зеленого,
Выпил рюмочку да еще другую,
Испивал-то он да й третью рюмочку,
А и тут-то молодец да й раскуражился,
А он бабищей турьжной позабавился.
Так он денежок тых пропил пятьдесят рублей,
Пятьдесят рублей он пропил со полтиною,
Обвалился молодец тут на царев кабак.

Набежали тут же голи кабацкие. Сняли с него кушак семишелковый, шубоньку кунью, шапочку соболиную, перчаточки с чистым серебром, сапоженьки сафьяновые. Они обули его в липовые лапти, одели в рогожу, на голову напялили колпак «поношенной да тот и брошенной». Горюшко, которое в конце концов свело доброго молодца в могилу, недолго о нем плачет, скоро утешилось: «Я топерь пойду во славу во каменну Москву, у меня там есть еще лучший тебя».

... Праздники волновали душу перезвоном кижских колоколов, плеском парусов летом, зимой — перешлясом принаряженных коней, устремлявшихся к тридцатитрехглавому диву Кижского острова. Тогда жители здешней округи из десятков деревень владели красой ансамбля храмов, не делясь со всем белым светом. Тогда эпическое многоглавие, вырастая из кремнистого бережка, устремлялось к слоистому небу пыланием своих глав еще вовсе молодо. В тяжелых рубленых стенах-посомках еще жил дух родимого бора.

И Трофим Григорьевич, как и все его земляки, поднимался по высокой торжественной лестнице, по широким, врубленным в балки-«тетивы», — называющиеся еще и «струнами!» — ступеням. «Мне ступень ступить — во сто рублей, мне другую ступить — во тысячу!» — вспоминаются слова старинной заонежской причети. Навстречу, по такой же лестнице, поднимаются ближние — «спорядовые» — и вовсе дальние соседи, сходятся на верхней площадке-рундуке. Народ, конечно, и тогда всякий бывал. Иной «встренется — поклонится, а отвернется — россмехнется». Но в общем кижане слыли людьми «постатейными», рассудительными.

Собор, рубленный в суровое, столь памятное и кижанам петровское время не от избытка сил и средств, «не от полного, довольного», а подчас на последние гроши вдов и сирот, оставшихся от долгих лет шедшей и многие годы продолжавшейся Северной войны, служил предназначенную ему службу: согревал души людей. Сдержанными цветами неярко цвел высокий иконостас. До самого расписного «неба» наполнено храмовое строение теплым светом свеч и согласием людских душ, от сердца идущей совместной молитвой Богу. Общим, воистину соборным Словом людей грешной земли своему Отцу Небесному. И вот после службы сходят кижане

с высокого «красного» крыльца своего храма, возвращаясь к обыденности: «Мне ступень ступить — во тысячу, мне другую ступить — во сто рублей...»

Равномерное течение крестьянской жизни сказителя нарушилось неожиданно. Вхождение Трофима Григорьевича в историю русской и мировой фольклористики произошло побудничному просто. Майским утром 1860 года Леонтию Богданову, крестьянину деревни Середка, удалось «уломать» «гордого и упрямого Рябинина» зайти вечером к нему в избу: там ждал его П. Н. Рыбников. От Л. Богданова он уже знал, что «супротив» Трофима Рябинина и Кузьмы Романова не будет сказителей в целом Заонежье... «Вот и Трофим Григорьевич пришел!» — сказал тогда памятно для молодого фольклориста земляк Рябинина.

— Негоже нонь сказывать мирские песни, ноне пост: наб стихи (духовные.— Н. К.) петь,— промолвил, выслушав просьбу, сказитель, приверженный древнему благочестию.

— В стихах, Трофим Григорьевич, поют, в назидание слушающим, о святых людях; да ведь и в былинах сказывается о вековой старине, о древних князьях и святорусских богатырях. Сам ты знаешь, что в былинах на конце припеваётся: «Синему морю на тишину, а всем добрым людям на послушанье», — настаивал молодой собиратель.

В тот вечер Т. Рябинин первой исполнил эпическую песню о Хотене Блудовиче, повествующую (соответственно возрасту нечаянного слушателя) о женитьбе удалого героя на прекрасной девушке, высватать которую для сына честью не удалось бедной вдове, его матери:

Соскочит Хотина со добра коня,
Подходит он ко терему, злату верху,
Стал он замочиков отщаливать,
Стал он дверцы выставливать;
Приходит он во терем, во златой верех:
<...> «Ай же ты, Офимьюшка-купец-дочи!
Идешь ли ты замуж за Хотинушка,
За того Хотину за Блудовича?»
Говорит Офимья таковы слова:
«Три года я Господу молилася,
Чтоб попасть мне замуж за Хотинушка,
За того Хотину за Блудовича.»

Атмосфера этого пения навсегда запечатлена собирателем: «Напев былины был довольно однообразен, голос у Рябинина по милости шести с половиною десятков лет не очень звонок, но удивительное умение сказывать придавало особенное значение каждому стиху. <...> И где Рябинин научился такой мастерской дикции: каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение!» В тот же вечер сказитель пропел былины об Иване Годиновиче, о Садко, о Пóтыке. Вспоминая эту встречу с «первым сказителем в целом Заонежье», П. Н. Рыбников писал 11 апреля 1861 года П. А. Бессонову: «Бедный Рябинин, не встречавший уважения (не к себе: он слишком нравственная и серьезная личность) к своим любимым былинам, после разговоров со мною ободрился и сам стал ценить поэтические обломки, сохранившиеся в его памяти; для меня он нарушил Петровский пост, в который ел только хлеб и коренья, чтобы рассказывать „мирские вещи“». В последующие дни П. Н. Рыбников записал от Т. Г. Рябинина и другие эпические песни. При расставании, несмотря на усиленные просьбы П. Н. Рыбникова, Т. Г. Рябинин ничего не согласился взять с него «за науку». Когда же собиратель на прощание подарил его большухе платок, то Т. Г. Рябинин тотчас же отдал его шитым полотенцем, объяснив: «Когда, П<авел> Н<иколаевич>, приятели расстаются надолго, то у нас в обычае дарить друг другу на память дáровья». Так в очередной раз проявилась гордость сказителя, соединенная с деликатностью, уважением к самому себе и к другим.

Знакомство П. Н. Рыбникова с кижским сказителем на этом не кончилось. Будучи изредка в Заонежье проездом, он всегда успевал свидеться с Трофимом Рябининым и Кузьмой Романовым, записать от них другие былины. Бывая в Петрозаводске, они всякий раз заходили к П. Н. Рыбникову домой и пели его знакомым «на послушанье». «Эти песни не раз были петы у меня на дому при гг. В. И. Модестове, Д. В. Поленове, Ф. Н. Фортунатове, Е. Ф. Фортунатове, Остроумове, Н. Д. Дмитриеве, Преферанском и многих других», — писал 15 октября 1862 года П. Н. Рыбников.

В 1860—1862 годах он записал от Т. Г. Рябинина 22 сюжета (23 текста, включая и отрывки) эпических песен, в которых, по словам собирателя, поддерживалась былинная па-

мять о славном киевском и новгородском прошлом. Тогда же он обратил внимание и на другие грани крестьянской культуры Заонежья, в контексте которой формировалась эпическая поэзия: «Народ все был приветливый, радушный, вел веселую беседу, держал себя с удивительным тактом и, по врожденной вежливости, при первом свидании не расспрашивал о цели моей поездки». И еще: «радушный, откровенный народ были эти кижане...»

В 1871 году другой крупнейший собиратель былин в Олонецкой губернии, известный ученый-славист, председатель Отделения этнографии Императорского Русского географического общества А. Ф. Гильфердинг восхищенно отзовется о севернорусском крестьянине: «Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видел; он поражает путешественника столько же своим радушием и гостеприимством, сколько отсутствием корысти». И далее: «Это — народ-труженик в полном смысле слова». Прослушав за время своей двухмесячной экспедиции около 70 певцов, А. Ф. Гильфердинг также называет первым среди лучших сказителей Т. Г. Рябинина. От него собирателю удалось записать 19 сюжетов (21 текст) эпических песен. Основная часть былин из репертуара певца (13 текстов) была зафиксирована в Кижях 6—8 июля 1871 года; 6 остальных — 24—27 ноября и 4 декабря этого же года в Петербурге, куда собиратель, по решению Отделения этнографии Императорского Русского географического общества, пригласит сказителя. Одновременно А. Ф. Гильфердинг перепроверит некоторые из текстов, записанных им в Кижях.

Основываясь на своих полевых наблюдениях, А. Ф. Гильфердинг отмечает, что «знание былин составляет как бы преимущество наиболее исправной части крестьянского населения», к которой он относит и Т. Г. Рябинина, добавляя далее: «По-видимому, былины укладываются только в таких головах, которые соединяют природный ум и память с порядочностью, необходимою и для практического успеха в жизни». Сказанное дополняет характеристику Т. Г. Рябинина, данную ему ранее П. Н. Рыбниковым.

Сказитель приезжает в Петербург 22 ноября* 1871 года. Останавливается у А. Ф. Гильфердинга, который взял на себя

*Эту дату установила фольклорист З. И. Власова.

все расходы по приезду и пребыванию Т. Г. Рябина в Петербурге, ходатайствуя перед Отделением этнографии лишь о назначении сказителю «некоторого подарка». И на квартире А. Ф. Гильфердинга, и в других частных домах интеллигенция Петербурга знакомится с искусством заонежского певца. Но особенно знаменательным было выступление Т. Г. Рябина на заседании Отделения этнографии, в зале Географического общества. Оно состоялось 3 декабря 1871 года, в 8 часов вечера.

Как сообщает газета «Санкт-Петербургские ведомости», на этом заседании присутствовал председатель Русского географического общества его императорское высочество великий князь Константин Николаевич, а также вице-председатель, президент Академии наук, граф Ф. П. Литке, многие из числа профессоров университета и другие петербургские ученые. Сверх того, отмечает газета, публики собралось около 130 человек. Это же событие освещает и газета «Русский мир»: «Нет сомнения, что слушать былины из уст самого сказителя (рапсода) случай редкий и весьма интересный, который, вероятно, и привлек в заседание громадную публику, большая часть которой за неимением мест стояла». В основном это была научная, творческая интеллигенция да и просто любители русской народной поэзии. «Жаль, что только немногие имели возможность послушать его, — желающих, конечно, нашлось бы очень много», — сетовала газета «Биржевые ведомости».

Экстренное заседание Отделения этнографии открыл председательствующий А. Ф. Гильфердинг. Он представил певца его императорскому высочеству и всем присутствующим. Перед ними у стола в кресле, положив обе руки на подлокотники, сидел старик лет восьмидесяти, «крестьянин Олонецкой губернии, одетый в сибирку^{*}, с длинной седой бородой и с глубоко впавшими глазами, придающими ему почтенный и серьезный вид». Тогда же, по просьбе редакции журнала «Русская старина», Н. Ф. Досс снял с Рябина фотографический портрет, который был мастерски воспроизведен гравером его императорского величества академиком Л. А. Серяковым. Впервые опубликованный в 1872 году, в пятом томе «Русской

^{*} сибирка — русская верхняя одежда из сукна в виде короткого кафтана в талию со сборками.

старины», он обойдет все последующие издания былин из репертуара сказителя. Этот портрет приводится и в данной книге. Петъ Т. Г. Рябинин начал без всякого «приготовления и вступления, смело, без робости, как человек, давно привыкший к своему делу». Он исполнил былин о Вольге и Микуле, затем последовала развернутая эпическая поэма об Илье Муромце и Калине-царе, состоящая из более шестисот стихов. После перерыва сказитель пел былины, которые желали услышать собравшиеся. По просьбе профессора Петербургского университета О. Ф. Миллера он исполнил «старину» «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», где богатырь, несправедливо обойденный вниманием князя Владимира, не пригласившего его на «славный почестен пир», отстаивает свое человеческое достоинство («гордость»). Художественный и музыкальный критик, историк искусства В. В. Стасов попросил Т. Г. Рябина спеть былин «Добрыня и Маринка», которая в его исполнении имеет сходство с былинной об Иване Годиновиче. В заключение, по желанию А. Ф. Гильфердинга, сказитель спел балладу «Молодец и худая жена», относившуюся к числу текстов, которые не были в свое время зафиксированы П. Н. Рыбниковым. И А. Ф. Гильфердингу, записавшему эту балладу лишь несколько дней назад, хотелось поделиться открытием еще одного сюжета в репертуаре известного мастера эпического слова.

Тогда же была охарактеризована манера пения сказителя, о чем мы узнаем из газеты «Санкт-Петербургские ведомости»: «Пение его — это постоянный речитатив на мелодическую фразу, занимающую объем одной строчки текста из былины. И эта фраза постоянно повторяется с каждой новой строчкою, лишь с самыми маленькими изменениями, условленными количеством слов и слогов. Заключение постоянно одно и то же, вовсе без всяких изменений. Середина представляет те микроскопические изменения, о которых мы сейчас говорили. Начало же каждой строки двоякое: большая масса стихов прямо начинается с верхних нот, направляющихся в известном узоре сверху вниз; другая же часть — это стихи зачинные, как бы начала красных строк, перед которыми певец останавливается на единое мгновение, отдыхает и собирается с голосом и дыханием. Эти зачинные стихи представляют ту маленькую отмену против остальных, что

поднимают мелодию кверху, ноты на две вверх, и потом уже продолжают общую мелодию, спуская ее по обыкновению вниз. Всё, что мы слышали в этот вечер в исполнении певца Рябинина, пето всё на одну и ту же мелодию, несмотря на разницу былин и песен». И далее: «Голос Рябинина — довольно приятный, несмотря на старость, тенор. Поет он очень просто, не возвышая и не ослабляя голоса».

Вот почему на портрете, написанном И. Е. Репиным во время исполнения певцом былины и передающем его интеллект, работу мысли и чувства, рот у Т. Г. Рябинина «недоскрыт». Это, как отмечают Б. и И. Грановские, типично для севернорусской манеры сказывания.

Высоко оценив сказительское искусство Т. Г. Рябинина, Отделение этнографии постановило: ходатайствовать о награждении сказителя серебряной медалью. Уже в начале 1872 года в печати появится следующее сообщение: «Государь Император, по всеподданейшему докладу министра внутренних дел желая Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Константина Николаевича, о награждении известного рапсода и сказителя русских былин, крестьянина Олонецкой губернии Трофима Рябинина, Всемиловейше соизволил в 18-й день февраля, пожаловать Рябину серебряную медаль с надписью «за полезное», для ношения на шее на Станиславской ленте». Губернатор Олонецкой губернии вызовет Т. Г. Рябинина в Петрозаводск и лично объявит ему о Высочайшей награде, о чем письменно известит Отделение этнографии. А тогда, 3 декабря 1871 года, Отделение в знак своего уважения и благодарности вручило Т. Г. Рябину денежное вознаграждение в размере 100 рублей серебром. Помимо этого, его императорское высочество великий князь Константин Николаевич удостоил певца былин подарком, как нельзя более удачно выбранным для сказителя, воспевающего княжеские пиры Владимира-солнышка: августейший председатель Общества пожаловал ему серебряный кубок в древнерусском стиле.

Затем состоялись другие выступления Т. Г. Рябинина, в частности, на заседании Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета, которое состоялось 5 декабря 1871 года, в 8 часов вечера. На нем А. Ф. Гильфердинг прочитал доклад о современном состоянии народного эпоса в Олонецкой губернии.

Как отметил П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Т. Г. Рябинин, прибыв из Олонецкой губернии в Петербург, показал здесь «достойный наблюдения и изучения живой образец народных рапсодов».

Выступления сказителя в Петербурге дали мощный импульс для творчества известных композиторов и художников. М. П. Мусоргский записал от Т. Г. Рябинина напев былины «Вольга и Микула», который был опубликован А. Ф. Гильфердингом, а затем Н. А. Римским-Корсаковым. (В то же время был записан и напев былины «Добрыня и Василий Казимирович», но авторство записи не установлено). М. П. Мусоргский впоследствии использовал рябининский напев в своей опере «Борис Годунов» (1872), в четвертом действии, в сцене под Кромами, на литовской границе. Музыкальные темы севернорусского сказителя звучат в песне Мисаила и Варлаама «Солнце, луна померкнули, звезды с неба покатились, вселенная восколебалась от тяжкого греха Борисова...»

Почти восемь лет спустя после выступления Т. Г. Рябинина в Петербурге, 12 августа 1879 года, В. В. Стасов напишет Л. Н. Толстому: «Вот вы, например, не знаете наверное, какую пользу принес тут у нас Рябинин. Его главные мотивы не только что записаны и напечатаны, но еще Мусоргский употребил один великолепный — вот уже подлинно архи-великолепный — мотив его в своего «Бориса Годунова». Это у него поют иноки Варлаам и Мисаил (помните, по Пушкину и Карамзину), когда идут поднимать народ против Бориса. Я вам скажу, это такой мотив, что просто ума помраченье! И как выходит на сцене, — немножко с оркестром, который чуть-чуть то там, то сям его притронет! Кабы вы всё это знали, кабы вы всё это слышали!» Напевы сказителя Т. Г. Рябинина и его сына И. Т. Рябинина послужили первообразом и для Н. А. Римского-Корсакова при создании речитативов в опере «Садко» (1896). От сына сказителя запишет в 1894 году рябининские напевы и впоследствии использует их в своем симфоническом сочинении «Фантазия на темы И. Т. Рябинина» (1899) для фортепьяно с оркестром А. С. Аренский.

Во время выступления Т. Г. Рябинина в Петербурге в декабре 1871 года И. Е. Репин написал, как уже говорилось, портрет сказителя, с которого смотрит на нас «худощавый старик с длинными, мягкими, тронутыми сединой волосами

и короткой бородой». С освоением фольклорного наследия русских сказителей в профессиональное искусство — изобразительное, музыкальное, словесное — навсегда вошли и заняли в нем достойное место персонажи русского национального эпоса. Включение в научный обиход новых и новых текстов стимулировало развитие фольклористики как науки.

Всего от Т. Г. Рябинина записано 44 текста. 23 из них были опубликованы в первом томе «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым». М., 1861 (3-е изд. Петрозаводск, 1989). 21 текст — во втором томе «Онежских былин, записанных А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года». СПб., 1873 (4-е изд. М., Л., 1950). В собрании А. Ф. Гильфердинга приведены напевы к двум былинам: о Вольге и Микуле, о Добрыне и Василии Казимировиче (см. с. 190, 191 настоящего издания).

Репертуар Т. Г. Рябинина состоит в общей сложности из 26 сюжетов (это свыше 6000 стихов). Разумеется, певцу были известны и другие эпические песни. По свидетельству А. Ф. Гильфердинга, он слышал, но очень давно, от одного старика былин про рагнозерского богатыря Федора Рахоя, который ходил бороться в Москву. Не все былины сохранились в памяти старого сказителя. Разумеется, в репертуар Т. Г. Рябинина вошла лишь часть сюжетов из тех, которые бытовали в кижской эпической традиции. По подсчетам А. М. Астаховой, здесь в XIX—XX веках было записано от всех сказителей, взятых в совокупности, 53 сюжета. Но таким знанием былин, каким владел Т. Г. Рябинин, не располагал ни один певец. Выделялся он и своим индивидуальным мастерством. Хотя Рябинин перенимал былины от тех же сказителей, от которых усваивали эпическое знание и другие певцы, его тексты отличаются своеобразием и художественным совершенством.

Репертуар Т. Г. Рябинина не был устойчивым. Он менялся в течение всей его жизни. П. Н. Рыбникову не удалось записать ряд сюжетов, которые одиннадцать лет спустя сказитель исполнил А. Ф. Гильфердингу («Илья Муромец и Калин-царь», «Илья Муромец в ссоре со Владимиром», «Добрыня и Змей», «Добрыня и Маринка», «Молодец и худая жена»). В свою очередь Гильфердинг уже не услышал от Т. Рябинина нескольких былин, некогда пропетых им Рыбникову («Самсон-богатырь», «Святогор», «О Илье Муромце и поганом Идо-

лице», «О Ермаке Тимофеевиче», «О Ставре Годиновиче», «О Василии Буслаевиче», «Поездка Василия Буслаевича», «О Садко-купце, богатом госте»). Даже варианты одной и той же былины, исполненные Т. Г. Рябининым и записанные в разное время Рыбниковым и Гильфердингом, или варианты былины, зафиксированные Гильфердингом в июле 1871 года в Кижях и в ноябре того же года в Петербурге, порой существенно отличаются друг от друга.

Трофим Рябинин — «творец новых редакций». Сила его искусства — в умении подчинить все мотивы и детали эпической песни раскрытию ее основного замысла. Творчески усваивая традиционные сюжеты, он нередко ломал их, заново перестраивая в определенной последовательности, вводя эпизоды, которые дополняют очертания героических характеров, опуская детали, которые нарушают фольклорную логику повествования. Прекрасно владея традиционными эпическими формулами и приемами, храня в своей памяти множество излюбленных слов, оборотов, выражений, он пользовался ими экономно, чтобы сберечь прозрачность композиции, сдержанность эпического стиля, величавость былинного повествования.

Т. Г. Рябинин проявлял чувство художественной меры, большой вкус и такт, нигде не переигрывая. Сказитель строго выдерживал песенный размер и эпический склад повествования. Характеризуя размер былинного стиха, А. Ф. Гильфердинг пишет: «В „Ставре“ у Рябинина хорей с дактилем, а в „Пóтыке“ — чистый хорей, в „Вольге и Микуле“ — анапест. Эти три размера вмещают в себе весь наш народный эпос, за исключением некоторых более поздних его произведений». Вот почему, по наблюдениям П. Н. Рыбникова, у Рябинина «один и тот же быстрый напев очень весел в „Ставре“; в „Пóтыке“ нежнее и заунывнее; в „Вольге и Микулушке“ становится торжественным (по выражению сказителей, в „Ставре“ надобно петь толще, а в „Пóтыке“ тоньше); протяжный напев грозен в „Илье Муромце и Соловье“, в „Двух королевичах из Крякова“, еще грознее в „Палянице“» (из письма И. И. Срезневскому от 2 апреля 1863 года).

Мелодия эпических песен в исполнении Т. Рябинина легко укладывается в рамки гармонии дорийского лада. При исполнении разных былин сказитель варьирует в сущности

один и тот же напев; лишь былина о Вольге и Микуле пелась на особый мотив.

Былины из репертуара Т. Г. Рябинина — образцы классического эпоса. Они вошли в хрестоматии и антологии. Тексты прославленного заонежанина не обойдет вниманием ни один эпосовед¹, разгадывающий сокровенный смысл древнего песнопения. Исследователи рассматривают в былинах особенности исторического сознания народа, проявления его художественного вкуса. Вместе с тем они видят в эпических песнях отражение души сказителя, свидетельства многообразных изгибов его мысли, движений сердца, признаки той незатейливой обстановки, в которой он живет, и очертания бытия, в котором хотел бы жить.

На личный вклад Трофима Рябинина в шлифовку традиционных сюжетов, в приближение их к быту севернорусского крестьянина, к его эстетическим вкусам и историческим запросам обратил внимание французский ученый, доктор Парижского университета Вильфрид Шетеуи. В своей объемистой монографии, посвященной русскому сказителю, вышедшей в 1942 году в оккупированном немцами Париже, он впоследствии напишет: «Т. Г. Рябинин, старый крестьянин из деревни Середка, имеет полное право войти как рапсод в историю русской поэзии».

... А тем временем по возвращении из Петербурга Т. Г. Рябинин продолжает «крестьянствовать». При нем по-прежнему живут два младших сына, Гаврила и Иван. В родительском доме за общей работой в долгие зимние вечера они приобщаются к сказительскому искусству — «старинки тянут», особенно младший — будущий сказитель Иван Трофимович Рябинин.

Гаврилой, как уже говорилось, отец не был доволен. Не случайно в репертуар сказителя вошла и прочно в нем удерживалась новеллистическая былина «Горе», повествующая о пьянице, загубившем свою молодую жизнь. Будучи человеком серьезным, придерживающимся строгих нравственных

правил, Т. Г. Рябинин отделяет Гаврилу от семейства, и тот ведет хозяйство самостоятельно. Трофим Григорьевич исключил его из семьи столь же решительно, как Алешу Поповича из числа воспеваемых им богатырей. Осудив гуляшного, нарушившего долг побратимства Алешу в былинке о Добрыне и Василии Казимировиче, он раз и навсегда отказывается от его положительного образа. (Со временем сын Гаврилы, внук Трофима Григорьевича, Кирик Гаврилович Рябинин, ценой невероятных усилий поднимет пришедшее в упадок отцовское хозяйство и продолжит семейную традицию сказителей, усвоив от своего дяди, Ивана Трофимовича, былины «Вольга и Микула», «Илья Муромец и Соловей-разбойник».)

Младший же, Иван, продолжает жить с отцом. Обзаведясь семьей, он остается в родительском доме. И это согласие между ними вполне понятно. Ведь Иван, как и отец, вина не пьет, табаку не курит, истово соблюдает пост, во время которого по древнему обычаю питается одной капустой да квасом. Он счастливый семьянин, неустойчивый работник, человек умирительной простоты и душевной уравновешенности. Так отзовется о нем позднее, уже в 90-е годы, Е. А. Ляцкий.

Наверно, Иван так и жил бы под отцовским крылом, под кровом родительского дома, не случись беда. Через семь лет супружеской жизни умирает у Ивана жена. Спустя какое-то время он женится на вдове Герасима Яковлевича Андреева и переселяется в ее дом в деревне Гарницы. «Взматеревший» — повзрослевший — Рябинин-сын возвращается в родовое гнездо, которое в молодости покинул его будущий отец... К этому времени Иван становится наследником поэтического таланта Т. Г. Рябинина, успев перенять основную часть его репертуара — 15 былин. Будучи ревностным старообрядцем, младший Рябинин пел, помимо былин, духовные стихи (зафиксировано 3 произведения этого жанра).

Трофим Григорьевич Рябинин прожил большую человеческую жизнь. Он умер 14 февраля 1885 года. По словам Ивана, отец «уж очень древен был: ходил, ходил, так и помер благополучною смертью». Похоронили его под сенью Кижского собора, в ограде знаменитого погоста.

В том же году, 17 ноября, скончался и Павел Николаевич Рыбников. Дата вхождения в вечную историю культуры и

* Эта дата выявлена С. В. Воробьевой.

¹ О фольклорном наследии Т. Г. Рябинина писали в свое время А. М. Астахова, В. Г. Базанов, В. Ф. Миллер, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, Б. М. и Ю. М. Соколовы, М. Н. Сперанский, П. Д. Ухов, К. В. Чистов, В. И. Чичеров, другие ученые. В 1942 г. в Париже на французском языке была издана монография В. Шетеуи «Русский сказитель Рябинин-отец: Былина в XIX веке».

время ухода из жизни оказались и для сказителя, и для собирателя былины общими.

Былины из репертуара Т. Г. Рябинина продолжали звучать. Теперь их исполнял сын сказителя Иван Трофимович Рябинин. Увоенные им эпические песни в большинстве своем почти дословно повторяют тексты отца, бережно сохраняя традицию, восходящую к началу XIX века и — глубже — к середине XVIII столетия. «На то она и старина, что как старики певали, так и нам петь надо. Сам знаешь — не нами сложена, не нами кончится», — говорил, бывало, Иван Рябинин. И потому не любил он, когда пение прерывали, останавливали: «А может, лучшие-то слова как раз у конца сказываются!» И только допев былинку до конца, И. Т. Рябинин с удовлетворением объявлял: «И тым эта былинка, господа-общество, покончилась». «Обществом» же, внимающим певцу, стали к тому времени не только лучшие салоны и ученые собрания Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, но и благодарные слушатели в европейских столицах — Софии, Белграде, Вене, Праге, Варшаве. Благодаря этим выступлениям, русская эпическая поэзия получила широкое общественное признание далеко за пределами Отечества.

Теперь в Гарницах на правах мастера уже Иван Рябинин «отмахивал» вечерами старинку за старинкой. Вместе с односельчанами внимали ему сыновья. Но продолжателем семейной традиции станет со временем пасынок Ваня... Это он обретет потом громкое имя сказителя Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева и передаст свое сказительское искусство и имя сыну Петру, родившемуся уже на пороге нового века, в 1905 году. Петр Иванович Рябинин-Андреев бережно донес бесценный дар былинного слова едва ли не до наших дней (умер в 1953 г.), сохранив основной рябининский репертуар. В слове и напеве сказителя, ставшего членом Союза писателей, ощущалось живое дыхание родоначальника славной сказительской династии и его далеких предшественников и современников, известных и вовсе безымянных.

Словно белоснежная птица, несет нас по синеве Онежского озера крылатая «Ракета». Сюда, в Кизи, от Петрозаводска те-

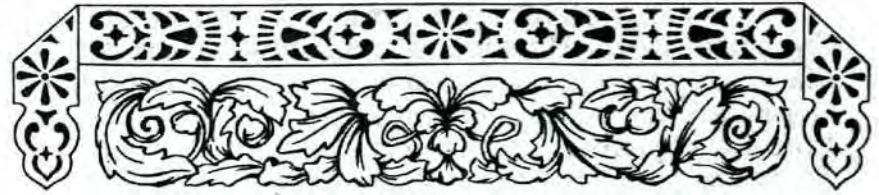
перь лишь час езды. Мелькнули решетчатые створы гарницкого мыса, этого южного преддверия Заонежья. Потянулись живописные заросли тростника-тресты. С палубы летучего кораблика видны руины деревушек с громкими названиями, дорогими сердцу всякого любящего российскую словесность. Вот и Середка. Кто-то и в этом году сметал здесь, на краешке заброшенной нивки, тощий стожок, желтеющий среди рыжих вересков. Жива еще деревенька...

Теплоход подваливает к кижской пристани. Толпы туристов бродят по церковному кладбищу. Недавно сотрудниками музея уточнено место погребения Трофима Григорьевича Рябинина... В музее развернута экспозиция, повествующая о выдающихся русских сказителях Заонежья: Рябининых, В. П. Щеголенке, И. А. Федосовой... Минута — и звучит обретенный заново, запечатленный на пластинке знаменитый рябининский напев, как «что-то стародавнее, забытое нашим поколением».

Н. А. Криничная

**Во славном раздольице
чистом поле...**

*(избранные былины из репертуара
Т. Г. Рябинина)*

ВОЛЬГА И МИКУЛА

 ил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да переставился.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольга Святославгович.
Стал Вольга расти-матереть,
Похотелось Вольге да много мудростей:
Щукой-рыбою ходить Вольге во синих морях,
Птицей-соколом летать Вольге под оболоки,
Волком рыскать во чистых полях.
Уходили-то все рыбушки во глубоки моря,
Улетали все птички за оболоки,
Убегали все звери за темны леса.
Стал Вольга он расти-матереть
И собирал себе дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых.

Был у него родной дядюшка,
Славный князь Владимир стольно-киевский.
Жаловал его тремя городами всё крестьянами:
Первым городом Гурчовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Молодой Вольга Святославгович,
Он поехал к городам и за получкою
Со своей дружинушкой хороброю.
Выехал Вольга во чисто поле,
Он услышал во чистом поле ратая.
А орет в поле ратай, понукивает,
А у ратая-то сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешики прочиркивают.
Ехал Вольга он до ратая,
День с утра ехал до вечера,
Да не мог ратая в поле наехати.
А орет-то в поле ратай, понукивает,
А у ратая сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешики прочиркивают.
Ехал Вольга еще другой день,
Другой день с утра до пабедья,
Со своей со дружинушкой хороброю.
Он наехал в чистом поле ратая,
А орет в поле ратай, понукивает,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уедет — другого не видать.
То коренья-каменя вывертывает,
Да великие он камня все в борозду валит,
У ратая кобылка соловенька,
Да у ратая сошка кленовая,
Гужики у ратая шелковые.

Говорил Вольга таковы слова:

— Бог тебе помочь, оратаюшко,
А орать да пахать да крестьяновати,
С края в край бороздки пометывати!

Говорил оратай таковы слова:

— А поди-ко ты, Вольга Святославгович!
Мне-ка надобно Божья помочь крестьяновать,
С края в край бороздки пометывать.
А й далече ль, Вольга, едешь, куда путь
держишь

Со своею со дружинушкой хороброю?

Говорил Вольга таковы слова:

— А еду к городам я за получкою,
К первому ко городу ко Гурьевцу,
К другому-то городу к Ореховцу,
К третьему городу к Крестьяновцу.

Говорил оратай таковы слова:

— Ай же Вольга Святославгович!
Да недавно был я в городе, третьего дни,
На своей кобылке соловою,
А привез оттуль соли я два меха,
Два меха-то соли привез по сороку пуд.
А живут мужики там разбойники,
Они просят грошев подорожных,
А я был с шалыгой подорожною.
А платил им гроши я подорожные:
А кой стоя стоит, тот и сидя сидит,
А кой сидя сидит, тот и лежа лежит.

Говорил Вольга таковы слова:

— Ай же оратай-оратаюшко!
Да поедем-ко со мною во товарищах,
Да ко тем к городам за получкою.

Этот оратай-оратаюшко

Гужики с сошки он повыстенул
Да кобылку из сошки повывернул
А со тою он сошки кленовенькой,
А й оставил он тут сошку кленовую,
Он сел на кобылку соловеньку;
Они сели на добрых коней, поехали
По славному раздолыцу чисту полю.

Говорил оратай таковы слова:

— Ай же Вольга Святославгович!

А оставил я сошку в бороздке,
Да не гля-ради прохожего-проезжего,
Ради мужика-деревенщины:
Они сошку с земельки повыдернут,
Из омешиков земельку повытряхнут,
Из сошки омешики повыколнут,
Мне нечем будет молодцу крестьяновати.
А пошли ты дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омешиков земелька повытряхну́и,
Бросили бы сошку за раки́тов куст.

Молодой Вольга Святославгович
Посылает тут два да три добрых молодца
Со своей с дружинушки с хороброей
Да ко этой ко сошке кленовенькой,
Чтобы сошку с земельки повыдерну́и,
Из омешиков земельку повытряхну́и,
Бросили бы сошку за раки́тов куст.
Едут туда два да три добрых молодца
Ко этой ко сошке кленовоей;
Они сошку за обжи кругом вертят,
А им сошки от земли поднять нельзя,
Да не могут они сошку с земельки повыдернути,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросити сошки за раки́тов куст.
Молодой Вольга Святославгович
Посылает он целым десяточком
Он своей дружинушки хороброей
А ко этой ко сошке кленовоей.
Приехали они целым десяточком
Ко этой славной ко сошке кленовенькой;
Они сошку за обжи кругом вертят,
Сошки от земли поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повыдерну́и,
Из омешиков земельки повытряхну́и,
Бросить сошки за раки́тов куст.
Молодой Вольга Святославгович

Посылает всю дружинушку хоробрую,
То он тридцать молодцев без единого.
Этая дружинушка хоробрая,
Тридцать молодцов да без единого.
А подъехали ко сошке кленовенькой,
Брали сошку за обжи, кругом вертят,
Сошки от земельки поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повыдернути,
Из омешиков земельки повытряхнути,
Бросити сошки за раки́тов куст.

Говорит оратай таковы слова:
— Ай же Вольга Святославгович!
То не мудрая дружинушка хоробрая твоя,
А не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросити сошки за раки́тов куст.
Не дружинушка тут есте хоробрая,
Столько одна есте хлебоясть.

Этот оратай-оратаюшко
Он подъехал на кобылке соловенькой
А ко этой ко сошке кленовенькой,
Брал эту сошку одной ручкой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за раки́тов куст.
Они сели на добрых коней, поехали
Да по славному раздолью чисту полю.
А у ратая кобылка она рысью идет,
А Вольгин тот конь да поскакивает;
А у ратая кобылка грудью пошла,
Так Вольгин тот конь остается.
Стал Вольга покрывати,
Стал колпаком Вольга пома́хивати,
Говорил Вольга таковы слова:
— Стой-ко, постой, да оратаюшко!

Говорил Вольга таковы слова:
— Ай же оратай-оратаюшко,

Эта кобылка конем бы была,
За эту кобылку пятьсот бы дали.

Говорит оратай таковы слова:
— Взял я кобылку жеребчиком,
Жеребчиком взял ю с-под матушки,
Заплатил я за кобылку пятьсот рублей:
Этая кобылка конем бы была,
Этой бы кобылке и сметы нет.

Говорил Вольга таковы слова:
— Ай же ты оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Как звеличают по отечеству?

Говорил оратай таковы слова:
— Ай же Вольга ты Святославгович!
Ржи напашу, в скирды складу,
В скирды складу да домой выволочу,
Домой выволочу, дома вымолочу,
Драни надеру да то я пива наварю,
Пива наварю, мужичков напою.
Станут мужички меня покликивати:
— Ай ты молодой Микулушка Селянинович!

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

з того ли то из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Выезжал удаленькой дородний добрый
молодец.

Он стоял заутрену во Муромле,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный
Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу
к Чернигову.

У того ли города Чернигова
Нагнанó-то силушки черным-черно,
А й черным-черно как черна ворона;
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черной ворон не пролетывают,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоёй,
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под
Чернигов-град.

Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.

Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Ай ты славныя богатырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал:
Как у той ли то у Грязи-то у Черной,
Да у той ли у березы у покляпья,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Левонидова,
Сидит Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он крычит злодей-разбойник по-звериному,
И от него ли то от посвисту соловьего,
И от него ли то от покрику звериного
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
А й окольноёй дорожкой цела тысяща.

Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,

Да ко тою ко березы ко покляпья,
К тому славному кресту ко Левонидову.
Засвистал-то Соловей да й по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,—
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонилися,
Его добрый конь да богатырский
А он на корзни да потыкается;
А й как старей-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня а по крутым ребрам;
Говорил-то он Илья да таковы слова:
— Ах ты волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь али нести не мошь?
Что ты на корзни, собака, потыкаешься?
Не слыхал ли посвисту соловьего,
Не слыхал ли покрику звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?
А й тут старей казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрелил в того Соловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею.
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристянул его ко правому ко стремечку
булатному,

Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышко повез да Соловьиное.
Во том гнездышке да Соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых;
Больша дочка эта смотрит во окошечко
косявчато,

Говорит она да таковы слова:

— Едет-то наш батюшко чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
Да везет он мужичищо-деревенщину,
Да у правого стремени прикована.

Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет батюшко раздольищем чистым полём
Да й везет он мужичища-деревенщину,
Да й ко правому ко стремени прикована.

Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет мужичищо-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована.
Ему выбито-то право око со косицею.

Говорила-то й она да таковы слова:
— Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-тко рогатины звериные.
Вы бежите-тко в раздольице чисто поле.
Да вы бейте мужичища-деревенщину.

Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да Соловьиные,
Похватали как рогатины звериные,
Да и бежали-то они да й во чисто поле
Ко тому ли к мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.

Говорит им Соловей-разбойник

Одихмантьев сын:

— Ай же зятевья мои любимые,
Побросайте-тко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину
В своё гнездышко зовите Соловьиное,
Да кормите его естwuшкой сахарною,
Да вы пойте ёго питьищем медвяным,
Да й дарите ёму дары драгоценные.

Эты зятевья да Соловьиные

Побросали-то рогатины звериные
А й зовут-то мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да Соловьиное.
Да й мужик-от деревенщина не слушатся,
А он едет-то по славному чисту полю,
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел со

Божьей церкви,

Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А й тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посеред двора,
Сам идет он во палаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пятау он дверь ту поразмахивал,
Крест-от клал он по-писаному,
Вел поклоны по-учёному,
На все на три на четыре на сторонки

низко кланялся,

Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным.

Тут Владимир-князь стал молодца

выспрашивать:

— Ты скажи-тко, ты откулешной, дородний
добрый молодец,

Тобе как-то молодец да именем зовут,
Величают удалого по отчеству?

Говорил-то старья казак да Илья

Муромец:

— Есть я с славного из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!

Говорит ему Владимир таковы слова:
— Ай же старья казак да Илья Муромец,
Да й давно ли ты повыехал из Муромля
И которою дороженькой ты ехал в стольный
Киев-град?

Говорил Илья да таковы слова:
— Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутрену Христовскую во Муромле,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный
Киев-град,

То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то
Чернигов-град,

Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Левонидов крест.

Говорил ему Владимир таковы слова:
— Ай же мужичищо-деревенщина,
Во глазах, мужик, да надлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество,
То пехотою никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал;
А й у той ли то у Гязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у покляпоу,
У того креста у Леванидова,
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын,
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы улетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаются,

Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертво лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
Й он ко стремени булатному прикованный.

То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорешенько ставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинуд на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы
слова:

— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закрычи-тко, собака, по-звериному.
Говорил-то Соловей ему разбойник

Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владимир-князь да
стольно-киевский:
— Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й
по-соловьему,

Прикажи-тко закрыть да по-звериному,
Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты в полсвисту солвьего,
Закрычи-тко ты в полкрыку звериного.

Говорил-то ему Соловей-разбойник
Одихмантьев сын:
— Ай же старья казак ты, Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,

Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да й по-соловьему,
Закрывать-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зеленá вина,
Я повыпью-то как чару зеленá вина,
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да й уста мои сахарни порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закрыву да по-звериному.

Говорил Илья тот князю он Владимиру:
— Ты Владимир-князь да стольно-киевский!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена вина,
Ты не малую стопу да в полтора ведра,
Подноси-тко к Соловью к разбойнику.

То Владимир-князь да стольно-киевский
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зеленá вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Подносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом,
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закрывал разбойник по-звериному,—
Маковки на теремах покрíвились,
А околени во теремах рассыпались
От его от посвисту соловьего,
А что есть-то людюшок, так все мертвы́ лежат;
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.
А й тут старый-от казак да Илья Муромец
Он скорешенько сажился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
Й он срубил ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:
— Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко крычать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцей-мáтерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молóдых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых
детушок.

А тут Соловью ему и славу поют,
А й славу поют ему век по́ веку.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ ПОГАНОЕ

Приезжал Идолище поганое
в стольно-Киев-град

Со грозою со страхом со великим
Ко тому ко князю ко Владимиру,
И становился он на княженецкий двор,
Посылал посла ко князю ко Владимиру,
Чтобы князь Владимир стольно-киевский
Ладил бы он ему поединщика,
Супротив его силушки супротивника.
Приходил посланник ко Владимиру,
И говорил посланник таковы слова:
— Ты Владимир — князь стольно-киевский!
Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
Поединщика и супротивника с силушкой
великою,

Чтобы мог он с Идолищем справиться.

Тут Владимир-князь ужахнулся,
Приужахнулся да и закручинился.
Говорит Илья таковы слова:
— Не кручинься, Владимир, не печалуйся:
На бою мне-ка смерть не написана,
Поеду я в раздольице чисто поле
И убью-то я Идолища поганого.

Обул Илья лапотники шелковые,
Подсумок одел он черна бархата,

На головушку надел шляпку земли Греческой,
И пошел он ко Идолищу поганому.
И сделал он ошибочку не малую:
Не взял с собой палицы булатной
И не взял он с собой сабли вострыя;
Идет-то он дорожкой — пораздумался:
— Хошь иду-то я к Идолищу поганому,
Ежели будет не пора мне-ка, не времечко,
И с чим мне с Идолищем будет справиться?

На тую пору, на то времечко,
Идет ему встрече каличище Иванище,
Несет в руках клюху девяноста пуд.
Говорил ему Илья таковы слова:
— Ай же ты, каличище Иванище!
Уступи-тко мне клюхи на времечко —
Сходить мне к Идолищу к поганому?

Не дает ему каличище Иванище,
Не дает ему клюхи своей богатырской.
Говорил ему Илья таковы слова:
— Ай же ты, каличище Иванище!
Сделаем мы бой рукопашечный:
Мне на бою ведь смерть не написана,
Я тебя убью — мне клюха и достанется.

Рассердился каличище Иванище,
Здынул эту клюху выше головы,
Спустил он клюху во сыру землю,
Пощел каличище — заворыдал.
Илья Муромец едва достал клюху из сырой
земли.

И пришел он в палату белокаменну
Ко этому Идолищу поганому.
Пришел к нему и проздравствовал.
Говорил ему Идолище поганое:
Ай же ты, калика перехожая!
Как велик у вас богатырь Илья Муромец?
Говорит ему Илья таковы слова:
— Толь велик Илья, как и я.

Говорит ему Идолище поганое:
По многу ли Илья ваш хлеба ест,
По многу ли Илья ваш пива пьет?

Говорит Илья таковы слова:
— По стольку ест Илья, как и я,
По стольку пьет Илья, как и я.

Говорит ему Идолище поганое:
— Экой ваш богатырь Илья:
Я вот по семи ведр пива пью,
По семи пуд хлеба кушаю.

Говорит ему Илья таковы слова:
— У нашего Ильи Муромца батюшка был
крестьянин,

У ёго была корова едучая:
Она много пила-ела и лопнула.

Это Идолищу не слюбилося:
Схватил свое кинжалище булатное
И махнул он в калику переходящую
Со всея со силушки великия.
И пристранился Илья Муромец в сторонушку
малешенько,

Пролетел его мимо-то булатный нож,
Пролетел он на вонную сторону
с простеночком.

У Ильи Муромца разгорелось сердце
богатырское,

Схватил с головушки шляпку земли Греческой,
И ляпнул он в Идолище поганое,
И рассек он Идолище напополам,
Тут ему, Идолищу, славу поют.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

Как Владимир-князь да стольно-киевский
Поразгневался на старого казака Илью
Муромца,

Засадил его во погреб во глубокий,
Во глубокий погреб во холодный
Да на три-то года поры-времени.
А у славного у князя у Владимира
Была дочь да одинакая,
Она видит: это дело есть немалое,
А что посадил Владимир-князь да
стольно-киевский

Старого казака Илью Муромца
В тот во погреб во холодный;
А он мог бы постоять один за веру,
за отечество,

Мог бы постоять один за Киев-град,
Мог бы постоять один за церкви за соборные,
Мог бы побережь он князя да Владимира,
Мог бы побережь Опраксу-королевичну.
Приказала сделать да ключи поддельные,
Положила-то людей да потаенных,
Приказала-то на погреб на холодный
Да снести перины да подушечки пуховые,
Одеяла приказала снести теплые,
Она ествушку поставить да хорошую,

И одежду сменять с нова-на-ново
Тому старому казаку Илье Муромцу.
А Владимир-князь про то не ведает.
И вспылал-то тут собака Калин-царь
на Киев-град,
И хочет он разорить да стольный Киев-град,
Чернядь-мужичков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да голова срубить
Да со той Опраксой-королевичной.
Посылает-то собака Калин-царь посланника,
А посланника во стольный Киев-град,
И дает ему он грамоту посылную
И посланнику-то он наказывал:
— Как поедешь ты во стольный Киев-град,
Будешь ты, посланник, в стольном во Киеве
Да у славного у князя у Владимира,
Будешь на его на широком дворе
И сойдешь как тут ты со добра коня,
Да й спускай коня ты на посылный двор,
Сам поди-тко во палату белокаменну,
Да пройдеши палатой белокаменной,
Да й войдешь в его столовую во горенку,
На пята ты дверь да поразмахивай,
Не снимай-ко кивера с головушки,
Подходи-ко ты ко столу к дубовому,
Становись-ко супротив князя Владимира,
Полагай-ко грамоту на золот стол,
Говори-тко князю ты Владимиру:
«Ты Владимир-князь да стольно-киевский,
Ты бери-тко грамоту посылную
Да смотри, что в грамоте написано,
Да гляди, что в грамоте да напечатано:
Очищай-ко ты все улички стрелецкие,
Все великие дворы да княжеческие,
По всему-то городу по Киеву,
А по всем по улицам широким

Да по всем-то переулкам княжеческим
Наставь сладких хмельных напитков,
Чтоб стояли бочка о бочку близко-по-близку,
Чтобы было у чего стоять собаке царю Калину
Со своими-то войсками со великими
Во твоём во городе во Киеве».

То Владимир-князь да стольно-киевский
Брал-то книгу он посылную,
Да и грамоту ту распечатывал,
И смотрел, что в грамоте написано,
И смотрел, что в грамоте да напечатано:
И что велено очистить улицы стрелецкие
И большие дворы княжеческие,
Да наставить сладких хмельных напитков
А по всем по улицам широким
Да по всем-то переулкам княжеческим.
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Видит: есть это дело немалое,
А немало дело-то, великое,
А сажился-то Владимир-князь да на
черленный стул.

Да писал-то ведь он грамотку повинную:
«Ай же ты собака да и Калин-царь!
Дай-ка мне ты поры-времечки на три году,
На три году дай и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня,
Мне очистить улицы стрелецкие,
Все великие дворы да княжеческие,
Накурить мне сладких хмельных напитков
Да й наставить по всему-то городу по Киеву
Да й по всем по улицам широким,
По всем славным переулкам княжеческим».

Отсылает эту грамоту повинную,
Отсылает ко собаке царю Калину;
А й собака тот да Калин-царь
Дал ему он поры-времечка на три году,
На три году дал и на три месяца,

А й тут старья казак да Илья Муромец
Стал добра коня он заседывать;
На коня накладывает потничек,
А на потничек накладывает войлочек,
Потничек он клал да ведь шелковенькой,
А на потничек подкладывал подпотничек,
На подпотничек седелко клал черкасское,
А черкасское седельшко недержано,
И подтягивал двенадцать подпругов шелковых.
И шпилёчики он втягивал булатные,
А стремяночки покладывал булатные,
Пряжечки покладывал он красна золота,
Да не для красы-угожества,
Ради крепости все богатырской:
Еще подпруги шелковы тянутся, да они
не рвутся,

Да булат-железо гнется, не ломается,
Пряжечки ты красна золота
Они мокнут, да не ржавеют.
И садился тут Илья да на добра коня,
Брал с собой доспехи крепки богатырские:
Во-первых брал палицу булатную,
Во-вторых брал копье боржамецкое,
А еще брал свою саблю вострую,
А еще брал шалыгу подорожную,
И поехал он из города из Киева.
Выехал Илья да во чисто поле
И подъехал он ко войскам ко татарским
Посмотреть на войска на татарские:
Нагнано-то силы много множество,
Как от покрику от человеческого,
Как от ржанья лошадиного
Унывает сердце человеческо.
Тут старья казак да Илья Муромец
Он поехал по раздольицу чисту полю —
Не мог конца-краю силушке наехати.
Он повыскачил на гору на высокую,

Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую —
Конца-краю силы насмотреть не мог.
И повыскачил он на гору на другую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны —
Конца-краю силы насмотреть не мог.
Он спустился с той со горы со высокии,
Да он ехал по раздольицу чисту полю
И повыскачил на третью гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную ведь сторону,
Насмотрел он под восточной стороной,
Насмотрел он там шатры белы
И у белых шатров-то кони богатырские.
Он спустился с той горы высокии
И поехал по раздольицу чисту полю,
Подъезжал Илья ко шатрам ко белым,
Как сходил Илья да со добра коня
Да у тех шатров у белых,
А там стоят кони богатырские,
У того ли полотна стоят у белого,
Они зоблют-то пшени да белоярову.
Говорит Илья да таковы слова:
— Поотведать мне-ка счастья великого.
Он накинул поводы шелковые
На добра коня да й богатырского
Да спустил коня ко полотну ко белому:
— А й допустят ли то кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну ко белому
Позобать пшени да белоярову?
Его добрый конь идет-то грудью
к полотну,

А идет зобать пшени да белоярову;
Старья казак да Илья Муромец
А идет он да во бел шатер.
Приходит Илья Муромец во бел шатер;
В том белом шатре двенадцать-то богатырей,

И богатыри всё святорусские,
Они сели хлеба-соли кушати
А и сели-то они да пообедати.

Говорит Илья да таковы слова:
— Хлеб да соль, богатыри да святорусские,
А и крестный ты мой батюшка,
А й Самсон да ты Самойлович!

Говорит ему да крестный батюшка:
— А й поди ты, крестничек любимый,
Старья казак да Илья Муромец,
А садись-ко с нами пообедати.
И он выстал ли да на резвы ноги,
С Ильей Муромцем да поздоровкались,
Поздоровкались они да целовались,
Посадили Илью Муромца да за единый
стол

Хлеба-соли да покушати.
Их двенадцать-то богатырей,
Илья Муромец да он тринадцатый.
Они поели, попили, пообедали,
Выходили з-за стола из-за дубового,
Они Господу Богу помолилися;

Говорил им старья казак да Илья
Муромец:
— Крестный ты мой батюшка, Самсон
Самойлович,

И вы русские могучие богатыри,
Вы седлайте-тко добрых коней
А й садитесь вы да на добрых коней,
Поезжайте-тко да во раздольице чисто поле,
А й под тот под славный стольный Киев-град.
Как под нашим-то под городом под Киевом
А стоит собака Калин-царь,
А стоит со войсками великима,
Разорить хотит он стольный Киев-град,
Чернедь-мужиков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,

Князю-то Владимиру да со
Опраксой-королевичной
Он срубить-то хочет буйны головы.
Вы постоит-тко за веру, за отечество,
Вы постоит-тко за славный стольный

Киев-град,
Вы постоит-тко за церкви ты за Божие,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той Опраксой-королевичной!

Говорит ему Самсон Самойлович:
— Ай же крестничек ты мой любимый,
Старья казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки

Божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой-королевичной.
У него ведь есте много да князей-бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира.

Говорит-то старья казак да Илья
Муромец:

— Ай же ты, мой крестный батюшка,
А й Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее,
Как собака Калин-царь он разорит да
Киев-град,
Да он чернедь-мужиков-то всех повырубит,
Да он Божьи церкви все на дым спустит,
Да князю Владимиру с Опраксой-королевичной
А он срубит им да буйные головушки.
Вы седлайте-тко добрых коней
И садитесь-ко вы на добрых коней,

Не побить тебе той силушки великии:
Нагнанó у собаки царя Калина,
Нагнанó той силы много множество,
У него есте сильные богатыри,
Поляницы есте да удалые;
У него собаки царя Калина
Сделаны-то трой ведь подкопы да глубокие
Да во славном раздольице чистом поле.
Когда будешь ездить по тому раздольицу
чисту полю,

Будешь бить-то силу ту великую,
Как просядем мы в подкопы во глубокие,
Так из первых подкопов я повыскочу
Да тебя оттуль-то я повыздыну;
Как просядем мы в подкопы ты во другие,
И оттуль-то я повыскочу
И тебя оттуль-то я повыздыну;
Еще в третьи подкопы во глубокие,
А ведь тут-то я повыскочу,
Да оттуль тебя-то не повыздыну,
Ты останешься в подкопах во глубоких.
Ай ще старья казак да Илья Муромец
Ему дело-то ведь не слюбилось,
И берет он плетку шелкову в белы руки,
А он бьет коня да по крутым ребрам,
Говорил он коню таковы слова:
— Ай же ты, собачище изменное,
Я тебя кормлю, пою да и улаживаю,
А ты хочешь меня оставить во чистом поле,
Да во тех подкопах во глубоких!

И поехал Илья по раздольицу чисту полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть
И он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила не уменьшится.
И он просел в подкопы во глубокие;
Его добрый конь оттуль повыскочил,

Он повыскочил, Илью оттуль повыздынул.
И он спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть,
И он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
И он просел с конем да богатырским,
И он попал в подкопы-то во другие;
Его добрый конь оттуль повыскочил
Да Илью оттуль повыздынул,
И он спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьем колоть,
И он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
И он попал в подкопы-то во третьи,
Он просел с конем в подкопы ты глубокие;
Его добрый конь да богатырский
Еще с третьих подкопов он повыскочил,
Да оттуль Ильи он не повыздынул,
Сголзнул Илья да со добра коня,
И остался он в подкопе во глубоком.
Да пришли татары-то поганые
Да хотели захватить они добра коня —
Его конь-то богатырский
Не сдался им во белы руки,
Убежал-то добрый конь да во чисто поле.
Тут пришли татары ты поганые
А нападали на старого казака Илью Муромца,
А й сковали ему ножки резвые
И связали ему ручки белые,
Говорили-то татары таковы слова:
— Отрубить ему да буйную головушку.

Говорят ины татары таковы слова:

— А й не надо рубить ему буйной головы.
Мы сведем Илью к собаке царю Калину,
Что он хочет, то над ним да сделает.

Повели Илью да по чисту полю
А ко тым палаткам полотняным,
Приводили ко палатке полотняной,
Привели его к собаке царю Калину.
Становили супротив собаки царя Калина.
Говорили татары таковы слова:
— Ай же ты, собака да наш Калин-царь!
Захватили мы да старого казака Илью Муромца
Да во тых-то во подкопах во глубоких,
И привели к тебе к собаке царю Калину;
Что ты знаешь, то над ним и сделаешь.

Тут собака Калин-царь говорил Илье да
таковы слова:
— Ай ты старья казак да Илья Муромец,
Молодой щенок да напустил на силу
на великую,
Тебе где-то одному побить моя сила великая!
Вы раскуйте-тко Илье да ножки резвые,
Развяжите-тко Илье да ручки белые.

И расковали ему ножки резвые,
Развязали ему ручки белые.

Говорил собака Калин-царь да таковы
слова:
— Ай же старья казак да Илья Муромец!
Да садись-ко ты со мной а за единый стол,
Ешь-ко ествушку мою сахарную,
Да и пей-ко мои питица медвяные,
И одежь-ко ты мою одежду драгоценную,
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью.
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину.

Говорил Илья да таковы слова:

— А й не сяду я с тобой за единый стол,
Не буду есть твоих ествушек сахарных,
Не буду пить твоих питицев медвяных,
Не буду носить твоей одежи драгоценной,
Не буду держать твоей бесчисленной золотой
казны,

Не буду служить тебе, собаке царю Калину,
Еще буду служить я за веру, за отечество,
А й буду стоять за стольный Киев-град.
А буду стоять за церкви за Господнии,
А буду стоять за князя за Владимира
И со той Опраксой-королевичной.

Тут старья казак да Илья Муромец
Он выходит со палатки полотняной
Да ушел в раздольице в чисто поле.
Да теснить стали его татары ты поганые,
Хотят обневолить они старого казака Илью
Муромца.

А у старого казака Ильи Муромца
При себе да не случилось-то доспехов крепких,
Нечем-то ему с татарами да попротивиться.
Старья казак да Илья Муромец
Видит он — дело немалое,
Да схватил татарина он за ноги,
Тако стал татарин помахивать,
Стал он бить татар татарин,
И от него татары стали бегать,
И прошел он скрозь всю силушку татарскую,
Вышел он в раздольице чисто поле,
Да он бросил-то татарина да в сторону,
То идет он по раздольицу чисту полю,
При себе-то нет коня да богатырского,
При себе-то нет доспехов крепких.
Засвистал в свисток Илья он богатырский,
Услыхал его добрый конь да во чистом поле,
Прибежал он к старому казаку Илье Муромцу,
Еще старья казак да Илья Муромец

Как сажился он да на добра коня
И поехал по раздольицу чисту полю,
Выскочил он да на гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную он сторону.
А й под той ли под восточной под сторонешкой
А й у тех ли у шатров у белых
Стоят добры кони богатырские.
А тут старей-от казак да Илья Муромец
Опустился он да со добра коня,
Брал свой тугой лук разрывчатой в белы ручки,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Наложил он стрелочку каленую,
И он спустил ту стрелочку во бел шатер,
Говорил Илья да таковы слова:
— А лети-тко, стрелочка каленая,
А лети-тко, стрелочка, во бел шатер,
Да сыми-тко крышу со бела шатра,
Да пади-тко, стрелка, на белы груди
К моему-ко батюшке ко крестному,
И проголзни-тко по груди ты по белыи,
Сделай-ко ты сцапину да маленьку,
Маленькую сцапинку да невеликую.
Он и спит там, прохлаждается,
А мне здесь-то одному да мало можется.
И он спустил как эту тетивочку шелковую,
Да спустил он эту стрелочку каленую,
Да просвистнула как эта стрелочка каленая
Да во тот во славный во бел шатер,
Она сняла крышу со бела шатра,
Пала она стрелка на белы груди
Ко тому ли то Самсону ко Самойловичу,
По белой груди ведь стрелочка проголзнула,
Сделала она да сцапинку-то маленьку.
А й тут славныя богатырь святорусский,
А й Самсон-то ведь Самойлович,
Пробудился-то Самсон от крепка сна,
Пораскинул свои очи ясные,

Да как снята крыша со бела шатра,
Пролетела стрелка по белой груди,
Она сцапиночку сделала да на белой груди.
И он скорешенько стал на резвы ноги,
Говорил Самсон да таковы слова:
— Ай же славные мои богатыри вы
святорусские,
Вы скорешенько седлайте-тко добрых коней!
Да садитесь-тко вы на добрых коней!
Мне от крестничка да от любимого
Прилетели-то подарочки да нелюбимые,
Долетела стрелочка каленая
Через мой-то славный бел шатер,
Она крышу сняла ведь да со бела шатра,
Да проголзнула-то стрелка по белой груди,
Она сцапинку-то дала по белой груди,
Только малу сцапинку-то дала невеликую:
Погодился мне Самсону крест на воротах,
Крест на воротах шести пудов;
(Если) бы не был крест да на моей груди,
Оторвала бы мне буйну голову.
Тут богатыри все святорусские
Скоро ведь седлали да добрых коней,
И сажались молодцы да на добрых коней,
И поехали раздольицем чистым полем
Ко тому ко городу ко Киеву,
Ко тым они силам ко татарским.
А со той горы да со высокии
Усмотрел ли старей казак да Илья Муромец,
А то едут ведь богатыри чистым полем,
А то едут ведь да на добрых конях.
И спустился он с горы высокии
И подъехал он к богатырям ко святорусским:
Их двенадцать-то богатырей, Илья
тринадцатый,
И приехали они ко силушке татарской,
Припустили коней богатырских,

Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тут всю силушку великую,
И приехали к палатке полотняной;
А сидит собака Калин-царь в палатке
полотняной.

Говорят-то как богатыри да святорусские:
— А срубить-то буйную головушку
А тому собаке царю Калину.

Говорил старый казак да Илья Муромец:
— А почто рубить ему да буйная головушка?
Мы свеземте-тко его во стольный Киев-град
Да й ко славному ко князю ко Владимиру.

Привезли его собаку, царя Калина,
А во тот во славный Киев-град
Да ко славному ко князю ко Владимиру,
Привели его в палату белокаменну
Да ко славному ко князю ко Владимиру.
То Владимир-князь да стольно-киевский
Он берет собаку за белы руки
И сажил его за столики дубовые,
Кормил его ествушкой сахарною
Да поил-то питыцем медвяным.

Говорил ему собака Калин-царь да таковы
слова:

— Ай же ты Владимир-князь да
стольно-киевский,
Не сруби-тко мне да буйной головы!
Мы напишем промеж собой записи великие,
Буду тебе платить дани век и по́ веку,
А тебе-то князю я Владимиру!

А тут той старинке и славу поют,
А по тихих мест старинка и покончилась.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ДОЧЬ ЕГО

А й на славной московской на за́ставе
Стояло двенадцать богатырей их

святорусских,

А по ней по славной по московской по заставе
А й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто тут не проезживал,
Птица черный ворон не пролетывал,
А ще серый зверь да не прорыскивал.
А й то через эту славную московскую-то заставу
Едет поляничиха удалая,
А й уда́ла поляничиха великая,
Конь под нею как сильня гора,
Поляница на коне будто сenna копна,
У ней шапочка надета на головушку
А й пушистая сама завесиста,
Спереду-то не видать личка румяного
И сзади не видать шеи белой.
Она ехала собака насмеялася,
Не сказала Божьей помочи богатырям,
Она едет прямоезжею дорожкой

к стольнѣ-Киеву.

Говорил тут старья казак да Илья
Муромец:

— Ай же братыца мои крестовые,
Ай богатыри вы святорусские.

Ай вы славная дружинушка хоробрая!
Кому ехать нам в раздольице чисто поле
Поотведать надо силушки великою
Да й у той у поляницы у удалю?

Говорил-то тут Олешенька Григорьевич:
— Я поеду во раздольице чисто поле,
Посмотрю на поляницу на удалую.

Как сажился-то Олеша на добра коня,
А он выехал в раздольице чисто поле,
Посмотрел на поляницу з-за сыра дуба,
Да не смел он к полянице той подъехать,
Да й не мог у ней он силушки отведати.
Поскорешенько Олеша поворот держал,
Приезжал на заставу московскую,
Говорил-то и Олеша таковы слова:
— Ай вы славные богатыри да святорусские!
Хоть-то был я во раздольице чистом поле,
Да й не смел я к поляничищу подъехать,
А й не мог я у ней силушки отведати.

Говорил-то тут молоденькой Добрынюшка:
— Я поеду во раздольице чисто поле,
Посмотрю на поляницу на удалую.

Тут Добрынюшка сажился на добра коня
Да й поехал во раздольице чисто поле,
Он наехал поляницу во чистом поле,
Так не смел он к поляничищу подъехать,
Да не мог у ней он силушки отведати.
Ездит поляница по чисту полю
На добром коне на богатырском,
Она ездит в поле, сама тешится,
На правой руке у ней-то соловей сидит,
На левой руке да жавроленочек.
А й тут молодой Добрынюшка Микитинец
Да не смел он к полянице той подъехать,
Да не мог у ней он силы поотведати;
Поскорешенько назад он поворот держал,
Приезжал на заставу московскую,

Говорил Добрыня таковы слова:
— Ай же братица мои да вы крестовые,
Да богатыря вы славны святорусские!
То хоть был я во раздольице чистом поле,
Посмотрел на поляницу на удалую,
Она ездит в поле — сама тешится,
На правой руке у ней-то соловей сидит,
На левой руке да жавроленочек.
Да не смел я к полянице той подъехать
И не мог-то у ней силушки отведати.
Она едет-то ко городу ко Киеву,
Она кличет-выкликает поединщика,
Супротив себя да супротивника,
Из чиста поля да и наездника,
Поляница говорит да таковы слова:
«Как Владимир князь-от стольно-киевский
Как не дает мне-ка он да супротивника,
Из чиста поля да и наездника,
А й приеду я тогда во славной стольный
Киев-град,

Разорю-то славный стольный Киев-град,
А я чернедь-мужичков тых всех повырублю
А Божьи церкви я все на дым спущу,
Самому князю Владимиру я голову срублю
Со Опраксией да с королевичной!»

Говорит им старый казак да Илья
Муромец:

— А й богатыря вы святорусские,
Славная дружинушка хоробрая!
Я поеду во раздольице чисто поле,
На бою-то мне-ка смерть да не написана;
Поотведаю я силушки великою
Да у той у поляницы у удалю.

Говорил ему Добрынюшка Микитинец:
— Ай же старыя казак да Илья Муромец!
Ты поедешь во раздольице чисто поле
Да на тыя на удары на тяжелые,

Да й на тыя на побоища на смертные,
Нам куда велишь идти да й куда ехать?
Говорил-то им Илья да таковы слова:
— Ай же братица мои да вы крестовые!
Поезжайте-тко раздольищем чистым полем,
Заезжайте вы на гору на высокую,
Посмотрите вы на драку богатырскую:
Надо мною будет, братцы, безвременнице,
Так вы поспейте ко мне, братица, на выруку.
Да й сажился тут Илья да на добра коня,
Он поехал по раздольицу чисту полю.
Он повыскочил на гору на высокую,
А й сходил Илья он со добра коня
Посмотреть на поляницу на удалую,
Как-то ездит поляничищo в чистом поле;
Й она ездит поляница по чисту полю
На добром коне на богатырском,
Она шуточки ты шутит не великие,
А й кидает она палицу булатную
А й под облаку да под ходячую,
На добром коне она да ведь подьезживат.
А й одною рúкой палицу подхватывает,
Как пером-то лебединным поигрывает,
А й так эту палицу булатную покидывает.
И подходил-то как Илья он ко добру коню
Да он пал на бедра лошадиные,
Говорил-то как Илья он таковы слова:
— Ай же бурушко мой маленькой косматенькой!
Послужи-тко мне да верой-правдою,
Верой-правдой послужи-тко неизменною,
А й по-старому служи еще по-прежнему,
Не отдай меня татарину в чистом поле,
Чтоб срубил мне-ка татарин буйну голову!
А й сажился тут Илья он на добра коня,
То он ехал по раздолью по чисту полю
И он наехал поляницу во чистом поле,
Полянице он подьехал со бела лица,

Поляницу становил он супротив себя,
Говорил он полянице таковы слова:
— Ай же поляница ты удалая!
Надобно друг у другá нам силушки отведати.
Поразъедемся с раздольица с чистá поля
На своих на дóбрых кóнях богатырских,
Да приударим-ко во палицы булатные,
А й тут силушки друг у другá й отвéдаем.
Поразъехались они да на добрых конях
Да й по славну по раздольицу чисту полю,
И они съехались с чиста поля да со раздольица
На своих-то конях богатырских.
То приударили во палицы булатные,
Они друг другá-то били по белым грудям,
Они били друг друга да не жалухою,
Да со всею своей силы с богатырскою.
У них палицы в руках да й погибалися,
А й по маковкам да й отломилися.
А под ними-то доспехи были крепкие,
Они друг друга не сшибли со добрых коней,
А не били они друг друга, не ранили.
И некоторого местечка не кровавили,
Становили добрых коней богатырских,
Говорили-то они да промежду собой:
— Как нам силушкá друг у другá отведати?
Поразъехаться с раздольица с чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в копыа в муржамецкие,
Тут мы силушка друг у другá й отвéдаем.
Поразъехались они да на добрых конях
А й во славное раздольице чисто поле,
Припустили они друг к другú добрых коней,
Поразъехались с раздольица с чиста поля,
Приударили во копыа в муржамецкие,
Они друг друга-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по белым грудям,
Так у них в руках-то копыа погибалися

А й по маковкам да й отломилися.
Так доспехи ты под нима были крепкие,
Они друг друга не сшибли со добрых коней,
Да й не били, друг друга не ранили,
Никотóрого местечка не кровавили.
Становили добрых коней богатырских,
Говорили-то они да промежду собой:
— А ще как-то нам у друг друга-то силушки
отведати?

Надо биться-то им боем рукопашкою,
Тут у друг друга мы силушки отведаем.
Тут сходили молодцы с добрых коней,
Опустилися на матушку сыру землю,
Пошли-то они биться боем рукопашкою.
Еще эта поляничца удалая
А й весьма была она да зла-догадлива
И учена была бороться об одной ручке;
Подходила-то ко старому казаку к Илье
Муромцу,

Подхватила-то Илью да на косу бодру,
Да спустила-то на матушку сыру землю,
Да ступила Илье Муромцу на белу грудь,
Она брала-то рогатину звериную,
Заносила-то свою да руку правую,
Заносила руку выше головы,
Опустить хотела ниже пояса.
На бою-то Илье смерть и не написана,
У ней правая рука в плече да застоялася,
Во ясных очах да й помутился свет,
Она стала у богатыря выпрашивать:
— Ай скажи-тко ты, богатырь святорусский,
Тебя как-то молодца да именем зовут,
Звеличают удалого по отечеству?

А ще старья казак-от Ильи Муромец,
Разгорелось его сердце богатырское,
Й он смахнул своей да правой ручушкой,
Да он сшиб-то ведь богатыря с белой груди.

Он скорешенько скочил-то на резвы ножки,
Он хватил как поляницу на косу бодру,
Да спустил он ю на матушку сыру землю,
Да ступил он полянице на белы груди,
А й берет-то в руки свой булатный нож,
Заносил свою он ручку правую,
Заносил он выше головы,
Опустить он хочет ручку ниже пояса.
А й по Божьему ли по велению
Права ручушка в плече-то остоялася,
В ясных очушках-то помутился свет.
То он стал у поляничца выпрашивать:
— Да й скажи-тко, поляница, попроведай-ко,
Ты коей земли да ты коей Литвы,
Еще как-то поляничку именем зовут,
Удалую величают по отечеству?

Говорила поляница й горько плакала:
— Ай ты старая базыга новодревняя!
Тебе просто надо мною насмехатися,
Как стоишь-то на моей да на белой груди,
Во руке ты держишь свой булатный нож,
Распластать хотишь мои да груди белые!
Я стояла на твоей как на белой груди,
Я пластала бы твои да груди белые,
Доставала бы твое сердце со печеней,
Не спросила бы отца твоего й матери,
Твоего ни роду и ни племени.

И разгорелось сердце у богатыря
Да й у старого казака Ильи Муромца,
Заносил-то он свою да ручку правую,
Заздынул он ручку выше головы,
Опустить хотит ю ниже пояса;
Тут по Божьему да по велению
Права ручушка в плече да остоялася,
В ясных очушках да й помутился свет,
Так он стал у поляницы-то выпрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мне, проведай-ко,

Ты коей земли, да ты коей Литвы,
Тебя как-то поляничку именем зовут,
Звеличают удалую по отчеству?

Говорила поляница й горько плакала:
— Ай ты старая базыга новодревняя!
Тебе просто надо мною насмехаться,
Как стоишь ты на моей да на белой груди,
Во руке ты держишь свой булатный нож,
Распластать ты мне хотишь да груди белые!
Как стояла б я на твоей белой груди,
Я пластала б твои да груди белые,
Доставала б твое сердце со печенью,
Не спросила бы ни батюшка, ни матушки,
Твоего-то я ни роду да ни племени.

Тут у старого казака Ильи Муромца
Разгорелось его сердце богатырское,
Он еще занес да руку правую,
А й здынул-то ручку выше головы,
А спустить хотел он ниже пояса.
По Господнему тут по велению
Права ручушка в плече-то остоялася,
В ясных очушках-то помутился свет,
Он еще-то стал у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-то, поляница, попроведай-ко,
Ты коей земли да ты коей Литвы,
Тебя как мне поляницу именем назвать
И удалую звеличати по отчеству?

Говорила поляница таковы слова:
— Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Ай ты славныя богатырь святорусский!
Когда стал ты у меня да и выспрашивать,
Я про то стану тебе высказывать.
Есть я родом из земли да из тальянскою,
У меня есть родна матушка честна вдова,
Да честна вдова она калачница,
Колачи пекла да тым меня воспитала
А й до полного да ведь до возрасту;

Тогда стала я иметь в плечах да силушку
великую,
Избирала мне-ка матушка добра коня,
А й добра коня да богатырского,
Й отпустила меня ехать на святую Русь
Поискать себе да родна батюшка,
Поотведать мне да роду-племени.

А й тут старый-от казак да Илья
Муромец

Он скоренько соскочил да со белой груди,
Брал-то ю за ручушки за белые,
Брал за перстни за злаченные,
Он здынул-то ю со матушки сырой земли,
Становил-то он ю на резвы ножки,
На резвы он ножки ставил супротив себя,
Целовал ю во уста он во сахарные,
Называл ю себе дочерью любимую:
— А когда я был во той земли во тальянскою,
Три году служил у короля тальянского,
Да я жил тогда да й у честной вдовы,
У честной вдовы да й у калачницы,
У ней спал я на кровати на тесовой
Да на той перинке на пуховой,
У самой ли у ней на белой груди.

Й они сели на добрых коней да
поразъехались

Да по славну раздольицу чисту полю.
Еще старый-от казак да Илья Муромец
Пороздернул он свой шатер белый,
Да он лег-то спать да й проклаждатися
А послé бою он да послé драки.
А й как эта поляничца удалая
Она ехала раздольицем чистым полем,
На коне она сидела, пораздумалась:
— Хоть-то съездила на славну на святую Русь,
Так я нажила себе посмех великий:
Этот славный богатырь святорусский

А й он назвал тую мою матку.....,
Меня назвал..... .
Я поеду во раздольице в чисто поле
Да убью-то я в поле богатыря,
Не спущу этóй посмешки на святую Русь,
На святую Русь да и на белый свет.

Она ехала раздольицем чистым полем,
Насмотрела-то она да бел шатер,
Подъезжала-то она да ко белú шатру,
Она была-то рогатиной звериною
А во этот-то во славный бел шатер,
Улетел-то шáтер белый с Ильи Муромца.
Его добрый конь да богатырский
А он ржет-то конь да й во всю голову,
Бьет ногами в матушку в сырú землю,
Илья Муромец он спит там, не пробудится
От того от крепка сна от богатырского.
Эта поляничища удалая
Она бьет его рогатиной звериною,
Она бьет его да по белой груди,
Еще спит Илья да й не пробудится
А от крепка сна от богатырского,
Погодился у Ильи да крест на вороте,
Крест на вороте да в полтора пуда:
Пробудился он от звону от крестового,
А й скинул-то свои да ясны очушки,
Как над верхом тым стоит ведь поляничища
удалая,

На добром коне на богатырском,
Бьет рогатиной звериной по белой груди.
Тут скочил-то как Илья он на резвы ноги,
А схватил как поляницу за желты кудри,
Да спустил он поляницу на сырú землю,
Да ступил он полянице на праву ногу,
Да он дернул поляницу за леву ногу,
А он надвое да ю порóзорвал,
А й рубил он поляницу по мелким кускам.

Да садился-то Илья да на добра коня,
Да он рыл-то ты кусочки по чистú полю,
Да он перву половинку-то кормил серым
волкам,
А другую 'половину черным вóронам.
А й тут полянице ей славу поют,
Славу поют век по веку.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ СО ВЛАДИМИРОМ

Славный Владимир стольно-киевский
Собирал-то он славный почестен пир
На многих князей он и бояров,
Славных сильных могучиих богатырей;
А на пир ли-то он не позвал
Старого казака Ильи Муромца.
Старому казаку Илье Муромцу
За досаду показалось то великую,
И он не знает, что ведь сделати
Супротив тому князю Владимиру.
И он берет-то как свой тугой лук разрывчатый,
А он стрелочки берет каленые,
Выходил Илья он да на Киев-град
И по граду Киеву стал он похаживать
И на матушки Божьи церкви погуливать.
На церквах-то он кресты все да повыломал,
Маковки он золочены все повыстрелял.
Да кричал Илья он во всю голову,
Во всю голову кричал он громким голосом:
— Ай же пьяницы вы, голюшки кабацкие!
Да и выходите с кабаков, домов питейных,
И обирайте-тко вы маковки да золоченые,
То несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта.

Там доносят-то ведь князю да Владимиру:

— Ай Владимир-князь да стольно-киевский!
А ты ешь да пьешь да на честном пиру,
А как старой-от казак да Илья Муромец
Он по городу по Киеву похаживат,
Он на матушки Божьи церкви погуливат,
На Божьих церквах кресты повыломил
А все маковки он золоченые повыстрелял;
А й кричит-то ведь Илья он во всю голову,
Во всю голову кричит он громким голосом:
Ай же пьяницы вы голюшки кабацкие!
И выходите с кабаков домов питейных,
И обирайте-тко вы маковки да золоченые,
Да и несите в кабаки в дома питейные
Да вы пейте-тко да вина досыта.

Тут Владимир-князь да стольно-киевский
И он стал Владимир дума думати,
Ему как-то надобно с Ильей помириться.
И завел Владимир-князь да стольно-киевский,
Он завел почестен пир да и на другой день.
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Да ще он стал да и дума думати:
— Мне кого послать будет на пир позвать
Того старого казака Илью Муромца?
Самому пойти мне-то Владимиру не хочется,
А Опраксия послать, то не к лицу идет.

И он как шел-то по столовой своей
горенке,

Шел-то он о столики дубовые,
Становился супротив молодого Добрынюшки,
Говорил Добрыне таковы слова:
— Ты молоденькой Добрынюшка, сходи-тко ты
К старому казаке к Илье Муромцу,
Да зайди в палаты белокаменны,
Да пройди-тко во столовую во горенку,
На пята-то дверь ты поразмахивай,
Еще крест клади да й по-писаному,
Да й поклон ве-ди-тко по-ученому,

А й ты бей челом да низко кланяйся
А й до тых полов и до кирпичных,
А й до самой матушки сырой земли
Старому казаке Илье Муромцу,
Говори-тко Илье ты да таковы слова:
Ай ты старья казак да Илья Муромец!
Я пришел к тебе от князя от Владимира
И от Опраксии от королевичной,
Да пришел тебе позвать я на почестен пир.

Молодой Добрынюшка Микитинец
Он скорешенько-то стал да на резвы ноги,
Кунью шубоньку накинуд на одно плечко,
Да он шапочку соболью на одно ушко,
Выходил он со столовою со горенки,
Да й прошел палатой белокаменной,
Выходил Добрыня он на Киев-град,
Он пошел-то как по городу по Киеву,
Пришел к старому казаке к Илье Муромцу
Да в его палаты белокаменны,
Он пришел как в столовую во горенку,
На пята-то он дверь да поразмахивал,
Да он крест-от клал да по-писаному,
Да й поклоны вел да по-ученому,
А ще бил-то он челом да низко кланялся
А й до тых полов и до кирпичных
Да й до самой матушки сырой земли,
Говорил-то он Илье да таковы слова:
— Ай же братец ты мой да крестовый,
Старья казак да Илья Муромец!
Я к тоби послан от князя от Владимира,
От Опраксы королевичной,
А й позвать тебя да й на почестен пир.

Еще старый-от казак да Илья Муромец
Скорешенько ставал он на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинуд на одно плечко,
Да он шапоньку соболью на одно ушко,
Выходили со столовые со горенки,

Да прошли они палатой белокаменной,
Выходили-то они на стольный Киев-град,
Пошли они ко князю к Владимиру
Да й на славный-от почестен пир.
Там Владимир князь да стольно-киевский
Он во горенке да ведь похаживал,
Да в окошечко он князь посматривал,
Говорит-то со Опраксой королевичной:
— Подойдут ли ко мне как два русских
богатыря
Да на мой-от славный на почестен пир?

И прошли они в палату белокаменну,
И взошли они в столовую во горенку.
Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Со Опраксией да королевичной
Подошли-то они к старому казаке к Илье
Муромцу,

Они брали-то за ручушки за белые,
Говорили-то они да таковы слова:
— Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Твое местечко было да ведь пониже всех,
Топерь местечко за столиком повыше всех!
Ты садись-ко да за столик за дубовый.

Тут кормили его ествушкой сахарнею,
А й поили питьицем медвяным.
Они тут с Ильей и помирились.

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

а й спородила Добрыню родна матушка
Да возростила до полного до возраста;
Стал молоденькой Добрынюшко

Микитинец

На добром коне в чисто поле поезживать,
Стал он малых змеёнышев потаптывать.
Приезжал Добрыня из чиста поля,
А й сходил-то как Добрынюшка с добра коня
И он шел в свою палату в белокаменну,
Проходил он во столу свою горенку,
Ко своей ко родною ко матушке.

Говорила тут Добрыне родна матушка:
— Ай же, свет, мое чадо любимое,
Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
Ты на добром коне в чисто поле поезживашь,
Да ты малых змеенышев потаптывашь.
Не съезжай-ко ты молоденькой Добрынюшка
Да ты далече-далече во чисто поле,
Ко тым славным горам да к сорочинским,
Да ко тым норам да ко змеиным,
Не топчи-ко ты там малых змеенышев,
Не входи-ко ты во норы во змеиные,
Не выпускай-ко полонов оттуль расейских.
Не съезжай-ко ты молоденькой Добрынюшка
Ко той славною ко матушке к Пучай-реке,

Не ходи-ко ты купаться во Пучай-реке,
То Пучай-река очюнь свирипая,
Во Пучай-реке две струйки очюнь быстрых:
Перва струечка в Пучай-реке быстрым-быстра,
Друга струечка быстра, быдто огонь секет.

То молоденькой Добрынюшко Микитинец
Родной матушки-то он не слушатся,
Выходил он со столовой своей горенки
Да во славные палаты белокаменны,
Й одевал себе одеждую снарядную
Да й рубашечки-манешечки шелковеньки,
Всю одеждую одел он да хорошеньку,
А хорошеньку одеждую снарядную;
Выходил он из палаты белокаменной
Да й на свой на славный на широк на двор,
Заходил он во конюшенку стоялую,
Брал добра коня он богатырского,
Брал добра коня Добрынюшка, заседывал,
А й садился-то Добрыня на добра коня,
Да с собою брал он паличку булатную,
Да й не для ради да драки кроволитьца
великого,

А он брал-то для потехи молодецкою.
То повыехал Добрынюшка в чисто поле
На добром коне на богатырском,
То он ездил целый день с утра до вечера
Да по славну по раздольицу чисто полю.
Похотелось-то молодому Добрынюшке
Ему съездити во далече чисто поле,
Да й ко тым горам ко сорочинским,
Да й ко тым норам да ко змеиным.
Й он спустил коня да богатырского,
Да й поехал по раздольицу чисто полю.
Еще день за день как будто дождь дождит,
Да й недели за неделей как река бежит:
То он день едет по красному по солнышку,
Да он в ночь ехал по светлому по месяцу,

Приезжал он ко горам да к сорочинским,
Стал он ездить по раздольицу чисту полю,
Он-то ездил целый день с утра до вечера,
Потоптал он много множество змеенышей.
И услышал-то тут молоденькой Добрынюшка:
Его добрый конь да богатырский
А и стал на ноги да конь припадывать.
А и поехал-то молоденькой Добрынюшка
От тех славных от гор от сорочинских
Да и от тех от нор он от змеиных,
Да и поехал-то Добрыня в стольный Киев-град.
Еще день за день как быто дождь дождит,
Да и неделя за неделю как река бежит;
То он в день едет по красному по

солнышку,

А он в ночь едет по светлomu по месяцу,
Он повыехал в раздольице в чисто поле.
Похотелось тут молодому Добрынюшке
Съездить-то ко славной ко Пучай-реке,
Посмотреть ему на славную Пучай-реку.
То он ехал по раздольицу чисту полю,
Да приехал он ко славной ко Пучай-реке,
Становил коня он богатырского,
Да и сходил Добрыня со добра коня,
Посмотрел-то он на славную Пучай-реку.
Похотелось тут молодому Добрынюшке
Покупатися во славной во Пучай-реке;
Он одежду с себя снимал всю до-нага,
Да и пошел-то он купаться во Пучай-реку.
Там на тую пору, на то времечко
А и на славной да на Пучай-реке
Да и случилось быть тут красны девушки;
Они клепят тонко беленькое платьице,
Говорят они молодому Добрынюшке:
— Ты удаленькой дородней доброй молодец!
То во нашею во славной во Пучай-реке
Наги добры молодцы не куплются,

Они куплются в тонких белых полотняных
рубашечках.

Говорил-то им молоденькой Добрынюшка:
— Ай же девушки да вы голубушки,
Беломойницы вы портомойницы!
Ничего-то вы ведь девушки не знаете,
Только знайте-тко вы девушки сами себя.

Он пошел-то как купаться во Пучай-реку,
Перешел Добрыня первую струечку,
Перешел Добрыня другу струечку,
Перешел-то он Пучай-реку от бережка
до другого;

Похотелось тут молодому Добрынюшке
Покупаться во Пучай-реке, понырки.
Там на тую пору, на то времечко
Да из далека — далека из чиста поля,
Из-под западной да с-под сторонущи,
Да и не дождь дождит да и то не гром громит,
А и не гром громит, да шум велик идет:
Налетела над молодого Добрынюшку
А и змеинище да то Горынище,
А и о трех змеинище о головах,
О двенадцати она о хоботах;
Надлетела над молодого Добрынюшку,
Говорила-то змеище таковы слова:
— А теперь Добрынюшка в моих руках,
А в моих руках да он в моей воле!
А еще что я похочу, то над ним сделаю:
Похочу-то я молодого Добрынюшку,
Похочу, Добрынюшку в полон возьму,
Похочу-то я Добрынюшку-то и огнем пожгу,
Похочу-то я Добрынюшку-то и в себя пожру.

И у того ли у молодого Добрынюшки
Его сердце богатырско не ужаснулось;
Он горазд был плавать по быстрым рекам,
Да и нырнул-то он от бережка ко другому,
Да и от другого от бережка ко этому.

И он вспомнил тут свою да родну матушку:
— Не велела мне да родна матушка
Уезжать-то далече в чисто поле,
Да и ко тым она горам ко сорочинским,
Да и ко тым норам да ко змеиным,
Не велела мне-ка ездить ко Пучай-реке,
Не велела мне купаться во Пучай-реке.
Да и не за то ли зде-ка нончу странствую?

И он еще нырнул от бережка до бережка,
Выходил Добрыня на крутой берег,
Тут змеинище Горынище проклятое
Она стала на Добрыню искры сыпати,
Она стала жгать да тела белого.
И у того ли у молодого Добрынюшки
Не случилось ничто быть в белых ручушках,
Да и ему нечем со змеищем попротивиться.
Поглянул-то как молоденькой Добрынюшка
По тому по крутому по бережку,
Не случилось ничто лежать на крутом
на берегу,

Ему ничего́ взять в белые во ручушки,
Ему нечем со змеищем попротивиться.
Она сыплет его искрой неутышною,
Она жжет его́ да тело белое.
Только увидал молоденькой Добрынюшка
Да и на крутом да он на берегу
То лежит колпак да земли греческой;
Он берет-то тот колпак да во белы ручки,
Он со тою ли досадушки великою
Да ударил он змеинища Горынища.
Еще пала-то змея да на сыру землю,
На сыру-то землю пала во ковыль-траву.
Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Очень смелый был да изворотливый,
Да и скочил-то он змеищу на белы груди,
Распластать-то ей хотит да груди белые,
Он хотит-то ей срубить да буйны головы.

Тут змеинище Горынище молилася:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
Не убей меня да змеи лютою,
Да спусти-тко полетать да по белу свету.
Мы напишем с тобой записи промеж собой,
То велики записи немалые.
Не съезжаться бы век по веку в чистом поле,
Нам не делать бою-драки-кроволития
промеж собой,
Бою-драки-кроволития великого.
Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Он скорешенько сходил-то со белой груди;
Написали они записи промеж собой,
То велики они записи немалые:
“Не съезжаться бы век по веку в чистом поле,
Нам не делать бою-драки-кроволитица
промеж собой”.

Тут молоденькой Добрынюшка Микитинец
Он скорешенько бежал да ко добру коню,
Надевал свою одежицу снарядную,
А и рубашечки-манешички шелковеньки,
Всю одежицу надел снарядную.
Он скорешенько сажился на добра коня,
Выезжал Добрыня во чисто поле,
Посмотреть-то на змеище на Горынище,
Да которым она местечком полетит по
чисту полю.

Да и летела-то змеище через Киев-град,
Ко сырой земле змеинище припадала,
Унесла она у князя у Владимира,
Унесла-то пленничку любимую
Да прекрасную Забавушку Путятичну.
То приехал-то Добрыня в стольный Киев-град,
Да на свой Добрыня на широкий двор,
Да сходил Добрынюшка со добра коня,
Подбегает к нему паробок любимыи,
Он берет коня да и богатырского,

Да й повел в конюшенку стоялую,
Стал добра коня да он расседлывать,
Да стал паробок добра коня кормить-поить,
Он кормить-поить да стал улаживать.
То молоденькой Добрынюшка Микитинец
Он прошел своей палатой белокаменной,
Заходил он во столову свою горенку
Ко своей ко родною ко матушке.
То ничем Добрынюшка не хвастает.

Тут молоденькой Добрынюшка
Микитинец

На почестен пир ко князю стал похаживать;
То ходил Добрынюшка по день поры,
Да ходил Добрыня по другой поры,
Да ходил Добрынюшка по третий день.
То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он по горенке да и похаживат,
Пословечно государь он выговаривал:
— Ай же вы, мои да князи-бояра,
Сильны русские могучие богатыри.
Еще все волхи бы все волшебники!
Есть ли в нашем во городе во Киеве
Таковы люди, чтобы съездити им да во
чисто поле,

Ко тым славным горам да сорочинским,
Ко тым славным норам да ко змеиным,
Кто бы мог сходить во норы во змеиные,
Кто бы мог достать да племничку любимую,
А прекрасную Забавушку Путятичну?

Таковых людей во граде не находится;
Не могут-то съездити во далече чисто поле,
Ко тым славным ко горам ко сорочинским,
Да ко тым норам да ко змеиным. <...>
Тут Олешенька Григорьевич по горенке похаживат,

Пословечно князю выговариват:
— Ты Владимир-князь да стольно-киевский!
А й накинй-ко ту ведь служобку великую,
Да велику служобку немалую,
На того да на молодого Добрынюшку,
Чтобы съездил он в далече чисто поле,
Ко тым славным ко горам да сорочинским,
Да сходил бы он во норы во змеиные,
Отыскал бы твою племничку любимую,
Да прекрасную Забавушку Путятичну,
А привез бы он Забаву в стольный Киев-град,
Да к тебе ко князю на широкий двор,
Да привел бы во палаты белокаменны,
Да он подал бы тебе ю во белы руки.

Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Приходил-то он к молодому Добрынюшке,
Говорил Добрыне таковы слова:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
Налагаю тебе служобку великую,
Да й велику служобку немаленьку:
А й ты съезди-тко во далече во чисто поле,
Ко тым славным ко горам ко сорочинским,
Да сходи-тко ты во норы во змеиные,
Отыщи-тко племничку любимую
А прекрасную Забавушку Путятичну,
Привези-тко ты ю в стольно-Киев-град,
Приведи-тко мне в палаты белокаменны,
Да подай-ко ты Забаву во белы руки.

Тут молоденькой Добрынюшка
Микитинец

Он за столиком сидит, сам запечалился,
Запечалился он, закручинился.
Выходил-то он з-за столиков дубовых,
Выходил он з-за скамеечек окольних,
Проходил-то он палатой белокаменной,
Выходил он из палаты белокаменной.
Он с честна пиру идет да и не весело,

Приходил в свои палаты белокаменны,
Приходил он во столову свою горенку,
Ко своей ко родною ко матушке.
Говорит Добрыне родна матушка:
— Ай ты свет мой чадо любимое,
Да й молоденькой Добрынюшка Микитинец!
Что с честна пиру пришел да ты не весело?
То местечико было в пиру не по чину?
Али чарою в пиру тебя приобнесли?
Аль кто пьяница дурак да приобгалился?

Говорил Добрыня родной матушке:
— Ай же свет моя ты родна матушка!
Да в пиру-то место было по чину,
А ще чарой во пиру меня не обнесли,
Да то пьяница дурак да не обгалился,—
А й Владимир-князь-от стольно-киевский
Наложил-то мне-ка службу великую,
А й великую мне службу немалую:
Велел съездить мне во далече в чисто поле,
Ко тым славным ко горам да к сорочинским,
Он велел сходить во норы во змеиные,
Отыскать мне велел племничку любимую,
А прекрасную Забавушку Путятичну,
Да и привезти велел ю в стольно-Киев-град,
Привезти ко князю на широкий двор,
Привезти ю во палаты белокаменны,
Подать князю-то да во белы руки.

Говорила тут Добрыне родна матушка:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
А ты ешь-ка, пей да на спокой ложись,
Утро мудренее живет вечера.

То молоденькой Добрынюшка Микитинец
Он поел-то ествушек сахарных,
Да попил-то питьицов медвяных,
Молодой Добрыня на спокой улег.
Да й по утрушку да то ранехонько,
До исход зари да ранне-утренней,

До выста́вания да красна солнышка,
Да й будила-то Добрыню родна матушка:
— А ставай-ко ты, молоденькой Добрынюшка!
Да ты делай дело повеленое,
Сослужи-тко эту службу великую.

Молодой Добрынюшка Микитинец
Он скоренько стал да то й от крепка сна,
Умывался-то Добрынюшка белешенько,
Надевался он да й хорошихонько,
Выходил он из палаты белокаменной
Да й на свой на славный на широкий двор,
Приходил он во конюшенку в стоялую,
Брал коня Добрыня богатырского,
Да й седлал Добрынюшка добра коня,
Да й садился-то Добрыня на добра коня,
Выезжал Добрыня с широка двора.
Тут заплакала Добрынюшкина матушка,
Она стала-то ронить да слез горячих,
Она стала-то скорбать да личка белого,
Говорила-то она да й таковы слова:
— Я Добрынюшку несчастного спороди́ла!
Как войдет-то он во норы в змеиные,
Да войдет ко тым змеям ко лютым,
Порасточат-то его да тело белое,
Еще выпьют со Добрыни суровую кровь.
То молоденькой Добрынюшка Микитинец
Он поехал по раздольицу чисту полю.
Еще день-то за день быдто дождь дождит,
А неделя за неделю, как река, бежит;
Да он в день ехал по красному по солнышку,
То он в ночь ехал по светлому по месяцу,
Он подъехал ко горам да к сорочинским,
Да стал ездить по раздольицу чисту полю,
Стал он малых змеенышев потаптывать.
Й он проездил целый день с утра до вечера,
Притоптал-то много множество змеенышев.
Й услышал молоденькой Добрынюшка,

Его доброй конь да богатырский
А стал на́ ноги да конь припадывать.
То молоденькой Добрынюшка Микитинец
Берет плеточку шелкову во белы руки,
То он бил коня да й богатырского.
Первый раз его ударил промеж́ уши,
Другой раз ударил промеж́ ноги,
Промеж ноги он ударил промеж задний,
Да й он бил коня да не жалухою,
Да со всей он силы с богатырскою,
Он давал ему удары ты тяжелые.
Его добрый конь да богатырский
По чисту полю он стал поскакивать,
По целой версте он стал помахивать,
По колено стал в земелюшку погрязывать,
Из земелюшки стал ножек он выхватывать,
По сенной купны земельки он вывертывал,
За три выстрелу он камешки откидывал,
Й он скакал-то по чисту полю, помахивал,
Й он от ног своих змеенышев отряхивал,
Потоптал всех малых змеенышев.
Подъезжал он ко норам да ко змеиным,
Становил коня он богатырского,
Да й сходил Добрыня со добра коня
Он на матушку да на сыру землю,
Облащался-то молоденькой Добрынюшка
Во доспехи он да в свои крепкие:
Во-первых брал саблю свою вострую,
На белы груди копье клал муржамецкое,
Он под левую да и под пазушку
Полагал он паличку булатную,
Под кушак он клал шалыгу подорожную,
Й он пошел во ты во норы во змеиные.
Приходил он ко норам да ко змеиным,
Там затворами затворено-то медными,
Да подпорами-то подперто железными,
Так нельзя войти во норы во змеиные.

То молоденькой Добрынюшка Микитинец
А подпоры он железные откидывал,
Да й затворы-то он медные отдвигивал,
Он прошел во норы во змеиные.
Посмотрел-то он на норы на змеиные.
А й во tych норах да во змеиных
Много множество да полонов сидит,
Полона сидят да всё расейские,
А й сидят-то там да князя-бóяра,
Сидят русские могучие богатыри.
Похотелось-то молодому Добрынюшке,
Похотелось-то Добрыне полона считать,
Й он пошел как по норам да по змеиным,
Начитал-то полонов он много множество,
Да й дошел он до змеинища Горынища;
А й у той-то у змеища у проклятою
Да й сидит Забавушка Путятична.
Говорил Добрыня таковы слова:
— Ай же ты, Забавушка Путятична!
Да ставай скоренько на резвы ноги,
Выходи-тко ты со нор да со змеиных,
Мы поедем-ко с тобой да в стольно-Киев-град.
За тебя-то езжу да я странствую
Да й по дáлечу-далéчу по чистым полям,
Да хожу я по норам да по змеиным.
Говорит ему змеинище Горынище:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
Не отдам тебе Забавушки Путятичной
Без бою, без драки-кроволития.
А у нас-то с тобой записи написаны
Да у тою ли у славною Пучай-реки,
Не съезжаться б нам в раздольице чистом поле,
Нам не делать бою-драки-кроволития
Да промеж собой бы нам великого,
Ты приехал ко горам да сорочинским,
Потоптал ты малых змеенышев,
Выпускаешь полонá отсюль расейские,

Увезти хотишь Забавушку Путятичну.

Говорил-то ей молоденькой Добрынюшка:

— Ай же ты змеинище проклятая!

А й когда ты полетела от Пучай-реки,

Да зачем же ты летела через Киев-град?

Да почто же ты к сырой земле припадала?

Да почто же унесла у нас Забавушку Путятичну?

Брал-то ю за ручушки за белые,

Да за ней брал за перстни за злаченые,

Да повел-то ю из нор он из змеиных.

Говорил Добрыня таковы слова:

— Ай же полонá да вы расейские!

Выходите-тко со нор вы со змеиных,

А й ступайте-тко да по своим местам,

По своим местам да по своим домам.

Как пошли-то полонá эты расейские,

А й со тых со нор да й со змеиных,

У них сделался да то и шум велик.

Молодой-то Добрынюшка Микитинец

Приходил Добрыня ко добру коню,

А й садил-то он Забаву на добра коня,

На добра коня садил ю к головы хребтом,

Сам Добрынюшка садился к головы лицом,

Да й поехал-то Добрыня в стольно-Киев-град.

Он приехал к князю на широкий двор,

Да й сходил Добрыня со добра коня,

Опускает он Забавушку Путятичну,

Да повел в палаты в белокаменны,

Да он подал князю ю Владимиру

Во его во белые во ручушки.

А тут этою старинушке славу поют.

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ

Владимир-князь да стольно-киевский
Заводил почестен пир да пированьице
На многих князей да на всех бояров,

На всех сильных русских могучих на богатырей
Ай на славных поляниц да на удалых.

На честном пиру Владимир стал похаживать:

— Ай же вы мои да князи-бояра,

Сильны русские могучие богатыри!

Задолжал-то я королю-то Ботияну Ботиянову

Да во тые дальние земли сорочинские

Да за старые-то годы и за нонешний,

Исполна я государю за двенадцать год,

За двенадцать год да с половиною.

Кого же мне послать туды отвезти дани-выходы

За двенадцать год да й с половиною

К королю-то к Ботияну Ботиянову,

А двенадцать лебедей, двенадцать креченей,

А ще грамоту да и повинную?

Все богатыри за столиком умолкнули,

Все умолкнули и приутихнули,

Как богатыри за столиком-то притулилися,

А большая-то тулится за середнюю,

А середня тулится за меньшую,

А от меньшей от тулицы ответу нет.

Из-за тых ли то за столичков дубовых,

Из-за тых ли то скамеечек окольных
Вышел старья Пермин да сын Иванович,
Стал по горенке он Пермин да похаживать,
А Владимиру-князю да стал он поговаривать:
Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Бласлови-тко государь мне словце вымолвить.
А ще знаю я кого послать поехать
А й во дальние ты земли в сорочинские:
Послать мѡлода Васильюшка Казимилова.
Молодой Васильюшко Казимиров
И отвезет он дани за двенадцать год,
За двенадцать год да й с половиною.

И тут Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скоренько шел да по столовой своей

горенке,

Брал он чарочку да во белы ручки,
Наливал-то чару зелена вина
Й он не малую стопу да й полтора ведра,
Разводил-то он медами все стоялыми,
Подносил-то он к Васильюшку к Казимирову.
Молодой-то Васильюшко Казимиров
Он скорешенько ставает на резвы ножки
И берет чарочку от князя во белы руки,
Принял чарочку одной ручкой
И выпил чарочку одним духом,
И на ногах Васильюшко стоит он,

не пошатнется,

И говорит-то он со князем, не мешается,
И спромолвил-то он князю-то Владимиру,
Говорил он князю таковы слова:

— Ай же ты, Владимир-князь

да стольно-киевский!

Еще еду-то я в земли ты во дальни

сорочинские,

А й везу я дани за двенадцать год,
За двенадцать год и с половиною;
Только дай ты мне-ка во товарищах

Моего-то братца да крестового,
А й молѡдого Добрынюшку Микитинца.

Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Он идет-то по столовой своей горенке,
Берет чарочку Владимир во белы ручки,
Налил чарочку Владимир зелена вина,
Он не малую стопу да в полтора ведра,
И разводил-то он медами все стоялыми,
Подносил-то он к молодому ко Добрынюшке.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Он скорешенько ставал да на резвы ножки,
Эту чарочку он брал да во белы ручки
И от того от князя от Владимира,
Еще брал он чарочку одной ручкой
И выпивал он чарочку одним духом.
На ногах стоит Добрыня, не пошатнется,
Говорит он с князем, не мешается:

— Ты Владимир-князь да стольно-киевский!
Благослови мне государь словцо повымолвить.
Еду я в товарищах с Васильюшком
И везу я дани за двенадцать год,
За двенадцать год да й с половиною;
Только дай-ка нам еще да во товарищах
Моего-то братца да крестового,
Молодого Иванушка Дубровича;
А й ему-то ведь Иванушку коней седлатъ,
Да ему Иванушку и расседлывать,
Ему плети подавать да плети принимать.

То Владимир-князь да стольно-киевский
Идет по своей он по столовой по горенке,
Берет чарочку Владимир во белы ручки,
Наливал он чару зелена вина,
А й не малую стопу да в полтора ведра,
Подносил он ко Иванушку Дубровичу.
А й ставал Иванушко Дубрович на резвы ножки,
Да он чарочку ту брал да во белы ручки,
Принял чарочку от князя он одной ручкой,

Выпил чарочку Иванушко одним душком,
На ногах стоит Иванушко, да не пошатнется,
Говорит Иван да не мешается:

— Ты Владимир-князь наш стольно-киевский!
Бласлови-тко, государь, словцо повымолвить.
Еду, еду я в товарищах с Васильюшком,
С молодым Добрынюшкой Микитинцем,
Да везу я эти дани за двенадцать год,
За двенадцать год да с половиною.

Молодой Васильюшко Казимиров,
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Молодой Иванушко Добрович-от
Выходили из-за столиков дубовых,
Из-за тых скамеечек окольных.
Молодой Васильюшко Казимиров,
Стал по горенке Васильюшко похаживать,
Пословечно стал он князю выговаривать:
— Ты Владимир-князь наш стольно-киевский!
Приноси-тко ты нам дани за двенадцать год,
За двенадцать год да с половиною,
А двенадцать креченей, двенадцать лебедей,
Насыпай-ко мисы чиста серебра,
А й другие мисы красна золота,
Третьи мисы насыпай-ко скатна жемчугу.

Тут Владимир-князь-от стольно-киевский
А й берет-то он скоренько золоты ключи,
Й он на погребы идет да на глубокие,
То берет-то он двенадцать лебедей,
А двенадцать лебедей, двенадцать креченей,
Насыпал-то первы мисы чиста серебра,
Да й другие мисы красна золота,
Третьи мисы насыпал он скатна жемчугу,
Приносил он во палату белокаменну,
Подавал богатырям да святорусским
Со своих-то он со белых со ручушек.
Тут богатыри да святорусские
Й они Господу тут Богу помолилися,

На все на три на четыре на сторонюшки
клонилися,

Да со всеми молодцами попросилися,
Да с самим они со князем со Владимиром,
Со Опраксией да с королевичной.

Выходили молодцы они с палат да
белокаменных,

Шли они по граду-то по Киеву,
Они думушку-то думали заобщую:
— Где нам съехаться в раздольице в чистом поле,
На своих на добрых конях да богатырских?

Говорил-то им Васильюшко Казимиров:
— Ай же братица мои крестовые,
Ай ты славная дружинюшка хоробрая!
То мы съедемся в раздольице чистом поле
Да у славного сыра дуба у Невида,
Да й у славного у камня у Латыря
Да й на тых мы на дороженьках крестовых.

Тут пошли-то добры молодцы в свои
палаты белокаменны,

Они стали добрых конюшек заседлывать,
Да заседлывать добрых коней улаживать.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Й он пришел в свою палату белокаменну,
Со честна пира пришел-то да не весело.
Говорила тут Добрыне родна матушка:
— Ай же свет мое чадо любимое!
Ты с честна пиру пришел да что не весело?
То ли местечко в пиру было не по чину?
Али чарою в пиру тебя приобнесли?
Али пьяница дурак кто приобгалился?

Говорил-то ей Добрыня таковы слова:
— Ай же свет моя ты родна матушка!
А ще место-то в пиру мне было по чину,
Меня чарою в пиру да там не обнесли,
А ще пьяница дурак мне не обгалился.
То Владимир-князь да стольно-киевский

Наложил он служебку великую,
И велику служебку немалую:
Отвезти-то надо дани за двенадцать год,
За двенадцать год да с половиною,
Да й во дальние во земли в сорочинские,
Да во ту во саму во темну орду.

Говорил-то он да своей родной матушке:
— Ай же свет моя ты родна матушка!
Да й несчастного спородила Добрынюшку:
Еще лучше бы Добрынюшку спородила
А й горячим де белым камешком,
Завертела бы во тонкий беленький рукавичек,
Подошла бы ты ко славному к Киян-морю,
Бросила бы ты да этот камешек в Киян-море,
В Окиян-море глубокое.

Говорила тут Добрыне родна матушка,
Говорила она да горько заплакала:
— Ай же свет мое чадо любимое,
Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
Если б знала над тобою я невзгодушку,
Еще этое бы знала безвременьице великое,
То не так бы я тебя Добрынюшку спородила:
Я спородила б тебя да и Добрынюшку
Возрастом-то в старого казака Илью Муромца,
Тобе силушкой Добрынюшку спородила
Да й во славна Святогора во богатыря,
Я бы смелостью Добрынюшку спородила
Да й во славного богатыря в Олешеньку

Поповича,
Красотою бы спородила Добрынюшку
Да во славного-то князя во Владимира!

Молодой Добрынюшка Микитинец
Говорил своей он родной матушке:
— Ай же свет моя ты родна матушка,
Да й честна вдова Мамельфа Тимофеевна,
Дай прощеньице мне-ка благословеньице,
Дай на тья веки нерушимые!

И тут молоденькой Добрынюшка Микитинец
Надевал он на себя одежду дорогоценную
И рубашечки-манишечки шелковеньки,
Всю хорошеньку одежду снарядную;
Выходил он из палаты белокаменной
А й на свой-то вышел на широкий двор,
Заходил он во конюшенку стоялую,
Брал коня Добрыня богатырского,
Выводил он со конюшенки стоялой
А на свой тот вывел на широкий двор,
Стал добра коня Добрынюшка заседлывать,
Стал заседлывать добра коня улаживать;
На добра коня подкладывает потничек,
А под потничком да то клал войлочек,
Да под потником подпотничек шелковенькой,
На подпотничек седельшко черкасское,
И черкасское седельшко хорошенько,
Да которое седельшко было да изукрашено,
Дорогими-то шелками пообшивано,
Да й червоным золотом обвивано;
То он подпруги подтягивал шелковеньки,
Да й шпилечики он встегивал булатные,
Пряжечки он полагал да красна золота,
А двенадцать подпругов подтягал настоящих,
Да й тринадцатый тот подпруг он покладает
запасный.

Говорит Добрыне родна матушка:
— Ой же свет мое чадо любимое,
Ты молоденькой Добрынюшко Микитинец!
Ты покладал на добра коня да богатырского
А двенадцать подпругов да настоящих:
Еще что же полагаешь ты тринадцатый то
подпруг да запасный?

Говорил-то ей Добрыня таковы слова:
— Ай же свет моя ты родна матушка!
Как я буду-то во далече далече во чистом поле
Да во тою во земле во сорочинскую,

В тую порушку да в тое времечко
Наезжать будут ко мне люди могучие,
И будут-то силушки моей отведывать
А й теснить-то будут во чистом поле:
В тую порушку да в тое времечко
Похожу я с ними попротивиться,
Чтобы было мне на что да понадеяться,
Чтобы добрый конь мой да и богатырский
С-под седлышка да он не выскочил,
И на кони сидел бы добрый молодец,
не старился.

А й садится-то Добрыня на добра коня;
Говорила тут Добрынина та матушка:
— Ай же свет моя любимая семеюшка,
Молода Настасьюшка Микулична!
Ты чего сидишь во тереме во златом верху?
Над собою ли невзгодушки не ведаешь?
Закатается-то наше красно солнышко
Да за этие за горы за высокие,
Да й за этие за лесушки за темные,
А й съезжает-то Добрыня с широка двора.
А й поди-тко ты скоренько на широк на двор,
Да й зайди-тко ты Добрынюшке с бела лица,
Подойди к него ко правому ко стремячку,
Говори-тко ты Добрыне не с упадкою,
Поспроси-тко у молодого Добрынюшки:
Он далече ль едет, куды путь держит?
Скоро ждать велит нам, когда дожидать?
Нам когда й велит в окошечко посматривать?

Молода Настасьюшка Микулична
Как скорешенько бежала на широкий двор,
И в одной тонкой рубашечке без пояса
И в одних тонких чулочиках без чеботов,
То зашла она к Добрыне со бела личка,
Подошла к него ко стремячку ко правому,
Да й ко правому ко стремячку к булатному,
И говорила-то Добрыне не с упадкою:

— Ай же свет моя любимая здержавушка,
Молодой Добрынюшка Микитинец!
Ты далече ль едешь, куды путь держишь?
Скоро ль ждать велишь нам, когда дожидать?
Нам когда велишь в окошечко посматривать?
Говорил-то ей Добрыня таковы слова:

— Ай же ты, моя любимая семеюшка,
Молода Настасьюшка Микулична!
Когда стала у меня про то выпрашивать,
Я стану про то тебе высказывать:
Перво шесть годов-то за себя пожди,
Друго шесть годов так за меня пожди,
Того времечки исполнится двенадцать год.
Да й ходи-тко ты тогда во мой зеленой сад,
Ты посматривай-тко на сахарне мое деревце:
Если будет прилетать-то голубь со голубушкой,
Станет голубь со голубушкой на деревце
прогуркивать,

А что нет жива Добрынюшки Микитинца,
А й побит Добрынюшка в чистом поле,
Пораспластаны его да груди белые,
Да й повынято его сердце со печеней,
Поотрублена ему буйна головушка,
А й брошен Добрыня за ракитов куст.
В тую порушку да в тое времечко
Да смотри ты на свой на широкий двор:
Прибежит-то как мой добрый конь да
богатырский

А й на ваш-то на вдовиной двор,
А й тогда вы в тую пору в тое времечко
Про меня тогда вы и узнаете,
А что нет жива Добрынюшки Микитинца;
А й тогда ты хоть вдовой живи, а хоть
замуж поди,
Хоть за князя ты поди, хоть за боярина,
Хоть за сильного за русского могучего богатыря.
Только не ходи-тко замуж за богатыря,

За того Олешеньку Поповича
А й за бабьего да за насмешника,—
А й Олеша тот Попович мне названный брат.
На кони-то молодца да видли сядучись,
Со двора его не видели поедучись.
Со двора он ехал не воротами,
Й он из города-то ехал не дорожкой,
Ехал прямо через стену городовую.
Как он ехал по раздольицу чисту полю,
Похотелось тут молодому Добрынюшке
Попытать коня да й богатырского,
Поотведать его силушку великую.
Да й берет он плеточку шелкову во белы руки,
Да он бил коня да по крутым ребрам,
По крутым ребрам он бил да не жалухой,
А й со всею своей силы с богатырскою.
Его добрый конь да богатырский
То пошел скакать да по чисту полю,
По целой версты он да поскакивал,
По коленушку в земельку он угрязывал,
Из земельки свои ноженьки выхватывал,
По сенной купны земелюшки вывертывал,
За три выстрелы он камешки откидывал.
Так не молвия в чистом поле промолвила,
Да й проехал-то Добрыня на добром коне,
То все травушки-муравы оплетались,
Все лазуревы цветочки осыпались,
И мелкие лесушки к земли вси приклонялись.
Он-то ехал по раздольицу чисту полю,
А й ко сырому ко дубу он ко Невину,
К тому славному ко камению Олатырю;
Он наехал своих братицев крестовых.
И сходили молодцы тут со добрых коней,
Да й ходили-то пехотой по чисту полю,
Й оны думушку все думали-то крепкую,
Думушку ту крепкую великую,
Что нам дальняя дорожка не короткая;

Й они сели на добрых коней, поехали
На своих на добрых конях богатырских.
Они в день едут по красному по солнышку,
В ночь едут по светлому по месяцу.
А ще день за день как быдто дождь дождит,
Да й неделя за неделей как река бежит,
Добры молодцы дороженьку коротают.
Они едут-то по славному раздольицу чисту
полю,
Да й приехали во земли сорочинские,
К королю-то Ботеяну на широкий двор.
С добрых коней молодцы да опустилися,
То не спустили добрых коней на посыльной
двор,
Молодой Васильюшко Казимиров
Он берет свое копье да муржамецкое,
Он спустил копье во матушку-то во сыру
землю,
Во сыру землю спустил копье вострым концом,
Добрых коней бы к копыю да он привязывал,
Никого-то к добрым коням не приказывал.
Пораздернули они полотно белое,
Насыпали-то пшени да белоярову
Своим добрым коням богатырским,
Да берет-то дани он под пазушку,
А двенадцать лебедей, двенадцать креченей,
Да еще он берет грамоту повинную;
Брали они мисы чиста серебра,
А й другие мисы брали с красным золотом,
Третьи мисы они брали скатна жемчугу,
И пошли они в палаты белокаменные,
Заходили во палату белокаменну,
Да й пошли-то во столовую во горенку.
Молодой Васильюшко Казимиров
На пяту он идет, двери поразмахиват.
То они как Господу-то Богу помолилися,
Они крест-от клали по-писаному,

Да й вели поклоны по-ученому,
На вси на три на четыре на сторонушки да
низко кланялись,

Самому-то королю в особину,
Еще всем его князьям да подколенным.
Стал король у добрых молодцев выпрашивать:
— Вы откулешни дородни добры молодцы?
Еще как-то молодцев вас именем зовут,
Звеличают молодцев вас по отчеству?

Говорили молодцы да таковы слова:
— Есте мы со матушки святой Руси
Да й от славного от князя от Владимира,
Привезли как к тебе дани за двенадцать год,
За двенадцать год да с половиною.

Полагать ли стали даней тых на
золот стол,
Положили-то двенадцать лебедей, двенадцать
креченей,

Положили первы мисы чиста сѣребра,
А й другие мисы красна золота,
Третьи мисы полагали скатна жемчуга,
Положили грамоту повинную.
А й король-от Ботиян да Ботиянович
Он садил-то их за столик за дубовыи
Да за тые ли скамеечки окольные,
То он не ествушкой кормил их да сахарнею
Да не питьцем поил их да медвяным,
Да он стал у добрых молодцев выпрашивать:
— Ай же вы удаленьки дородни добры молодцы!
Еще есть ли то на вашей на святой Руси
Да у славного у князя у Владимира,
У них есть ли та игра да и картежная,
А играют ли они да в шашки-шахматы
Да й во славны во велей во немецкие?
А ще кто из вас горазд сыграть во шашки ты
во шахматы,
Да во славны во велей во немецкие?

Говорил ему молоденькой Васильюшко
Казимиров:

— А й же славныи король земли литовския!
У меня все игроки дома оставлены,
Только есте у меня надеюшка
То на Спаса на Пречисту Богородицу,
Да на своего на братца на крестового,
На молодого Добрынюшку Микитинца.

Приносили к ним-то доску эту шашечну;
Как сыграли в первый раз да в игру шашечну,
Молодой Добрынюшка Микитинец
Он со тою со великой со горячности
Просмотрел один да ступень шашечной,
Обыграл его король да ведь литовский
Ботиян да Ботияновец,
Й он повыиграл у молода Добрынюшки
добра коня,

А й добра коня он богатырского.
А й под другую игру они залоги-то покладали,
А й король-от полагает он великую бессчетну
золоту казну,

А и молодой Добрынюшка Микитинец
Положил залогом свою буйную головушку.
Как сыграли-то они да еще другой раз,
Молодой Добрынюшка Микитинец
Тут он короля да и пообыграл.
Еще третий раз сыграли игру шашечну.
Говорил-то ведь король-то Ботиян да Ботиянович:
— Ай же славныи богатыри вы святорусские!
Из вас кто-то есть горазд стрелять из луку
из розрывчата

И пропускать тая стрелочка каленая
По тому ли по острѣю по ножовому
Да во тѣе во колечико серебряно,
Чтобы стрелочка катилася каленая
По тому катилася острѣю по ножовому,
На две стороны она шла бы весом ровно

И угодила бы в колечико серебряно?

Говорил Васильюшко Казимиров:

— Ай же король, Ботиян да Ботиянович!
Я не знал твоей утехы королевскою,
Да своей не знал ухватки богатырскою.
У меня все стрельцы ты дома оставлены,
У меня столько надеюшка

Что на Спаса на Пречисту Богородицу,
Да на своего на братца на крестового,
Да на мóлода Добрынюшку Микитинца.

Говорил король своим он слугам верным:

— Ай же вы мои да слуги верные!
Вы подите-ко на погреб на глубокия,
А й несите-тко мой да королевский лук,
Да й подайте-тко богатырю да святорусскому
А й молодому Добрынюшке Микитинцу.

И пошли его да слуги верные,
На него-то шли на погреб на глубокия,
А й несут они да королевский лук,
А и три их четыре татарина
Подносили-то к молодому к Добрынюшке.
Молодой Добрынюшка Микитинец
А й берет он тугой лук разрывчатый,
Стал он стрелочек Добрынюшка накладывать,
Стал тетивочек Добрынюшка натягивать,
Стал тугой лук разрывчатый полапывать,
Он порóзорвал тугой лук, повыломал.
Говорил-то тут Добрыня таковы слова:
— Ай же ты король, Батьян да Батиянович!
А й твое-то есте дрянное лученочко пометное,
Не из чего богатырю повыстрелить,
Пропустить-то мне-ка стрелочку каленую
По тому острию по ножовому
Да й во тое во колечико серебряно.

Говорил король он таковы слова:

— Ай же вы да слуги мои верные!
Вы ступайте-тко на мой на глубокий погреб,

Да двенадцать вы богатырей могучих,
И неси-тко мой вы самолучший лук,
Самолучший лук вы королевский.

Как идет туда дружина королевская,
Да двенадцать молодцев да все богатырей,
И несут они да королевский лук,
Да й подносят ко молодцу ко Добрынюшке.
Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Берет-то он их тугой лук разрывчатый,
Как-то стал Добрыня стрелочек накладывать,
Стал тетивочек Добрынюшка натягивать,
Да й шелковые тетивочки-то стали все
полапывать,

А й порóзорвал он тугой лук, повыломал.
И говорил-то как Добрыня таковы слова:
— Ай же ты король, Ботьян да Ботиянович!
Твое дрянное лученочко пометное,
Да не из чего богатырю повыстрелить,
Пропустить-то этой стрелочки каленыи
По тому острёю по ножовому,
Да й во то в колечико серебряно.

Говорит-то тут Добрынюшка Микитинец:

— Ай же братец мой крестовый,
Молодой Иванушко Дубровичу!
А й поди-ко ты на славной на широкий двор
К моему коню да к богатырскому,
Моего коня ты уговаривай,
Поди-тко ты к правому ко стремени булатному,
Отстени мой тугой лук разрывчатой,
Да й неси-тко во палату белокаменную
Мое дрянное лученьшко завозное.

Как идет Иван Дубрович на широк на двор,

Ко добру коню он шел да ко Добрынину,
Стал добра коня он уговаривать,
Шел ко правому он стремени к булатному,
Отстянул-то он и тугой лук разрывчатой,

А й пошло-то ко Добрынюшке татар к нему
десятками.

Молодой Добрынюшка Микитинец
Еще видит дело он великое,
Воскричал-то ведь Добрыня жалким голосом,
Жалким голосом кричал он во всю голову:
— Ай же братица мои да вы крестовые,
Славные вы русские могучие богатыри!
Да й побьют-то нас татары во темной орды,
Положить нам будет здесь буйны головушки,
Не бывать нам больше на святой Руси,
Не видать нам будет больше града Киева,
Не видать нам князя-то Владимира,
Не видать Опраксии нам королевичной.
Отворились тут ворота на широкий двор,
И пошло оттуль да силушки черным-черно.
И у того ли у молодого Добрынюшки
Не случилось ничто-то быть во белых ручушках,
Ему нечем-то с татарами да й попротивиться.
Он схватил татарина-то за ноги,
Так он стал татаринцом помахивать,
А он стал татар да поколачивать,
Татарин-то ведь гнется да не ломится.
Молодой Иванушко Дубрович-от
Выскочил с балкона королевского,
А й бежал скоренько на широкий двор,
Да й схватил Иванушко тележну ось,
Да й он стал тележной осью-то помахивать,
Да й он стал татар-то поколачивать.
Они вышли со двора да из широкого
Да й на тот на город королевский,
И они стали бить-то силушку великую.
И куда идут они, так падет уличкой,
А й повернутся, так падет переулками.
Они бились тут целые-то суточки
Не едаючись да й не пиваючись,
Да й побили они силушку великую.

Говорил король-от таковы слова:
— Ай же славный ты богатырь святорусския,
Молодой Васильюшко Казимиров!
Ты на мой поди-тко да на славный град,
Да й уйми-тко ты богатырей своих да
святорусских,

Чтоб оставили мне силы на посéмена!
Получайте-тко вы дани себе выходы
И за старые за годы и за нынешний,
Да й за вси вы времена да й за досюлешни,
Исполна-то государю за двенадцать год.

Молодой Васильюшко Казимиров
Он скорешенько идет да на широк на двор,
Он сажился-то Василий на добра коня.
Выезжал-то как Василий на великий град,
Он поехал-то по славному по городу
На своем добром коне на богатырском,
И наехал-то на братицев крестовых;
Он подъехал-то к молодому к Добрынюшке,
Налагал-то он свои да храпы крепкие
А й на него на плечка на могучие,
И говорил ему Василий таковы слова:
— Ай же ты молоденькой Добрынюшка!
А сегодня ты да ведь позавтракал,
А й оставь-ко мне хоть пообедати,
Да уйми-тко еще братца-то крестового,
Молодого Иванушка Дубровича,
И пойдемте-тко в палаты белокаменны
К королю-то ко Ботияну к Ботиянову,
Получать-то будем дани за двенадцать год.

Шли-то как они да на широк на двор,
Да й прошли они в палаты белокаменны,
Приносил король им дани за двенадцать год,
А двенадцать лебедей, двенадцать креченей,
И принес к ним грамоту повинную,
Да й принес им первы мисы чиста серебра,
Им принес другие мисы красна золота,

Третьи мисы приносил он скатна жемчуга;
Дал им грамоту да он повинную,
А й платить-то надо дани-выходы,
Платить-то славному-то князю и Владимиру,
Да й платить-то надобно век по веку.
Выходили молодцы да на широк на двор,
Садились молодцы-то й на добрых коней,
И они ехали раздольищем чистым полем.
И еще день за день как быдто дождь дождит,
Да неделя за неделей как река бежит;
Они едут в день по красному по солнышку,
Они в ночь едут по светлому по месяцу,
Они вскоре добры молодцы дороженьку

скоротали,

Они скоро ехали чистым полем,
Приезжали-то ко дубу-то ко Невину,
Да й ко славному каменю к Олатырю.
А со тою со пути а со дороженьки
Похотелось отдохнуть им добрым молодцам;
Пороздернули они да шатры белые,
Они хлеба-соли-то покушали,
И они легли-то спать да й проклаждатися.
Там на тую пору на то времечко
Прилетает голубь со голубкою,
Да й садится голубь он на сырой дуб,
На сыром дубе стал голубь со голубушкой

прогуркивать:

— Ай же ты молоденькой Добрынюшка!
Во шатре ты спишь да проклаждаешься,
Над собою ты невзгодушки не ведаешь,
А й твоя-то молода жена Настасья Микулична
А й замуж идет да й за богатыря,
Да й за славного Олещу Поповича.

Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Он скорешенько скочил-то на резвы ножки,
И скорешенько седлал добра коня,
И скоренько-то садился на добра коня,

Скоро ехал он раздольищем чистым полем
Да во тот-то славный стольный Киев-град.
Да й приехал-то Добрынюшка Микитинец
На свой славный на широк на двор,
Становил коня он богатырского
Ко тому к крылечики к переному,
Пристянул-то его поводом шелковым
Да к тому колечики к серебряну,
А он сам идет в палату белокаменну,
Да й прошел в свою в столовую во горенку,
И усмотрел-то он свою-то родну матушку;
А й сидит-то его матушка не весело,
Она ронит-то свои да горючи слезы.
Он-то матушке Добрынюшка поклон принес:
— Ай же свет честна вдова Мамельфа

Тимофеевна!

А я от Добрынюшки с чиста поля поклон привез.
Мы с Добрынюшкой вчерась да поразъехались.
А й Добрынюшко поехал ко Царюграду,
А меня послал он к стольно-Киеву,
А й к тебе ведь он зайти велел да на широкий двор

Да й сходить к тебе в палаты белокаменны,
Да й велел тебе сходить на погребы глубокие,
Принести велел со погребя лапотики шелковеньки,
Да велел-то принести еще-то платьице

да скоморовчато,

Да и принести велел гусельшки яровчаты,
Да в кои гусельшки-то с молоду Добрынюшка
поигрывал;

Да й велел сходить Добрыня на почестен пир
Ко тому ко князю ко Владимиру,
Да сходить велел ко князю ко Олещеньке
к Поповичу

Да ко твоей ко княгине ко молодой,
Ко Настасьюшке да ко Микуличной.

Говорила-то ему вдова да горько плакала:

— Ай же мужичище деревенщина!
Надо мною тебе просто насмехаться
И над моим-то ведь двором да над вдовиным.
Если был бы жив молоденькой Добрынюшка

Микитинец,

Не дошло б тебе смеяться надо мной
Да над моим двором да над вдовиным.

Молодой Добрынюшка Микитинец
Перед ней стоит, сам низко кланяется:

— Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
Мы вчера с Добрынюшкой разъехались
Да й во славном раздолье в чистом поле,
А й Добрынюшка поехал ко Царюграду,
А й послал меня он к стольно-Киеву,
Да велел к тебе заехать на широкий двор
Да сходить велел в палаты белокаменны,
Да й тебе велел молоденькой Добрынюшка,
Сходить велел на погреб на глубокие,
Принести оттуль лапотики шелковые,
Принести-то велел платьице да скоморовчато,
Да й подать велел Добрынюшка гусельшки

яровчаты,

Да й велел мне-ка сходить он на почестен пир
Ко тому ко князю ко Владимиру,
Да й к тому князю Олешеньке Поповичу,
К той княгине ко молодой,
К той Настасье да Микуличной.

Говорила-то вдова да горько плакала:
— Ай же мужичище деревенщина!
Во глазах собака насмехаешься,
Во глазах собака надлыгаешься!

Если б была бы эта славушка да й на святой
Руси,

А что есть-то жив Добрынюшка Микитинец,
Не дошло бы то смеяться над моим-то над двором,
Над моим двором да над вдовиным.
Молодой то Добрынюшка Микитинец

Поскорешеньку он ей поклон отнес:
— Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
Мы вчера с Добрынюшкой разъехались,
Да й во славном раздолье в чистом поле,
А й Добрынюшко поехал ко Царюграду,
А й послал меня он к стольно-Киеву,
Да велел к тебе заехать на широкий двор
Да сходить велел в палаты белокаменны,
Да й тебе велел молоденькой Добрынюшка,
Сходить велел на погреб на глубокие,
Принести оттуль лапотики шелковые,
Принести-то велел платьице да скоморовчато,
Да й подать велел Добрынюшка гусельшки

яровчаты,

Да й велел мне-ка сходить он на почестен пир
Ко тому ко князю ко Владимиру,
Да к тому князю Олешеньке Поповичу,
К молодой княгине ко Настасье ко Микуличной.

Да честна вдова Мамельфа Тимофеевна
Да и горько она да и заплакала,
И говорила-то вдова да таковы слова:
— Не узнал-то святым духом ведь мужище

деревенщина,

Не узнал он про лапотики Добрынины,
Не узнал-то он про платье скоморовчато,
Не узнал-то про гусельшки яровчаты.

Она брала-то скоренько золоты ключи,
Шла скорешенько на погреба глубокие,
Да и приносила-то лапотики шелковые,
Приносила платье скоморовчато,
Приносила-то й гусельшка яровчаты,
Подавала мужичищу деревенщине.
Говорил-то мужичище деревенщина:

— Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
Вместях мы росли с молоденьким

Добрынюшкой,

Вместях грамоте училися,

Ели мы с Добрыней по одному
И нам одежица с Добрынюшкой-то ладилась.

Как-то стал мужичище деревенщина,
Он обул лапотники шелковые
Да й надел-то ведь он платье скоморовчато,
Во белы ручки гуселка брал яровчаты,—
Да й лапотники на ноженьки Добрынюшке
поладились,

Ему платьице-то скоморовчато
На себя Добрынюшке поладилось.
Так пошел-то как Добрыня на почестен пир,
Там придверники стоят да приворотники,
Там не стали допускать-то как Добрынюшку.
Молодой Добрынюшка Микитинец

А й он стал придверников отпихивать,
Приворотников он стал да оттолыкивать,
Он зашел-то во палату белокаменну,
Проходил он во столовую во горенку;
Там приходят-то ко князю ко Владимиру,
Да приносят к нему жалобу великую:
— Ты Владимир-князь наш стольно-киевский!
Как прошел-то скоморох к нам на почестен
пир,

Он придверников разбил всех приворотников,
Без доклада он зашел сюда в палаты
белокаменны.

То молоденькой Добрынюшка Микитинец
По столовой он по горенке похаживат,
То он князю-то Владимиру да поговариват:
— Ай Владимир-князь ты стольно-киевский!
А ще где у вас сидят-то скоморохи на честном
пиру?

Прикажи-тко изобразь мне-ка местечко
на честном пиру,
Прикажи-тко ты, Владимир, мне игру играть,
Игру играть во гусельшка яровчаты,
Воспотешить мне-ка самого князя Владимира,

Воспотешить мне-ка князя да Олешеньку
Поповича,

Воспотешить мне княгиня-та молодая,
А й княгиня-та Настасья да Микулична.
Говорил-то как молодому Добрынюшке,
Говорил-то ему Владимир-князь:

— Ай же молодой ты скоморошина!
Ты поди садись-ко поблизко той печеньки
кирпичною,

А играй игру в гуселка во яровчаты,
Воспотешь-ка самого князя Владимира,
Воспотешь-ко князя-то Олешеньку Поповича,
Воспотешь-ко ты молодую ту княгиню,
Молоду Настасьюшку Микуличну.

Как сажился-то молоденькой Добрынюшка
Близко печки сел близко кирпичною,
Брал гусельшки Добрынюшка в белы ручки,
Заиграл Добрынюшка в гусельшка,
Он игру играет все хорошеньку,
И наигрывал наигрыши хорошеньки,
Что из Киева да й до Царяграда,
Из Царяграда до Еросолиму,
С Еросолиму ко тою ко земли да
к сорочинской.

Еще все-то скоморохи приумолкнули,
Еще все-то игроки-то порозслухались,
А и не слыхали игры эдакой на сем свете;
Самому князю Владимиру ему игра слюбилася.
Как ставал-то князь Владимир на резвы ножки,
Наливал он чару зелена вина,
Он не малую стопу да в полтора ведра,
Разводил-то он медами все стоялыми;
Сам Владимир-князь-от стольно-киевский
Подносил-то эту чару зелена вина
Ко тому он молодому скоморошине.
Молодой да скоморошина
Он скорешенько ставает на резвы ножки,

Берет чарочку ту он да во белы ручки,
 Принимает чарочку одной ручкой,
 Выпивает эту чарочку одним духом;
 Подает-то назад князю он Владимиру,
 Понизешенько Владимиру он кланялся:
 — Ты Владимир-князь да стольно-киевский!
 От вас выпил-то я чару зелена вина.
 Мне позволь еще сыграть-то во гусельшка
 яровчаты,
 Воспотешить князя мне Олешеньку Поповича.
 А й позволил-то ему Владимир-князь
 А играть игру в гусельшка яровчаты,
 Воспотешить князя-то Олешеньку Поповича,
 Й он сажился близко печеньки кирпичныя,
 И заиграл он во гусельшка яровчаты,
 Играл-то ведь игру он все хорошеньку,
 И выигрывал наигрыши хорошеньки,
 Что из Киева да й до Царяграда,
 Из Царяграда до Еросолиму,
 С Еросолиму ко тою ко земле да к сорочинской.
 Еще все-то игроки приумолкнули,
 Молодые скоморохи порослухались,
 А и не слыхали игры эдакой на сем свете.
 Так игра эта Владимиру слюбилася,
 Говорил Владимир таковы слова
 А й тому князю Олешеньке Поповичу:
 — Ай ставай-ко, Олеша, на резвы ноги,
 А бери-тко чару во белы руки,
 Наливай-ко чару зелена вина,
 Да й не малую стопу да полтора ведра,
 И разводи медами все стоялыми,
 Поднеси-тко ты молодому скоморошине.
 А й ставал Олешенька Попович на резвы
 ноги,
 А брал чарочку в белы руки,
 Подносил-то к молодому скоморошине,
 А й то ставал-то скоморох да на резвы ножки,

А он чарочку-то брал в белы руки
 От того-то князя от Олешеньки Поповича,
 Принимал он эту чарочку одной рукой,
 Выпивал он чарочку одним духом,
 Он сажился-то на место скоморовское,
 Говорил скоморох да й таковы слова:
 — Ты Владимир-князь да стольно-киевский!
 А позволь играть в гусельшка яровчаты,
 Воспотешить мне княгиня-то молодая,
 Молода Настасьюшка Микулична.
 Тут он брал гусельшка яровчаты в белы
 руки,
 А игру играл да он хорошую,
 Он наигрыши выигрывал хорошеньки,
 А из Киева да й до Царяграда,
 Из Царяграда до Еросолима,
 С Еросолима ко той земле да к сорочинской.
 То весьма эти наигрыши Владимиру слюбились.
 Говорил ему Владимир-князь да стольно-киевский:
 — Ай же ты молодой скоморошина!
 Подходи-тко ко столу да княженецкому,
 А й садись-ко с нами за единый стол:
 Перво местечко тебе да есть подле меня,
 Друго местечко подле князя Олешеньки
 Поповича,
 Третье местечко избирай-ко себе по любви.
 Говорил-то скоморох да й таковы слова:
 — Ты Владимир-князь да стольно-киевский!
 А й то не любо мне местечко подле тебя,
 А то не любо мне местечко подле князя
 А подле князя Олешеньки Поповича,
 Любо местечко мне супротив княгини той
 молодой,
 Супротив Настасьюшки Микуличной.
 Как сажился скоморох с ним за единый
 стол,
 Супротив княгини сел молодой,

Супротив Настасьюшки Микуличной.
Говорил-то скоморох он таковы слова:
— Ай ты славныя Владимир-князь да

стольно-киевский!

Выпил рюмочку от князя я Владимира,
А й позволь-ко налить рюмочку мне зелена вина,
Поднести мне да ко князю ко Владимиру.

Как ставал-то скоморох да на резвы ножки,
Наливал-то рюмочку он зелена вина,
То не малу он стопу да в полтора ведра,
И розводил-то он медами все стоялыми,
Приносил ко князю ко Владимиру.

А Владимир-князь-от столько-киевский,
Он ставал скоренько на резвы ножки,
А он брал ту рюмочку одной рукой,
Выпил рюмочку Владимир единым духом.
Говорил-то скоморох да й таковы слова:
— Ты Владимир-князь да столько-киевский!
Налил-то я рюмочку как князю Владимиру,
Позволь поднести мне еще рюмочку
А тому князю Олешеньке Поповичу.

Наливал-то как он чару зелена вина,
Розводил медами все стоялыми,
Подносил князю Олешеньке Поповичу.
А й ставал Олеша на резвы ножки,
Принял чарочку Олеша во белы ручки,
Брал-то чарочку Олешенька одной ручкой,
Выпил чарочку Олешенька одним духом.
Скоморох им говорил да таковы слова:

— А Владимир-князь ты столько-киевский!
Позволь чарочку налить мне зелена вина,
Поднести княгинюшке молодой,
А той ли Настасьюшке Микуличной.

То он брал как чарочку в белы руки,
Наливал он чару зелена вина,
А не малую стопу да полтора ведра,
Разводил медами все стоялыми,

Он спустил туда он свой злачен перстень,
В эту спустил во чарочку,
Подносил он ко Настасьюшке Микуличной,
Говорил-то ей он таковы слова:

— Ай же ты княгиня да молодая,
Молода Настасьюшка Микулична!
Испей чарочку от нас ты зелена вина.

Молода Настасьюшка Микулична
То скорешенько ставала на резвы ноги,
Эту брала чарочку в белы ручки,
Подносила ко устам своим сахарниим.
Говорил ей скоморох да таковы слова:
— Молода Настасьюшка Микулична!
Если хошь добра, так ты пей до дна.

Молода Настасьюшка Микулична
Она женщина была не глупая,
Она пила-то ведь чарочку до донышка,
А ко нею ко устам да ко сахарниим
Прикатился к ней да тут злачен перстень;
Она стряхнет этот перстень на дубовый стол,
И смотрела-то на этот на злачен перстень,
Да которым она перстнем обручалася
Да во матушке да во Божьей церквы;
Положила она чарочку на золот стол
И оперлась о его плечка о могучии,
Да й скочила-то Настасья через золот стол,
Говорила-то она да й таковы слова:
— Ай же свет моя любимая здержавушка,
Молодой Добрынюшка Микитинец!
А й у бабы волос долог, ум короткою,
Не послушала я твоего наказа богатырского,
Я пошла замуж за славного богатыря,
За того Олешеньку Поповича.

Тут молодой Добрынюшка Микитинец
Он скорешенько встает да й на резвы ножки,
Да й берет-то он Олешу за желты кудри,
Бросил он Олешу о кирпичный мост,

Тут молоденькой Добрынюшка Микитинец
А й берет-то он Настасьюшку Микуличну
А за ней ли то за рученьки за белые,
То за ней берет за перстни за злаченные,
А повел в свои палаты белокаменны,
Во свою привел столову ю во горенку;
Стали жить-то быть да век любовь творить.

Все богатыри за столиком умолкнули,
Все молодцы да приутихнули,
За столом-то сидят затулялися;

Большая тулится к среднюю,
Среднюю тулится за меньшую,
А от меньшей тулицы ответу нет.
З-за того з-за столичка дубового,
Из-за тых скамеечек окольних
Вышел старья Пермин сын Иванович,
Понизешеньку князю поклоняется:
— Владимир-князь и стольно-киевский!
Благослови-ко, государь, мне словце вымолвить.
А ще знаю я тебе супротивничку:
Личушком-то она супротив тебя,
Очушки у ней ясных соколов,
Бровушки у ней черных соболей,
А походочкой она лани белая,
Она белая лани напольския,
А напольской лани златорогою;
Тебе буде с кем жить, век коротати,
Нам молодцам будет-то кому поклоняться.
А во той ли во славной в хороброй Литвы,
У того ли то у короля литовского,
Есть прекрасна дочь Опраксья-королевична,
Да й сидит она во тереме в златом верху;
На ню красное солнышко не обпекет,
Буйные ветрушки не обвеют,
Многии люди не обгалятся.
Есть-то у короля друга дочь,
Друга дочь Настасья-королевична;
Она ездит во чистом поле, полякует,
Сильно поляничищо удалое.

Говорил Владимир таковы слова:
— Ай же мои князи-бояра,
Сильнии русские могучие богатыри,
Славны поляницы все удалые!
Мне кого-то послать из вас-то посвататься,
За меня за князя Владимира,
У того ли то у короля литовского
На прекрасной на Опраксье-королевичне?

Все за столом сидят умолкнули,
Все молодцы приутихнули.
Старья Пермин сын Иванович,
А по горенке Пермин он похаживает,
Пословечно князю он выговаривает:
— Ты Владимир-князь стольно-киевский!
Благослови мне, государь, словцо молвити.
А й то знаю я послать кого посвататься
За тебя за князя за Владимира
У того у короля литовского
На прекрасной Опраксье-королевичне:
Послать тихого Дунаюшка Ивановича;
Тихия Дунай во послах бывал,
Тихия Дунай много земель знал,
Тихия Дунай говорить горазд.
Да ему-то Дунаюшку посвататься
За тебя за князя за Владимира
У того у короля литовского
На прекрасной Опраксье-королевичне.

Славныя Владимир стольно-киевский
Скоро шел по горенке столовыи,
Брал-то он чарочку в белы руки,
Наливал-то он чару зелена вина,
А не малую стопу — полтора ведра,
Разводил он медами стоялыми,
Подносил он-то ко тихому Дунаюшку,
Ко тому Дунаюшку Ивановичу;
Тихия Дунаюшко Иванович
Он скорешенько ставает на резвы ножки,
Чару брал от князя во белы ручки,
Принял-то он чарочку одной ручкой,
Выпил-то он чарочку одним душком,
Подавал чарочку он князю Владимиру,
Понизенько он князю поклоняется:
— А Владимир ты князь стольно-киевский!
Благослови мне, государь, словцо вымолвить.
Еду я посвататься за князя за Владимира

И у того у короля литовского
На прекрасной Опраксье-королевичне:
Только дай-ко ты мне еще товарища,
Молода Васильюшка Казимилова.

А Владимир-князь стольно-киевский
Он скорешенько брал чару во белы ручки,
Наливал он чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводил он медами все стоялыми,
Подносил он к Василью Казиминову.
Молодой Василий Казимирович
Скорешенько ставал на резвы ножки,
Чарочку он брал во белы ручки
От того от князя Владимира,
Принял-то он чарочку одной ручкой,
Выпил он чарочку одним душком,
Подад он чарочку князю Владимиру,
Понизешенько Владимиру поклоняется:
— Ты Владимир-князь стольно-киевский!
Благослови, государь, словцо вымолвить.
Еду я с Дунаюшком посвататься
За тебя за князя за Владимира
А й у славного у короля литовского
Прекрасную Опраксью-королевичну;
Дай-ко еще нам товарища,
Моего-то братца крестового,
А Васильюшка паробка заморского:
А ему-то Васильюшку коней седлать,
Да ему-то Васильюшку расседлывать,
А ему-то Васильюшку плети подавать,
Ему плети подавать, ему плети принимать.

Владимир-князь стольно-киевский
Берет он чарочку во белы руки,
Наливает он чару зелена вина,
А не малую стопу — полтора ведра,
Разводил он медами все стоялыми,
Подносил он к Васильюшку ко паробку,

А к Васюльюшку ко паробку заморскому.
Ставился Василий на резвы ножки,
Брал-то он чару во белы ручки,
Принял он чарочку одной ручкой,
Выпил он чарочку одним душком,
А Владимиру-то князю поклоняется.
А пошли они с палаты белокаменной,
Выходили молодцы они на Киев-град.
Шли в свои палаты белокаменные,
А седлали добрых коней богатырских,
А поехали раздольцем чистым полем
А во славную в эту в хоробру Литву.
А приехали они на широк на двор
Ко тому ли они к королю к литовскому.
Тихия Дунаюшко Иванович
А с товарищем Василием Казимировым
А пошли они в палаты белокаменные,
А Васильюшко паробок заморский
Стал-то он по двору похаживать,
За собою стал добрых коней поваживать.
Тихия Дунаюшко Иванович,
Молодой Василий Казимиров,
Как прошли они в палаты белокаменны,
Заходили во столовую во горенку,
За пята дверь поразмахивали,
Они Господу Богу помолилися,
Били челом низко кланялися,
Самому-то королю они в особину,
Всем-то князьям подколенным.
Садил их король за единой стол,
А кормил-то их ествушкой сахарною,
А поил-то их питьицем медвяным.
Тихому Дунаюшку Ивановичу
Подносили к нему чару зелена вина,
То не малую стопу — полтора ведра;
Тихия Дунаюшко Иванович,
А скорешенько вставал на резвы ножки,

Чарочку он брал во белы ручки,
Брал-то он чарочку одной ручкой.
Он за этою за чарочкой посватался
У того у короля литовского
На его на дочери любимой,
На прекрасной Опраксы-королевичной,
За своего за князя Владимира.
Говорил король таковы слова:
— Глупой князь Владимир стольно-киевский!
Он не знал кого послать ко мне посвататься,
Из бояр мне-ка боярина богатого,
Из богатырей богатыря могучего,
Из крестьян мне-ка крестьянина хорошего,
Он послал мне-ка холопину дворянскую!
Ай же мои слуги верные,
Вы берите-тко Дуная за белы ручки,
Да й ведите-тко на погреб холодный,
За его за речи неумильные.

Тихия Дунаюшко Иванович
Скоро-то он скочит через золот стол,
А схватил он татарина за ноги,
Стал он татаринком помахивати,
Стал бить татар, поколачивати,
А король-то по застолью бегаёт,
Куньею шубой укрывается,
Говорит король таковы слова:
— Ай же тихия Дунаюшко Иванович!
А садись-ко со мной за единый стол,
Ешь-ко ты пей с одной мисочки.
Сделаем с тобою мы сватовство
Да на моей ли на дочери любимой,
На прекрасной Опраксе-королевичне,
За того за князя Владимира.

Говорил Дунай таковы слова:
— Ай же король ты литовский!
Еще не учествовал молодцев приедучись,
Не ужаловать-то молодцев поедучись.

В честь я Опраксию да королевичну
Да возьму-то я за князя за Владимира,
А не в честь я возьму за товарища
За того Васильюшка Казимилова.

Тихия Дунаюшко Иванович
Скоро шел палатой белокаменной.
Выходил-то Дунай на широк на двор.
Приходил он ко терему к златым верхам,
Стал Дунаюшко замочиков отщалкивати,
Стал Дунаюшко он дверцей выставливати,
Он приходит-то во терем во златы верхи;
По тому-то терему злату верху
А Опраксия-королевична похаживает
А в одной тонкой рубашечке без пояса,
А в одних тонких чулочках без чоботов.
У ней русая коса пораспущена.
Воспроговорил Дунай таковы слова:
— Ай же ты Опраксия-королевична!
А идешь ли ты замуж за князя за Владимира?

Говорит ему Опраксия-королевична:
— Ай ты славная богатырь святорусския!
Три году я Господу молилася,
Чтоб попасть мне-ка замуж за князя за
Владимира.

Брал он ю за ручушки за белые,
Брал ю за перстни злаченые,
Целовал в уста во сахарные
А за ней за речи умильные,
Выводил он ю со терема златых верхов,
Приводил ю Дунай на широкий двор,
А сажал ю Дунай на добра коня,
На добра коня сажал к голове хребтом.
Сам Дунаюшко сажился к голове лицом.
Они сели на добрых коней, поехали
А по славному раздолью чисту полю.
Их достигла темна ночка в чистом поле,
Они спать легли прокладатися.

Говорит-то Дунаюшко Ивановичу
А прекрасная Опраксия-королевична:
— Ай же тихия Дунаюшко Иванович!
У меня-то ведь есть сестра родная,
А Настасья есть королевична,
Она сильна поляница и удалая,
Она ездит во чистом поле, полякует,
Как наедет-то она ко белым шатрам,
Во белых шатрах нам живым не бывать.

Эта Настасья-королевична
Узнала про сестрицу свою родную,
Увезли у ней сестрицу на святую Русь,
Не влюби у них брали богатыри;
Она ехала в погону по чисту полю,
А скакала на коне богатырском
Да по славну раздолью чисту полю;
По целой версте конь поскакивал,
По колен он в земелюшку угрязывал,
Он с земелюшки ножки выхватывал,
По сенной купны он земелики вывертывал,
За три выстрелы камешки откидывал.
Не путем она едет не дороженькой,
Она ехала раздольцем чистым полем,
Проехала она да сестру родную,
А проехала она и мимо Киев-град.
Тихия Дунаюшко Иванович,
Садился Дунай на добрых коней,
А садил он Опраксу-королевичну
А Василью Казимирову да й на добра коня,
А садил-то ю к головы хребтом,
А Васильюшко-то садился в головы лицом.
Тихия Дунаюшко Иванович
А послал с ними паробка любимого,
Он того Василия заморского,
Отвести ю князю на широкий двор,
Отвести в палаты белокаменны
А подать-то ю князю во белы ручки.

А сам тихия Дунаюшко Иванович
Он поехал во раздолье чисто поле
Посмотреть на поляницу удалую,
А й на эту Настасью-королевичну.
Молодой Васильюшко Казимиров,
Со своим со паробком любимым,
Они ехали раздольцем чистым полем
На добрых конях на богатырских,
Ускоряли-то они скоро-на-скори,
Приехали-то они в стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор,
А скорешенько спустились со добрых коней,
Опустили-то Опраксию-королевичну
Со добра коня богатырского.
А повел-то ю Васильюшко Казимиров
Во эту палату белокаменную
Ко тому ко князю ко Владимиру,
Подал он ю во белы ручки.
Тихия Дунаюшко Иванович
Ехал он раздольцем чистым полем,
Он наехал поляницу во чистом поле,
Становил он поляницу супротив себя,
Говорил он полянице таковы слова:
— Ай же Настасья-королевична!
Я достал твою сестрицу родимую,
А достал замуж за князя Владимира.
Ты идешь ли замуж за Дунаюшка,
За того за Дунаюшка Ивановича?

Говорила Настасья-королевична:
— Тихия Дунаюшко Иванович,
Славный богатырь святорусский!
Если ты мной не ломаешься,
Я иду это замуж за Дунаюшка,
За тебя Дунаюшка Ивановича.

Они сели на добрых коней, поехали.
Приехали они в стольно-Киев-град,
А приехали ко матушке к Божьей церкви;

А Владимир-князь стольно-киевский
Повенчался он во матушке в Божьей церкви
А со тою со Опраксой-королевичной,
А й выходит он со Божьей церкви;
Тихия Дунаюшко в церкву пошел
Повенчаться с сестрицей со другою,
А со тою с Настасьей-королевичной.
Во Божьей церкви повенчались,
Принимали-то они золоты венцы,
Они заповедь великую покладали:
А что жить-то им быть, век коротати.
Выходил-то Дунай со Божьей церкви,
Приходил он ко князю ко Владимиру,
Сделали они тут почестен пир,
А й на всех-то князей, на всех бояров,
На всех русских могучиих богатырей,
На всех славных поляниц на удалых.
Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Все на пиру поросхвастались,
Хвастает богатой золотой казной,
Золотой казной он бессечною,
Щеголь хвастает одежей драгоценною,
Сильной хвастает-то силушкой великою,
Иной хвастает богатырь добрым конем;
Тихия Дунаюшко Иванович
Он выходит-то з-за столика дубового,
Из-за тых скамеек окольных,
От своей семеюшки любимой,
От молодой от Настасьи-королевичной,
Стал Дунаюшко по горенке похаживати,
Пословечно Дунай выговаривати:
— Нет меня лучше молодца во всем Киеве!
А й никто не смел ехать посвататься
Да й за славного за князя Владимира
На Опраксии-королевичной,—
Сам я женился и людей женил,

Сам я боец и удалой молодец,
А горазд-то стрелять я из луку из тугого!

Говорила Настасья-королевична:
— Свет ты здержавушка любимая,
Тихия Дунаюшко Иванович!
А нечем-то ведь я да не хуже тебя:
Сила моя есть побольше твоей,
А ухваточка моя удалее тебя.

А Дунаюшке то дело не слюбилося,
А молода жена перехвастала.
Говорил Дунай таковы слова:
— Ай же Настасья-королевична!
А вставай-ко ты на резвы ножки,
Поедем мы с тобой во чисто поле,
Востроты мы у друг друга отведаем.

Вышел Дунай во чисто поле,
Положил он колечко серебряно
На свою на буйну головушку,
А й наставил он свой вострой нож.
Говорил он Настасье-королевичне:
— Ай же Настасья-королевична!
Отойди-тко от меня да за пятьсот шагов,
Пропусти-тко эту стрелочку каленую
По тому острею по ножевому,
Чтобы стрелочка катилась на две стороны,
На две стороны катилась весом равная
И угодила бы в колечко серебряное.

Этая Настасья-королевична
Она брала свой тугой лук разрывчатой,
Налагала она стрелочку каленую,
Натягала она тетивочку шелковеньку
А спускала в эту стрелочку каленую;
Пропустила эту стрелочку каленую
По тому острею по ножевому,
Прокатилась эта стрелочка каленая
По тому острею на две стороны весом ровно,
Угодила во колечко серебряно.

Три раза она Настасьюшка прострелила
Из того из лука из разрывчата
По тому острею по ножевому,
Пропустила эту стрелочку каленую
Да й во то ли во колечко во серебряно.
Говорил-то ей Дунай да таковы слова:
— Становись-ко ты Настасья супротив меня.

Он покладал ей колечико серебряно
Да на ней на буйную головушку.
Он наставил свою нож булатную
И отошел он от Настасьюшки пятьсот шагов.
То Настасьюшка-королевична молилася,
А й молилася она да й горько плакала:
— Ай же тихия Дунаюшко Иванович,
Ты меня прости во женской глупости.
А й по поясу вкопай меня в сыру землю,
А ще бей-ко ты меня да й по нагу телу,
А прости меня во глупости во женскою,
Не стреляй-ко ты из луку из разрывчата,
Не спущай-ко стрелочки каленая
По тому ты по острею по ножовому
Да й во то колечко во серебряно.
А й теперь-то ты, Дунаюшко, хмельнешенек,
А й теперь, Дунаюшко, пьянешенек,
А убьешь меня ту молодую жену,
А й ты сделаешь две головки бесповинных.
У меня с тобой во чреве есть чадо посеяно,
По коленкам у него есть ножки в серебре,
По локоточкам его ручки в красном золоте,
А назади у него пекет светел месяц,
От ясных очей как будто луч пекет.

Ничего тому Дунай да не пытаючись,
Как брал тугой лук да свой разрывчатой,
Наложил-то стрелочку каленую,
Он спустил тетивочку шелковую.
Пролетела эта стрелочка каленая
Ай Настасье-королевичне да во белы груди,

А й тут Настасьюшке славу поют.
Пришел тихий Дунаюшко Иванович,
Подошел он к ней да порасплакался,
А он брал свою да саблю вострую,
Распластал он ей да чрево женское,
Посмотрел-то как у них чадо засеяно:
По коленочкам-то ножки в серебре,
По локоточкам-то ручки в красном золоте,
По косицам у него как звезды частые,
Назад-то у него да как светел месяц,
От очей тых от него как будто луч пекет.
Да тут тихия Дунаюшко расплакался,
И говорил Дунай да таковы слова:
— Ай по тых пор видно, что Дунаюшко женат
бывал!

Становил-то он свою да саблю вострую,
Говорил Дунай да таковы слова:
— Наперед-то протекла река Настасьиная,
А другая протеки река Дунаева!

Становил свою он саблю вострую,
Да он пал на саблю ту на вострую,
Отрубил свою буйную головушку.
Тут Дунаюшку с Настасьюшкой славу поют.
Им славу поют да веки по веку.

СТАВР ГОДИНОВИЧ

ласкова князя у Владимира
Был хорош пир-пированье
На всех на князей и на бояр,
На русских могучих на богатырей
И на всю поленицу удалую.
Красное солнышко навечери,
Все молодцы пьяны-веселы,
Все на пиру прирасхвастались,
А только сидит один Ставер сын Годинович,
Не ест, не пьет и не хвастает.
Тут Владимир — князь стольно-киевский
Налил ему чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Разводил медами настоящими,
Подносил ко Ставру сыну Годиновичу,
А сам говорил таковы слова:
— Что же ты, Ставер сын Годинович,
Не ешь, не пьешь и не кушаешь,
Сам ты сидишь — ничем не хвастаешь?
Или нечем тебе, молодцу, похвастати?

Говорил Ставер сын Годинович:
— Владимир — князь стольно-киевский!
Еще есть у Ставра чем похвастати:
Мои добрые молодцы не старятся,
Мои добрые конюшки не держатся,
Моя золота казна не тощится;

Да еще есть у Ставра чем похвастати —
Есть у Ставра молода жена,
Молода Василиста Микулична:
Всех-то князей-бояр приобманет,
Самого тебя, Владимира, с ума сведет.

Говорил Владимир таковы слова:
— Ай же мои слуги верные!
Берите-тко Ставра сына Годиновича
За его за ручушки за белые,
За его за перстни за злаченные
И ведите-ка на погребу холодные
За его за речи неумильные.

Взяли Ставра сына Годиновича
За его за ручушки за белые,
За эти за перстни за злаченные
И свели его на погребу холодные.
Проведала его молода жена,
Молода Василиста Микулична,
Что её любимый муж Ставер сын Годинович
В полону сидит на погребу холодном.
В тот час Василиста Микулична
Пошла по палате белокаменной,
По своей по комнате по богатырской,
Воскричала-то она во всю голову,
Во всю голову кричала жалким голосом:
— Ай же вы, служанки мои верные!
Поспевайте-ка ко мне скоро-наскоро,
Рубите-тко мои косы русые,
Несите-ка мне платьица посыльные
Да седлайте-ка коня мне богатырского.

Подбегали к ней служаночки верные,
Скорешенько отрубили ей те косыньки русые,
Одели ей одежицы посыльные
И заседлали ей добра коня богатырского.
Садилась Василиста Микулична
На добра коня богатырского,
Поехала она послом в стольно-Киев-град.

Приехала ко князю Владимиру на широк двор,
Шла она во палату белокаменну,
На пята дверь поразмахиват.
Ступила своей ножкой правою
Во славную во гридню княженецкую:
Столики во гридне постряхнулись,
Околенки хрустальны порассыпались.
Полагала она грамоту посыльную на золот стол,
Называлась послом со славной земли Гленския.
Тут она у князя у Владимира
Посваталась на прекрасной дочери любимой.
Говорит дочь князя Владимира:
— Батюшка Владимир стольно-киевский!
Не выдай девчины за женщину!
Походочка у посла-то частенькая,
Что на место сядет, ноги жмет, вещицы бережет,
А где на руках были жуковины, тут и место
знать.

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Ай же вы, слуги мои верные!
Истопите-тка парную баенку,
Умыться бы и попариться послу во парной
во баенке;
Я сам схожу с послом во парную во баенку.

Истопили парную баенку,
Приходил посол во парную во баенку,
Скоро-наскоро умылся и попарился
И настрету идет ко князю ко Владимиру.
Говорит Владимир стольно-киевский:
— Что же ты, посол земли Гленския,
Скоро умылся во парной во баенке?
— Ай же ты, Владимир стольно-киевский!
Мое дело есть дорожное,
И мое дело есть посыльное:
Мне не долго проклаждатися во баенке.
Пришли они в палату белокаменну,
И просит она борца-поединщика,

Поборотся ей надо об одной ручке...
Говорил Владимир стольно-киевский:
— Как отдать Ставра — не видать Ставра,
А не отдать Ставра — разгневить посла.
Приводили Ставра на широкий двор
Со славным посланником боротися.
Среди двора они становились,
На борьбу-рукопашку сходились.
Тот посол земли Гленския
Поборол Ставра сына Годиновича.
Здынула она его со матушки со сырой земли,
Становила его на резвы ноги,
Брала его за ручушки за белые,
За его за перстни за злаченные,
Целовала во уста во сахарные,
Называла его любимую семеюшкой,
Семеюшкой, законною сдержавушкой,
Говорила ему таковы слова:
— Ай же Ставр сын Годинович!
Не учись-ка впредь женою хвастати:
Сам ты погинешь и меня стубишь!
Тут они садились на добрых коней,
Поехали во свои палаты белокаменны,
Стали жить да быть да долго здравствовать.

ХОТЕН БЛУДОВИЧ

А й во славном во городе во Кieve,
У славного у князя Владимира,
Заводился у князя почестен пир.
Было на пиру у него две вдовы:
Первая вдова — то честно-Блудова жена,
Другая вдова была купец-жена.
К честной вдовы к честно-Блудовой жены
Подносили к тоей чару зеленá вина,
Да не малую стопу, полтора ведра.
Честна вдова честно-Блудова жена
Ставала-то она да на резвы ноги,
Брала эту чарочку в белы ручки,
И она за этой за чарочкой посваталася
За своего за сына за любимого,
За того Хотинушку за Блудовича
А у честной вдовы у купец у жены,
На прекрасной Офимье купец-дочери.
Честная вдова та купец-жена
Скорешенько ставала й на резвы ноги,
Брала от ней чарочку в белы ручки,
А назад-то ей чарочку повыплеснула,
Кунью ю шубоньку облила,
Курвой, б < > оклескивала;
Говорила-то вдова таковы слова:
— Ай ты глупая вдова честно-Блудова жена!
Тоби дойдет ли Офимья моя взять за сына,

Да й за твоего Хотинушку за Блудовича?
А й сидит моя Офимья во тереме,
А й во славном сидит в тереме в златом верху,
На ню красное солнышко не обпекет,
На ню буйные ветрушки не обвеют,
Многие люди не обгальятсЯ.
Твой сын Хотинушка Блудович
Ездит он по городу, уродует
Со своим-то паробком любимым,
Ищет бобового зернетки,
Где бы то Хотинушке обед сочинить.
Честна вдова честно-Блудова жена
Со честна пиру пошла она не весело,
Припечаливши пошла, прикручинивши,
Приклонив буйную головушку к сырой земле,
Ясны очушки втопила во сыру землю;
А подходит-то она к терему к высокому.
Со того со терема высокого,
Из того с косевчата окошечка,
Сквозь то хрустально стеколышко
Усмотрел Хотинушка Блудович
Идучись-то свою он родну матушку:
Со честна пиру идет она не весело,
Прикручинивши идет, припечаливши,
Приклонив буйную головушку к сырой земле,
Ясны очушки втопила во сыру землю.
Выскочил Хотин на крутой на крылец,
Говорил Хотин а таковы слова:
— Свет ты моя родна матушка,
Честная вдова ты честно-Блудова жена!
Что же ты идешь с пиру не весело?
Место в пиру было не по чину,
Чарой ли в пиру тебя приобнесли,
Аль кто пьяница-дурак приобгалился?
Воспроговори вдова таковы слова:
— Свет ты мое чадо любимое,
Молодой Хотинушка Блудович!

Место в пиру было мне по чину,
Чарою меня в пиру не обнесли,
Пьяница-дурак не обгалился;
Насмеялась надо мной честная вдова,
Честна вдова-то купец-жена:
Подносили ко мне чару зеленá вина;
Я скорешенько ставала на резвы ножки,
Брала эту чарочку в белы руки,
Я за этою за чарочкой посваталася
За тебя за сына любимого,
А за молода Хотинушку за Блудовича
Да у честной вдовы у купец-жены,
На прекрасной Офимье купец-дочери.
Честна вдова честно-Блудова жена
Скорешенько ставала на резвы ноги,
Брала мою чару во белы руки,
А й назад она чарочку повыплеснула,
Кунью мою шубоньку облила,
Меня курвой <.....> оклескивала,
Говорила мне вдова таковы слова:
«Глупа ты вдова честно-Блудова жена!
Дойдет ли Офимья тебе взять за сына,
Да й за своего Хотинушку за Блудовича?
Сидит моя Офимья во тереме,
А во тереме сидит во златом верху,
На ню красное солнышко не обпекет,
Буйные ветры не обвеют,
Многие люди не обгальят.
Твой сын Хотинушка Блудович
Ездит он по городу, уродует
Со своим со паробком любимым,
Ищет бобового зёрнетки,
Где-то бы Хотинушка обед сочинить».
Воспроговорил Хотинка таковы слова:
— Свет ты моя да родна матушка,
Ах ты честная вдова честно-Блудова жена!
В честь я Офимку за себя возьму,

А й не в честь я Офимку за товарища,
Да за своего за паробка любимого.

Повернется Хотинушка в высок терем,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
Шапочку соболью на одно ушко,
Шел он палатой белокаменной,
Выходил-то Хотин а на широк на двор,
Заходил он во конюшенку стоялую,
Выводил он коня богатырского,
Он садился на добра коня на седлана,
Брал свою паличку булатную,
Поехал-то Хотинушка в чистó поле,
На добром коне в чистóм поле поезживает,
Стал он шуточек Хотинушка пошучивати,
Стал он паличку булатню покидывати,
На добром коне Хотинушка подъезживает,
Он одною ручкой паличку подхватывает,
Не велика его паличка булатная,
Весу она й девяносто пуд.
А й у мо́лода Хотинушки у Блудовича
Кровь-то в нем и распылалася.
Сердце его разгорелось
За эту родительску обидушку.
То он поехал по раздолью чисту полю,
А во всю он ехал в силу лошадиную,
Он подъехал как ко терему к злату верху,
Бил он палицей булатней по терему,
Да по славному по терему злату верху.
Маковки на тереме покривились,
Да й околени во тереме рассыпались.
Молодой Хотинушка Блудович
Сходит он скоренько со добра коня,
Подходит он ко терему к злату верху,
Стал он замочиков отщалкивати,
Стал он дверцей выставливати,
А приходит он во терем во златы верхи.
Ходит Офимья по терему

А в одной тонкой рубашке без пояса,
А в одних тонких чулочиках без чоботов,
У ней русая коса пороспущеная.

Говорил Хотин а таковы слова:

— Ай же Офимья купец-дочи!

А идешь ли ты замуж за Хотинушку,
За того Хотинушку за Блудовича?

Воспроговорит Офимья таковы слова:

— Три году я Господу молилася,
Что попасть бы мне замуж за Хотинушку,
За того Хотинушку за Блудовича.

Молодой Хотинушка Блудович
Брал он ю за ручушки за белые,
Брал за ней за перстни злаченные,
Целовал в уста во сахарные
Он за ней за речи за умильные,
Выводил он Офимью со терема,
А привел-то Офимью ко добру коню,
Ко добру коню привел богатырскому,
Да и садил он Офимью на добра коня,
На коня он ю садил к голове хребтом,
Сам он садился к голове лицом.
Они сели на добра коня, поехали
Да по славному городу по Киеву,
Да й приехали ко матушке к Божьей церкви.
Молодой Хотинушка Блудович
Он скорешенько-то сходит со добра коня,
Опускает он Офимью со добра коня,
Брал он ю за ручушки за беленьки,
Брал за ней за перстни злаченные,
Да повел ю во матушку в Божью церковь.
Выходили-то со матушки с Божьей церкви,
Молодой Хотинушка Блудович,
А садил он ю да на добра коня,
На добра коня садил ю к голове хребтом,
Сам он садился к голове лицом,
Да приехали к Хотину на широк на двор.

Молодой Хотинушка Блудович
Он скорешенько сходит со добра коня,
Опускает он Офимью со добра коня,
Ай берет он ю за ручушки за беленьки,
А за ней берет за перстни злаченные,
Шли они палатой белокаменной,
Проходили во столову свою в горенку.
Стали жить да быть, век коротати.

ДЮК

а из тою ли со Галичи с проклятою,
А й со той ли славная со Индеи со
богатою,

С того славного богата с Волын-города,
С Волын-города да со индейского,
А сряжался молодой боярин Дюк Степанович
Да повыхать на матушку святую Русь.
Посмотреть-то он хочет на славный
стольно-Киев-град,
Посмотреть хочет на славного на князя на
Владимира,
На прекрасную Опраксию на королевичну,
Посмотреть хочет на сильных на русских на
могучих богатырей,
На всех славных поляниц он на удалых.

Говорила Дюку родна матушка:
— Молодой боярин Дюк Степанович!
Хоть сряжаешься ты на святую Русь,
Посмотреть хочишь ты на святую Русь,
Посмотреть хочишь на князя на Владимира,
А й на душечку прекрасну королевичну,
Да й на сильных могучих на богатырей,
На всех славных поляниц-то на удалых,
Не бывать тебе да й на святой Руси,
Не видать тебе да й столько-Киева:
А й до славного до города до Киева

То стоит три заставы великих:
Перва застава-то змеи поклевучие,
Друга застава е звери поедучие,
Третья застава-то горюшки толкучие.

Молодой боярин Дюк Степанович
Родной матушки да он не слушатся,
Он седлал коня да богатырского,
Поезжает Дюк да в стольный Киев-град.
Говорила Дюку родна матушка:
— Ай же свет мое чадо любимое,
Молодой боярин Дюк Степанович!
Когда будешь ты на матушке святой Руси,
Да й когда будешь во граде ты во Киеве,
Да й будешь когда у князя у Владимира,
А й охвочь ты испивать так зелена вина,
А й не хвастай-ко своим художеством
Супротив русских могучих богатырей.

Тут поехал Дюк он на добром коне,
Подъезжает Дюк ко первой ко заставе,
Да ко тем змеям поклевучиим.
Берет плетку он шелкову во белы ручки,
А он бил коня-то по крутым ребрам.
Его добрый конь да богатырский
Поднимался он от матушки сырой земли,
Перескочил через заставу великую,
Через змеев этих поклевучиих.
Он поехал-то раздольцем чистым полем,
Подъезжал он к другой заставе великою,
Да ко тым зверям ко поедучиим.
То он бил коня да по крутым бедрам,
А бил плеточкой своей шелковенькой.
Его добрый конь да богатырский
Как вспрынул от матушки сырой земли,
Перенес он через заставу великую,
Через тех зверей да поедучиих.
Он поехал по раздольцу чисту полю,
Подъезжает он ко третьей ко заставе великой,

А й ко тем горам потолкучим.
Эти горушки толкучи вместе столнулись,
Вместе столнулись они да поростолнулись,
Проскочил он промеж горушки толкучии.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Да повыехал на матушку святую Русь.
То приехал он во славный стольной Киев-град
Да й ко ласкову ко князю на широк на двор,
То Владимира-то в доме не случилось,
А й ушел-то князь Владимир во Божью церковь,
Ушел Господу он Богу помолитися,
Ко Господнему кресту он приложитися.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он пошел по граду-то по Киеву,
Он зашел во матушку Божью церкву,
То он крест кладет да й по-писаному,
Он ведет поклоны по-ученому,
На все на три на четыре сторонушки он
кланялся

Он до тых полов да до кирпичных,
А й до матушки он до сырой земли,
Самому князю Владимиру в особину,
Всем его князьям он подколенным.
По праву руку Владимира стоял-то ведь
молоденькой Добрынюшка,
По леву руку ту князя-то Владимира
Стоял молодой Чурилушко-то Пленкович.
Стал Владимир-князь у Дюка повыспрашивать:
— Ты скажи, откуль, удалый добрый молодец?
Ты коёй земли да ты коёй Литвы?
Тебя как-то молодца да именем назвать,
Звеличати удалого по отчеству?

Говорил-то молодой боярин Дюк
Степанович:
— Ай ты славный князь Владимир
стольно-киевский!

Есте я из Галичи проклятоей,
Да из тою со Индеюшки богатою,
Да со славного богата с Волын-города,
Молодой боярин Дюк Степанович.

Говорит-то ведь Чурилушка тот
Пленкович,

Да и говорил Чурила таковы слова:
— Ты Владимир-князь да стольно-киевский!
Во глазах мужик да надлыгается,
Да и во глазах собака насмехается!
Повороты есте тут не Дюковы,
Поговорюшка-то есть не Дюкова,
А й должен тут быть холопина дворянская.

Это дело-то и Дюку не слюбилося.
Выходили-то со матушки Божьей церкви
Да й пошли они по городу по Киеву.
Молодой боярин Дюк Степанович
Стал загадочек Владимиру отгадывать:
— Ай ты славный князь Владимир
стольно-киевский!

У вас в Киеве-то все да не по-нашему:
Настланы у вас мосточки кирпичные,
Да й поручинки положены калиновы,
Как идешь-то по мосточкам по кирпичным,
Медное гвоздь да приущиплется,
Цветно платице да призабрызжется,
Как во нашей-то Индеюшке богатой
Да й во нашем в славном Волын-городе,
У моей-то родной у матушки,
У ней настланы мосточки все калиновы,
Да й положены порученки серебряны,
Да й на эти на мосты да на кирпичные
Настланы-то у ней сукна гормузинные:
Как пойдешь-то по мосточкам по калиновым,
Да о эти о порученки серебряны,
Медное гвоздь у нас так не ущиплется,
Цветно платице да й не забрызжется.

А й ко тым речам Владимир-князь
не примется.

Приходили во палаты в белокаменны,
То садились за столики дубовые,
Да й за тыя за скамеечки окольные;
Они сели-то есть ествушки сахарной,
Испивать-то питьицев медвянных.
Подносили к ним калачиков тых пшонных;
Молодой боярин Дюк Степанович
Стал загадочек Владимиру отгадывать,
А ще корочку ту он вокруг кусал,
А й середочку-то он так кобелям бросал.
То Владимир-князь ко тым речам не примется.
Говорил-то молодой боярин Дюк Степанович:
— Ты Владимир-князь да стольно-киевский!
Да все в Киеве у вас есть не по-нашему:
Да й у вас как сделана-то бочечка дубовая,
Да й набиваны обручики еловые,
У вас делано мешалочко сосновое,
А ще тут у вас да й калачи месят;
У вас делана как печка-то кирпичная,
У вас топятся-то дровца ты еловые,
У вас делано помялышко сосновое,
А и тут у вас да калачи пекут.
Как во нашею в Индеи во богатою
Да во славном во богатом Волын-городе,
У моей-то родною у матушки,
У ней сделана-то бочечка серебряна,
А й обручики набиты золоченые,
Да й положены туды да й меды сладкие;
У ней сделано мешалочко дубовое,
Они тут да й калачи месят;
У ней сделана-то печечка кирпичная,
У ней топятся-то дровца ты дубовые,
У ней сделано помялышко шелковое,
Настлано туда бумаги-то гербовою,
А ще тут они да й калачи пекут.

Владимир-князь ко тым речам
не примется.

Подносили к ним да сладку водочку:
Молодой боярин Дюк Степанович
Берет рюмочку он во белы ручки,
Подносил он эту рюмочку к устам своим
сахарным,
Да й по горенке он водочку повыплескал:
Говорил-то Дюк им таковы слова:
— Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!
У вас в Киеве-то все ведь не по-нашему:
У вас сделаны есть бочечки дубовые,
Да й набиваны обручики еловые,
Туда водочка-винцо у вас положено
Да й на этии на погребы глубокие,
У вас водочка-винцо там призадохнется,
А й нельзя-то испивать да сладкой водочки;
Как во нашею Индеюшке богатою
Да й во славном богатом в Волын-городе,
У моей ли то у родною у матушки,
У ней сделаны как бочечки серебряны,
А й набиты обручки да золоченые,
У ней водочка-винцо туда положено,
У ней поднято на воздух тот на легкии
Да на тые-то цепочечки на медные,
У нас водочка-винцо так не задохнется,
А ще чарочку ту пьешь, так другой хочется,
А ще другу пьешь, по третьей-то душа горит.
Да Владимир-князь ко тым речам
не примется.

А й Чурилушко тот Пленкович по горенке
похаживат,

Таковы слова Чурило поговариват:
— Что же ты холопина дворянска поросхвастался
А й своим ты да имениём-богачеством,
Порсхвастался уедами ты сладкими,
Да й поросхвастался ты питьями медвяными?

Снова-на-ново носить бы что ни лучшая.

— Ай же свет моя ты родна матушка!
Да й повыручь-ко меня ты со неволюшки,
С-под того ли с-под закладу с-под тяжелого;
Ты пошли-тко мне одежицы снарядной,
Чтоб хватило на три года поры-времени,
Да й держать чтобы одежда снова-на-ново,
Снова-на-ново держать да чтобы каждой день,
Что ни каждой день держать да что ни лучшее.

да богатырский,
Да й во славу во Индеюшку в богатую,
А й бежи-тко ты на славный на широк на двор,

Побежал-то его добрый конь
да богатырский

Тут сидит она да и горько заплакала:
— Молодой боярин Дюк Степанович
Положил свою буйну головушку
Да й на матушке на славной на святой Руси.

Подходил-то он к коню да к богатырскому,

Да он брал-то сумки переметные,
 Брал-то эти сумки, распечатывал,
 Посмотрел-то на одежи драгоценные,
 Положил-то эти сумки за крепкой замок.
 Стал одежицы оттуля Дюк понашивать,
 На добром коне стал со Чурилою поезживать;
 Ездят каждый день они да и по городу,
 Да й по городу ездят по Киеву,
 Да й проездили они по год поры,
 Да проездили они да еще другой год,
 Да й проездили еще они и третий год.
 Как по третий год да й на последний день
 Им поехать надобно к обеденке Христовскою,
 Молодой Чурилушко-то Пленкович
 Надевал одежицу снарядную,
 Он снарядную одежицу хорошеньку:
 У рубашечки манешечки шелковеньки,
 Кунью шубку он надел на плечка на могучие.
 Еще строчка строчена-то чистым серебром,
 Друга строчка строчена так красным золотом.
 Петельки ты вшиваны шелковые,
 Пуговицы положены да золоченые:
 А й во этии во петелки шелковые
 А то вплетано по красной по девушке,
 В эвты пуговицы ты в золоченые
 А й то вливано по доброму по молодцу:
 Как застѣнутся, так и обоймутся,
 Порастѣнутся, так поцелуются.
 Молодой боярин Дюк Степанович
 Он надел одежицу да все снарядную,
 Он снарядную одежицу, хорошеньку:
 Он рубашечки-манешечки шелковеньки,
 Он надел еще свою да кунью шубоньку,
 Одна строчка строчена так чистым серебром,
 Друга строчка строчена-то красным золотом,
 Петелки ты вплетаны шелковеньки;
 Пуговицы ты вливаны да золоченые,

В петельки ты вплетано по красной по
 девушке,
 А й во пуговицы ты вливано по доброму по
 молодцу:

Как застѣнутся, так и обоймутся,
 А й растѣнутся, так поцелуются.
 У молодого у Дюка у боярина
 На головушку надета есте шапочка,
 Спереду введен да то светел месяц,
 А й вокруг-то введены-то звезды частые,
 Наверху шелом как будто жар горит.
 А й пришли-то молодцы они в Божью церковь.
 Как Владимир-князь-от стольно-киевский
 Поглянул-то ведь Владимир на праву руку,
 На молодого Чурилушку на Пленкова,
 Говорил Владимир таковы слова:
 — Молодой боярин Дюк Степанович
 Прозакладал все имение-богачество
 А молодому Чурилушке-то Пленкову.

Говорил Пермин-то сын Иванович,
 Говорил он князю-то Владимиру:
 — Ты Владимир-князь да стольно-киевский!
 Посмотри-тко ты да на леву руку:
 Молодой Чурилушка тот Пленкович
 Прозакладал он свою буйну головушку.

То Владимир-князь да стольно-киевский
 Посмотрел-то он да на леву руку,
 На молодого на Дюка на боярина,
 Как одежица на нем да что ни лучшая,
 Шапочка надета на головушку,
 Спереду введен да и светел месяц,
 По косицам введены да звезды частые.
 А шелом на шапочке как будто жар горит.
 Молодой боярин Дюк Степанович
 Берет плеточку шелкову во белы ручки,
 Провел плеточкой шелковой по белой груди,
 Еще петелки ты свищут по-соловьему,

А й то пуговики кричат-то по-звериному.
Молодой боярин Дюк Степанович
По белой груди стал плеточкой поваживать,
А й народ стал падать на кирпичный мост
От того от посвисту соловьего,
От того от покрыку звериного.
Говорил ему Владимир-князь да стольно-киевский:
— Молодой боярин, Дюк Степанович!

Перестань-ко водить плеткой по белой груди,
Тебе полно-тко ронить да людей-чернеди.

Они Господу Богу помолилися,
Ко Господнему кресту как приложилися,
Выходили-то со матушки с Божьей церкви,
Да й пришли в палаты белокаменны
Да й ко славному-то князю ко Владимиру,
Они стали-то есть ествушки сахарною,
Испивать-то стали питьцев медвяных.
Подходил-то как Чурилушко тот Пленкович
Ко тем столикам он ко дубовым,
Говорил Чурила таковы слова:
— А й что ты, холопина дворянская, расхвастался
Своим имением-богачеством великим?
Да й ударим-ко со мной в велик заклад.
Чтобы нам-то скóчить через славну матушку
Пучай-реку.

Говорил-то молодой боярин Дюк
Степанович:

— Молодой Чурилушка ты Пленкович!
Тебе просто бить со мною о велик заклад,
Как твой добрый конь да богатырский
У своих стоит у конюхов любимых,
Зоблет он пшену да белоярову,
Испивает свежу ключеву воду,
А мое-то жеребятшко дорожное,
А й дорожное да призаехано.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он бежал-то как скоренько на широкий двор

К своему коню он богатырскому,
Пал-то он на бедра лошадиные,
Говорил-то он коню да таковы слова:
— А й мой добрый конь да богатырский!
Мошь ли выручить меня то со неволюшки?
С-под того закладу с-под великого,
Еще мошь ли ты скочить через славну
Пучай-реку?

Воспровещил ему добрый конь
да богатырский,

Испроговорил языком человеческим:
— Молодой боярин Дюк Степанович!
А й ты бей в велик заклад, закладывайся,
У Чурилушки-то конь мой меньший брат,
А й у старого казака Ильи Муромца
Его добрый конь так мне-ка больший брат:
У него есть трои крылышка подкожные,
У меня есть двое крылышка подкожные,
У молодого Чурилушки у Пленкова
У его коня да й богатырского
Да й одни-то есте крылышка подкожные.
Как подойдет какова пора да каково время,
Не уступлю тогда я брату большему,
А й меньшому брату с меня нечто взять.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он скоренько шел в палаты белокаменны,
Они били-то с Чурилушкой велик заклад,
А й велик заклад да то не малыи:
Молодой боярин Дюк Степанович
Он залогом тым покладает бессчетну
золоту казну,

Молодой Чурилушко-то Пленкович
Он покладает залогом буйну голову.
Они сели на добрых коней, поехали
Да й ко славною ко матушке к Пучай-реке.
То за ними едут русские могучие богатыри
Посмотреть на их замашки богатырские.

Поразъехали с раздольица чиста поля,
Припустили добрых коней богатырских
А й скакать-то через матушку Пучай-реку.
Молодой боярин Дюк Степанович
Он проскочит через славную Пучай-реку
Да й на тот на славный крутой бережек;
Молодой Чурилушко-то Пленкович
Посеред реки он приогрюшился
Со добрым конем да с богатырским,
Поглянул-то молодой боярин Дюк Степанович,
А то нет при нем да и товарища.
А й то плавае Чурила посеред реки;
Молодой боярин Дюк Степанович
Поскорешенько он поворот держал,
Припустил коня он богатырского
Скóчить через матушку Пучай-реку,
А й скочил-то его добрый конь да богатырский
Через славну матушку Пучай-реку,
За кудерышки Чурилу он повыхватил,
Со Пучай-реки Чурилу он повытащил,
Да он посадил Чурилу на крутой берег,
Говорил Чуриле таковы слова:
— Молодой Чурилушка ты Пленкович!
Да й не надо ти смеяться вкруг богатырей.
Да й не надобно Чуриле да в заклады бить,
А й ходи-тко ты, Чурилушка, по Киеву,
А й по Киеву ходи за <бабами>.

Они сели на добрых коней, поехали,
А й приехали ко князю ко Владимиру
На его на славный на широкий двор,
Заходили во палату в белокаменну.
Говорил Чурилушко тот Пленкович:
— Ты Владимир-князь наш стольно-киевский!
Полагай-ко писарей ты да оценщиков,
Отпущай-ко во Индею во богатую
Описать у Дюка их богатство,
Их богатство да все имение,

Их великую бессчетну золоту казну.

Тут славная Владимир стольно-киевский
Посылает он двенадцать-то богатырей
да святорусских.

— Поезжайте-тко, богатыри, вы во Индеюшку,
И учитайте-тко имение-богачество,
Их великую бессчетну золоту казну.

Молодой боярин Дюк Степанович
Да по горенке он да похаживат,
А Владимиру он князю выговариват:
— А й Владимир-князь да стольно-киевский!
Посылай-ко ты всех русских могучих

богатырей,

А двенадцать-то богатырей тех святорусских,
Не посылай-ко ты богатыря Олешеньки,
Молода Олешеньки Поповича:
А он роду есте-то поповского,
У него глазеночка завидливы;
Как увидит он имение-богачество,
Да й увидит он бессчетну золоту казну,
Не поедет больше в стольно-Киев-град,
Он положит там буйну головушку.

Как сажались молодцы ты на добрых
коней,

Они ехали раздольищем чистым полем.
А й во тою во Индеюшке в богатой
Да во славном в богатом в Волын-городе
У них кровельки все были золоченые;
Они ехали раздольищем чистым полем,
Да й заехали на гору на высокую
Посмотреть-то на Индею на богатую;
А во том ли то во славном Волын-городе
Кровельки да золоченые
Отдали они как будто жар горит.
Говорят богатыри да святорусские:
— Молодой боярин Дюк Степанович,
Прозакладал все имение-богачество,

А срубить тебе буйна головушка!

А Волын твой город ведь огнем горит,
Молодой ты Дюк ты прозакладался!

Как приехали во славнои в Волын-город,

А й на тот на славный на широкий двор,
По всему его двору да по широкому
Настланы да сукна гормузинные.

Становили они коней богатырских
Посеред двора они широкого,
Да й пошли сами в палаты в белокаменны;
Так у Дюка-то ступеньки есть серебряны,
А й то грядочки у Дюка все орленые,
А й орленые да золоченые.

То пришли они в палаты во первóй покой,
Они Господу-то Богу помолилися,
На все стороны-то низко поклонилися:

— Ай ты здравствуешь, честна вдова
Настасьюшка Васильевна,

А й ты Дюковая матушка!

Говорил им Дюк да таковы слова:

— А й не матушка моя тут есть не родная,
А й тут есть моя да рукомойница,
Полагает она воду в рукомойничек.

Приходили молодцы они в другой покой,
Они Господу-то Богу помолилися,
На все на три на четыре на сторонки

поклонилися:

— Ай ты здравствуешь, честна вдова Настасья
да Васильевна!

Говорил им Дюк-от таковы слова:

— Да й не матушка тут есть моя не родная,
А тут есть моя да судомойница.

А й прошли они еще в третей покой,
Они Господу-то Богу помолилися,
На все на три на четыре на сторонки
поклонилися,

А честной вдове да и в особину:

— Ай ты здравствуешь, честна вдова Настасья
да Васильевна!

Говорит-то молодой боярин Дюк
Степанович:

— Да й не матушка тут есть моя не родная,
А и есть моя да то и стольница.

Тут прошли они еще в покой четвертою,
Они Господу-то Богу помолилися,
На все на три на четыре на сторонки низко
кланялись,

Да честной вдове Настасье той Васильевне
Низко кланялись-то ей в особину.

Говорил-то молодой боярин Дюк Степанович:

— Ай вы славные богатыри да святорусские!
Тут сидит моя да родна матушка,
То честна вдова Настасья да Васильевна.

Как скорешенько честна вдова ставала на
резвы ножки,

Со своим она со сыном со любимым
Со пути да со дороженьки она тут поздоровкалась.

Говорил-то молодой боярин Дюк Степанович:

— Ай же свет моя ты родна матушка,
Ты честна вдова Настасья да Васильевна!
Как приехали богатыри да святорусские
Описать имение наше богатство,
Описать нашу бессчетну золоту казну.

То честна вдова Настасья-то Васильевна

Да й скорешенько берет-то золоты ключи,
Повела по кладовым да по богатым,
Повела по погребам глубокиим.

Еще тихая Дунаюшко Иванович
Говорил Дунаюшко он таковы слова:

— Ай же братица мои да вы крестовые!
То пишите письма в стольный Киев-град
Да й ко славному-то князю ко Владимиру:
Да й во нашоем во городе во Киеве
Да й не хватит-то бессчетной золотой казны

Да й купить-то только перья со чернилами
Да во тою во Индеюшки в богатую
Описать бесцетна золота казна,
Описать богатство великое.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Из того было из города из Крякова,
С того славного села да со Березова,
А со тою ли со улицы Рогатицы,
Из того подворья богатырского,
Охвоч ездить молодец был за охотою;
А й стрелял-то да й гусей-лебедей,
Стрелял малых перелетных серых утушек.
То он ездил по раздольицу чисту полю,
Целый день с утра ездил до вечера,
Да и не наехал он ни гуся он, ни лебедя,
Да й ни малого да перелетного утенушка.
Он по другой день ездил с утра до пабедья,
Он подъехал-то ко синему ко морюшку,
Насмотрел две белых две лебедушки:
Да на той ли как на тихой забереги,
Да на том зеленоем на затресьи
Плавают две лебеди, колыблются.
Становил-то он коня да богатырского,
А свой тугой лук разрывчатый отстегивал
От того от правого от стремечка булатного,
Наложил-то он и стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Хотит подстрелить двух белых лебедушек.
Воспроговорили белые лебедушки,
Проязычили языком человеческим:
— Ты удаленькой дородней добрый молодец,

Ай ты славныя богатырь святорусский!
Хоть нас подстрелишь двух белых лебедушек,
Не укрятаешь плеча могучего,
Не утешишь сердца молодецкого.
Не две лебеди мы есть да не две белых,
Есть две девушки да есть две красных,
Две прекрасных Настасьи Митриевичны.
Мы летаем-то от пана от поганого,
Мы летаем поры-времени по три году,
Улетели мы за синее за морюшко.
Поезжай-ко ты в раздольице чисто поле,
Да й ко славному ко городу ко Киеву,
Да й ко ласкову князю ко Владимиру:
А й Владимир-князь он ест-то пьет

и прохлаждается

И над собой невзгодушки не ведает.
Как поедешь ты раздольицем чистым полем,
Да приедешь ты к сыру дубу кряковисту,
Насмотри-тко птицу во сыром дубе,
Сидит птица черной ворон во сыром дубе,
Перьице у ворона черным-черно,
Крыльице у ворона белым-бело,
Перьица распушены до матушки сырой земли.
Молодой Петрой Петрович королевский
сын

На коне сидит, сам пораздумался:
— Хоть-то подстрелю двух белых лебедушек,
Да й побью я две головки бесповинных,
Не укратаю плеча могучего,
Не утешу сердца молодецкого.

Он сымает эту стрелочку каленую,
Отпустил тетивочку шелковеньку,
А й свой тугой лук разрывчатый пристегивал
А й ко правому ко стремечку булатному,
Да й поехал он раздольицем чистым полем
А й ко славному ко городу ко Киеву.
Подъезжал он ко сыру дубу кряковисту,

Насмотрел он птицу черна ворона;
Сидит птица черный ворон во сыром дубе,
Перьице у ворона черным-черно,
Крыльице у ворона белым-бело,
А й распушены перьица до матушки сырой
земли;

Эдакою птицы на свети не видано,
А й на белоем да и не слыхано.
Молодой Петрой Петрович королевский сын
Он от правого от стремечки булатного
Отстянул свой тугой лук разрывчатой,
Наложил он стрелочку каленую,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Говорил-то молодец да й таковы слова:
— Я подстрелю эту птицу черна ворона,
Его кровь-то ростоу да по сыру дубу,
Его тушицу спущу я на сыру землю,
Перьице я распушу да по чисту полю
Да по тою долинушке широкою.

Воспроговорил-то ворон птица черная,
Испровещил да языком человеческим:
— Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Славныя богатырь святорусский!
Ты слыхал ли поговорю на святой Руси:
В кельи старца-то убить — так то не спасенье,
Черна ворона подстрелить — то не корысть
получить,

Хоть подстрелишь меня, птицу черна ворона,
И поросточишь мою кровь ты по сыру дубу,
Спустишь тушицу на матушку сыру землю,
Не укрятаешь плеча да ты могучего,
Не утешишь сердца молодецкого.
Поезжай-ко ты во славной стольный Киев-град,
Да й ко славному ко князю ко Владимиру,
А й у славного-то князя у Владимира
Есть почестен пир да й пированьице,
То он ест да пьет да й проклаждается,

Над собою князь невзгодушки не ведает:
То ведь ездит поляничцо в чистом поле,
Она кличет-выкликает поединщика,
Супротив себя да й супротивника,
Из чиста поля да что наездника:
Он не даст ли мне-ка если поединщика,
Супротив меня да й супротивника,
Из чиста поля да что наездника,—
Разорю я славный стольный Киев-град,
А ще чернедь мужичков-то всех повырублю,
Все Божьи церкви-то я на дым спущу,
Самому князю Владимиру я голову срублю
Со Опраксией да королевичной.

Молодой Петрой Петрович королевский сын
На добром коне сидит, сам пораздумался:
— То слышал я поговорю на святой Руси:
В кельи старца-то убить, так то не спасенье,
Черна ворона подстрелить, то не корысть
получить;

Хоть я подстрелю-то птицу черна ворона,
Расточу-то его кровь да по сыру дубу,
Его тушицу спущу да й на сыру землю,
Роспущу то его перья да й по чисту полю
Да по тою по долинушке широкою,—
Не укрятаю плеча-то я могучего
И не утешу сердца молодецкого.

Он сымает эту стрелочку каленую,
Отпустил тетивочку шелковую,
А свой тугой лук разрывчатый пристегивал
А й ко правому ко стремечку булатному,
На коне сидит да пораздумался:
— Прямоезжею дороженькой поехать в стольный
Киев-град,

То не честь мне-ка хвала да й от богатырей,
А й не выслуга от князя от Владимира,
А поехать мне дорожкой во чисто поле
А й ко тою поляничцо удалою,

А й убьет-то поляница во чистом поле,
Не бывать-то мне да на святой Руси,
А й не видать-то молодцу мне свету белого.

Он спустил коня да й богатырского,
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Он подъехал к полянице ко удалою,
Они съехались добры молодцы да й
поздоровкались,

Они делали сговор да й промежду собой,
Как друг у друга нам силушки отведати:
Нам разъехаться с раздольица чиста поля
На своих на конях богатырских,
Приударить надо в палицы булатные,
Тут мы силушки у друг друга отведаем.
Поразъехались они да на добрых конях
По славному раздольицу чисту полю;
Они съехались с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударили во палицы булатные,
Они друг друга-то били не жалухою,
Со всей силушки да богатырских,
Били палицами булатными да по белым грудям.
И у них палицы в руках да погибалися,
А й по маковкам да й отломилися;
А й под ними как доспехи были крепкие,
Они друг друга не сшибли со добрых коней,
Да й не били они друг друга, не ранили,
Никоторого местечка не кровавили.
Становили молодцы они добрых коней
И они делали сговор да промежду собой,
Поразъехаться с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударить надо в копы муржамецкие,
Надо силушки у друг друга отведати.
Поразъехались с раздольица чиста поля
На своих на добрых конях богатырских,
Приударили во копы муржамецкие,

Они друг друга-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по белым грудям,
У них копыта ты в руках да погибалися,
А й по маковкам да й отломилися;
А й под ними как доспехи были крепкие,
Они друг друга не сшибли со добрых коней,
То не били они друг друга, не ранили,
Никоторого местечка не кровавили.
Становили добрых коней богатырских,
Говорили молодцы-то промежду собой:
Опуститься надо со добрых коней
А й на матушку да на сыру землю,
Надо биться-то нам боем-рукопашкою,
Тут у друг друга мы силушки отведаем.
Выходили молодцы они с добрых коней,
Становилися на матушку сыру землю
Да й пошли-то биться боем-рукопашкою.
Молодой Петрой Петрович королевский сын
Он весьма был обучен бороться об одной ручке;
Подошел он к поляничу удалою,
Да й схватил он поляницу на косу бодру,
Да й спустил на матушку сыру землю,
Вынимал-то свой он нож булатною,
Заносил свою да ручку правую,
Заносил он ручку выше головы,
Да й спустить хотел ю ниже пояса —

Права ручушка в плечах да застоялася,
В ясных очушках да й помутился свет.
То он стал у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мне проведай-ко:
Ты с коей Литвы, да ты с коей земли,
Тебя как-то поляничку именем зовут
И удалю звеличают по отечеству?

Говорила поляница й горько плакала:
— Ай ты старая базыга новодревная!
Тебе просто надо мною насмехаться,
Как стоишь ты на моей белой груди

И в руках ты держишь свой булатный нож,
Ты хотишь пластать мои да груди белые,
Доставать хотишь мое сердце со печеней.
Есть стояла я бы на твоей белой груди,
Да пластала бы твои я груди белые,
Доставала бы твое да сердце с печеней,
Не спросила б я отца твоего, матери,
А ни твоего ни роду, я ни племени.

Разгорелось сердце у богатыря
А у мóлода Петроя у Петровича.
Он занес свою да ручку правую,
Ручку правую занес он выше головы,
Опустить ю хочет ниже пояса,—
Права ручушка в плечи да застоялася,
В ясных очушках да помутился свет.
То он стал у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мне проведай-тко:
Ты коей земли да ты коей Литвы,
Тебя как-то поляничку именем зовут,
Тебя как-то звеличают по отечеству?
Говорила поляница таковы слова:
— Ай ты славныя богатырь святорусския!
А й ты когда стал у меня выспрашивать,
Я стану про то тебе высказывать:
Родом есть из города из Крякова,
Из того села да со Березова,
А й со тою ли со улицы Рогатицы,
Со того подворья богатырского,
Молодой Лука Петрович королевский сын.
Увезен был маленьким робеночком:
Увезли меня татары ты поганые,
Да й во ту во славну в хоробру Литву,
То возрóстили до полного до возрасту;
Во плечах стал я иметь-то силушку великую,
Избрал коня себе я богатырского,
Я повыехал на матушку святую Русь
Поискать себе я отца-матушки,

Поотведать своего да роду-племени.

Молодой Петрой Петрович королевский сын
Он скорешенько соскочит со белой груди,
То й берет его за ручушки за белые,
За него берет за перстни за злаченные,
То здымал его со матушки сырой земли,
Становил он молодца да й на резвы ноги,
На резвы ноги да й супротив себя,
Целовал его в уста он во сахарные,
Называл-то братцем себе родным.
Они сели на добрых коней, поехали
Ко тому ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Березову,
Да ко тою улицы Рогатицы,
К тому славному к подворью богатырскому;
Приезжали-то они да й на широкий двор,
Как сходили молодцы они с добрых коней,
Молодой Петрой Петрович королевский сын,
Он бежал скоро в палату белокаменну;
Молодой Лука Петрович королевский сын,
А й стал по двору Лука похаживать,
За собою стал добра коня поваживать.
Молодой Петрой Петрович королевский сын,
Он скоренько шел палатой белокаменной,
Проходил он во столову свою горенку,
Ко своей ко рóдной пришел матушке:
— Ай ты свет моя да родна матушка!
Как-то был я во раздольице в чистом поле,
Да й наехал я в чистом поле татарина,
А кормил я его ествушкой сахарною,
Да й поил я его питьицем медвяным.

Говорит ему тут родна матушка:
— Ай же свет мое чадо любимое,
Молодой Петрой Петрович королевский сын!
Как наехал ты в чистом поле татарина,
То не ествушкой кормил бы ты сахарною,
То не питьицем поил бы ты медвяным,

А й то бил бы его палицей булатною,
Да й колол бы ты его да копьем вострым.
Увезли у тебя братца они родного,
Увезли-то они малым робеночком,
Увезли его татары ты поганые!
Говорил Петрой Петрович таковы слова:
— Ай ты свет моя да родна матушка!
Не татарина наехал я в чистом поле,
А й наехал братца себе родного,
Молодца Луку да я Петровича.
А й Лука Петрович по двору похаживат,
За собой добра коня поваживат.

То честна вдова Настасья-то Васильевна
Как скорешенько бежала на широкий двор,
Да й в одной тонкой рубашечке без пояса,
В одних тонких чулочиках без чоботов,
Приходила к своему да к сыну родному,
К молодцу Луке да й ко Петровичу,
Она брала-то за ручушки за беленьки,
За его-то перстни за злаченные,
Целовала во уста его в сахарные,
Называла-то себе да сыном родным;
Да й вела его в палату белокаменну,
Да вела в столову свою горенку,
Да й садила-то за столики дубовые,
Их кормила ествушкой сахарною,
Да й поила-то их питьицем медвяным.
Они стали жить-быть, век коротати.

МОЛОДЕЦ И ХУДАЯ ЖЕНА

Ай сидит-сидит кручинен доброй молодец,
Да й сидит печален доброй молодец,
Он повесил свою буйную головушку
Да й пониже плеч своих могучиих.
— Ты чего сидишь печален, доброй молодец,
Ты чего сидишь кручинен, доброй молодец?
— Еще как-то молодцу мне не кручиниться?
Еще как-то молодцу мне не печалиться?
Так вечер-то лег я — не поужинал,
Я утрось-то стал да не позавтракал,
Пообедати схватился — там и хлеба нет.
Поневолили-то молодца жениться,
Поженили-то в деревне у суседушка,
У соседа они брали у богатого
Да й приданого-то много — человек худой.
А й приданое висит на грядочке,
Да й худая жонка-то на ручке спит.
То мне не с кем добру молодцу погладиться,
Да и не с кем добру молодцу полиститься.

И оттого-то молодец да во гульбу пошел,
Во гульбу пошел да во гуляньице;
Еще день за день, как быдто дождь дождит,
Да й неделя за неделю как река бежит,
Да пошел-то молодец а из земли в землю,
Из земли в землю да из орды в орду,

И зашел-то к королю к литовскому,
Да й задался во служение к литовской
королевичне,

Да й служил у ней двенадцать год,
А двенадцать год служил он верой-правдою,
Верой-правдой он служил да не изменою:
На кровати спал он на тесовую,
А й на той он на перинке на пуховую,
У самой ли-то у ней да на белой груди.
Стосковалось тут дородню добру молодцу
По своей-то по родимой по сторонущке,
Он докładaю королю литовскому:
— Ай ты батюшко король литовский!
Стосковалось по родимой мни сторонущке,
Захотелось посмотреть мне на отцовско на
поместьецо:

Там не выросло ль зеленое кропивушко?

Приказал король ему коня седлать,
Королевична литовская
Насыпала-то бессчетну золоту казну,
Во шелков камверт да запечатала,
Положила она молодцу в глубок карман;
А й поехал тут дородней добрый молодец.
А ще день за день как быдто дождь дождит,
То й неделя за неделю как река бежит,
А й то ехал молодец да из орды в орду,
Да й проехал молодец он из земли в землю,
Приезжал он на отцовско на поместьецо,
На отцовском да й на поместьеце
То стоит худая мала хижинка,
Да й у той ли малой худой хижинки
Ходит малых два глупых два вьюнышка.
Говорил-то им дородной добрый молодец:
— Ай же малые вы глупы вьюнышки!
Вы которого-то дому да коей семьи?
Еще есть ли-то у вас да отец-матушка?

Отвечали ему малы глупы вьюнышки:

— Ай ты, дядюшка да и незнаёмой!
Только есть у нас одна родитель-матушка,
А й то нет у нас да родна батюшка.
Говорил-то им дородней доброй молодец:
— Ай же малые вы глупы выюнышки!
А й куды у вас ушла да родна-матушка?

Говорили ему глупы малы выюнышки:
А й ушла-то наша родна матушка
На крестьянскую да на работушку,
А и тим она да нас воспитыват.

Й он стоял-то ведь до позднего до вечера.
Тут худая-то жона, да жона умная,
Жона умная-многообразная,
То идет она с крестьянской со роботушки,
Во правой руки несет-то косу вострую,
Во левой руки несет-то грабли частые,
На плечах бедна горюшица дрова несет,
Приходила-то к худою к малой хизинки.
Говорил-то ей дородней доброй молодец:
— А й честная ль ты вдова аль жона мужняя?
Отвечала-то ему да жона умная,
Жона умная — многообразная:
— Не вдова-то есть, жона не мужняя,
Сирота я есть да горе-горькая.

Говорил-то ей дородней доброй молодец:
— Не вдова ты есть, да жона мужняя.
— Почему ты меня знаешь жону мужнюю?
— Потому я знаю жону мужнюю,
Что с тобою мы росли да близко-поблизку,
Да играли мы с тобою в шашки в шахматы,
Да во славны во велеи во немецкие,
А й тогда с тебя я часто езды брал...
Подойди-тко ты ко мне, да жона умная,
Жона умная-многообразная,
Положи-тко свои ручки во глубок карман,
Вынимай-ко из кармана ты шелков камверт,
Вынимай камверт да распечатывай.

То худая-то жона да жона умная,
Жона умная-многообразная,
Подошла она к дородню добру молодцу,
Положила свои ручушки в глубок карман,
Вынимала-то отгуль она шелков камверт,
Вынимала-то камверт да распечатала,
Находила во камверте свой значен перстень,
А когда они венчались во матушки,
Да й во матушки венчались во Божьей церкви,
Тогда этим она перстнем обручалася.
Й она брала-то за ручушки за белые,
За ёго за перстни за значеные,
Целовала во уста его сахарные,
Называла-то соби мужем любимым.

ГОРЕ

А й у батюшка у матушки
Как жил-то молодец да он во дрокушке,
А он ел сладко да и носил красно,
А й носил красно да работал легко.
Похотелось тут дородню добру молодцу
Да й сходить ёму на чужу на сторонущу,
Посмотреть людей да показать себя.
Да он делал-то одежицу хорошеньку,
А он шил себе да кунью шубоньку,
По подолу он строчил ю чистым серебром,
По рукавчикам да й окол ворота
Строчил шубоньку да красным золотом;
Ворот шил-то в шубке выше головы,
Спереду-то не видать личка румяного,
Из-заду не видно шеи белою;
На головушку ту шапочку он шил да соболиную,
Дорогих-то соболей заморских,
А й кушачик опоясал он шелковенькой,
Да й перщаточки на ручки с чистым серебром,
Да й сапоженьки на ноженьки сафьянные:
Вокруг носика-то, носа яйцом кати,
Под пята́ под пята́ воробей лети;
А он денежек тых взял на пятьдесят рублей,
Пятьдесят рублей-то взял он со полтинкою.
Да й пошел-то он на чужую на дальну
на сторонущу,

Приходил-то он ко городу ко чужому,
Тут сустигла молодца да ночка темная,
Да й не знает он, куды да приютиться,
Город чуж, люди́ ему незнаемы.
А й пришел-то он к царевому к кабаку;
Еще тут-то молодец да запечалился,
Еще тут-то молодец да й закручинился,
Приклонил буйну головушку к сыр́ой земли,
Ясны очушки втопил он во сыр́у землю.
Из того царевого из кабака
Выходило бабищо-курвяжищо,
Да й турыжна бабищо ярыжная,
А й станом ровна да и лицом бела,
У ней кровь в лица да как у заяца,
Во лица́ ягодицы как цвету макова.
Она стала вокруг молодца похаживать:
— Ты чо́го стоишь кручинен, доброй молодец?
Ты чо́го стоишь печален, доброй молодец?
То ли город тоби чуж, люди незнаемы,
Да й не знаешь ты, куда да приютиться?
Ты поди-тко, молодец, да й во царев кабак,
Выпей рюмочку вина зеленого,
Да и тут ты, молодец, да раскуражишься,
Тут пойдешь по городу похаживать,
Да й будёшь по чужому погуливать,
Да чужих людей да познавать будёшь.
Он послушал бабища-курвяжища,
Да й турыжной бабища ярыжною;
Заходил-то молодец он во царев кабак,
Выпил рюмочку вина зеленого,
Выпил рюмочку да еще другую,
Испивал-то он да й третью рюмочку,
А и тут-то молодец да й раскуражился,
А он бабищей турыжной позабавился.
Так он денежек тых пропил пятьдесят рублей,
Пятьдесят рублей он пропил со полтинкою.
Обвалился молодец тут на царев кабак.

Подошли-то к нему голюшки кабацкие
Й опоясали кушачик семишелковый,
А й то сняли с нёго шубоньку ту куньюю,
А й с головушки шапочку ту сняли соболиную,
С ручек сняли-то перчаточки да с чистым
от серебром,

Да й сапоженьки разули с ног сафьянные,
А й лапотики обули ему липовы,
Да й рогозаньку надели ему липову,
Да й поношену да тую брошену,
На головушку колпак надели липовый,
Да й поношенной да тот и брошенной.
Пробудился молодец да он от крепка сна,
Да й от крепка сна от молодецкого,
Пороскинул он свои да ясны очушки,
А вся снята-то одёжа драгоценная,
А й надето-то одёженько все липово.
Тут сидит-то молодец да запечаливши,
Тут сидит-то молодец да й закручинивши,
Он повесил свою буйную головушку
Да й на правую он на сторонушку,
Ясны очушки втопил он во кирпичный мост.
Подошла-то к нёму бабищо-курвяжищо,
Да й турыжно бабищо ярыжное,
То станом ровна да и лицом бела.
У ней кровь в лица быдто у заяца,
Во лица ягодицы-то цвету макова.
Подносила к нему чару зеленá вина:
— Ты удаленькой дородной доброй молодец!
Да испей-ко чару зелена вина,
Тоби полно, добру молодцу, печалиться,
Тоби полно, добру молодцу, кручиниться.

Выпил рюмочку вина зеленого,
А и тут-то молодец он раскуражился,
Выходило-то молодец с царева кабака,
Он пошел ходить по городу по чужому,
Да он стал-то познавать да он чужих людей.

Проходил он целый день с утра й до вечера,
Он зашел к хозяину к басонщичку,
Он задался во работушку в басонскую.
Он живет-то доброй молодец по год поры,
Да й живет-то доброй молодец другои год,
Да й живет-то доброй молодец по третьей год.
Еще денежек он нажил пятьдесят рублей,
Пятьдесят рублей он нажил со полтинкою.
Сшил он соби шубоньку ту куньюю,
По подолу он строчил ю чистым серебром,
По рукавчикам да й окол ворота
Строчил шубоньку да красным золотом;
Ворот шил-то в шубке выше головы,
Спереду-то не видать личка румяного,
Из-заду не видно шею белою;
На головушку ту шапочку он шил да соболиную,
Дорогих-то соболей заморских,
Он кушачик-от купил да семишелковый,
Он сапожки сшил соби сафьянные:
Вокруг носика-то, носа яйцом кати,
А й то под пята воробей летит.
Он пошел ходить по городу по чужому,
Он ходил гулял да день до вечера,
Да й сусстигла молодца да ночка темная.
Он не знает, да куды да приютиться,
Подходил-то он к царевому к кабаку,
Припечаливши стоит он, прикручинивши,
Приклонил свою головушку к сырой земли,
Ясны очушки втопил он во сыру землю.
Со того ли кабака да со царевого
Выходило бабищо-курвяжищо,
Она стала вокруг молодца похаживать,
Говорила-то й она да таковы слова:
— Ты чого стоишь печален, доброй молодец?
Ты чого стоишь кручинен, доброй молодец?
То ли город чуж тоби, люди незнаемы,
Да й не знаешь ты, куда да приютиться?

Да й поди-тко, молодец, да й во царев кабак,
А й ты рюмочку ту выпей зелена вина.
Еще тут ты, молодец, да раскуражишься,
Будешь познавать ты чужа города,
Познавать-то будешь ты чужих людей.

Он послушал бабища-курвяжища,
Да й турыжной бабища, ярыжною.
Заходил-то молодец он во царев кабак,
Выпил рюмочку вина зеленого,
Выпил молодец да то и другую,
Выпил молодец да еще и третьюю.
Еще тут-то молодец да раскуражился,
Да он денежек тых пропил пятьдесят рублей,
Пятьдесят рублей он пропил со полтиною,
Обвалился молодец он на царев кабак,
Подошли-то к нему голюшки кабацкие,
Отпоясали кушачик семишелковый.
Да то сняли с него куньюю ту шубоньку,
Сняли шапочку да соболиную,
Да й перщаточки ты сняли с чистым серебром,
Да й сапожки ты розули с ног сафьянные.
Пробудился молодец от крепка сна,
Пораскинул он свои да ясны очушки,
То ведь снята вся одёжа драгоценная,
А й одёжица одета-то все липова,
Да й поношена да тая брошена.
Запечалился он, закручинился,
Да й повесил свою буйную головушку,
Ясны очушки втопил он во кирпичный мост.
Подошло-то к нему бабищо-курвяжищо,
Ай станом ровна да и лицом бела,
Да то кровь в лица быдто у заяца,
В лиця ягодицы-то цвету макова.
Подносила к нему чару зеленá вина:
— Ты удаленькой дородней доброй молодец!
Да испей-ко чару зелена вина,
А ще тут-то, молодец, ты раскуражишься.

Тут удаленькой дородний добрый молодец
Испивал он чару зелена вина,
Выходил-то молодец с царева кабака,
Он пошел ходить по городу по чужому,
Да он стал-то познавать да он чужих людей.
Проходил он целый день с утра й до вечера,
Он зашел к хозяину к басонщику,
Он задался во работушку в басонскую.
Он живет-то доброй молодец по год поры,
Да й живет-то доброй молодец другой год.
Да й живет-то доброй молодец по третей год,
Еще денежек он нажил пятьдесят рублей,
Пятьдесят рублей он нажил со полтинкою,
Сшил он соби шубоньку ту куньюю.
По подолу он строчил ю чистым серебром,
По рукавчикам да й окол ворота
Строчил шубоньку да красным золотом;
Ворот шил-то в шубке выше головы,
Спереду-то не видать личка румяного,
Из-заду не видно шеи белою;
На головушку ту шапочку он шил да соболиную,
Дорогих-то соболей заморских,
Он кушачик-от купил да семишелковый,
Он сапожки сшил соби сафьянные:
Вокруг носика-то, носа яйцом кати,
А й то под пята воробей летит.
Он пошел ходить по городу по чужому,
Он ходил гулял да день до вечера,
Да й сустигла молодца да ночка темная.
Он не знает, да куды да приютиться,
Подходил-то он к царевому кабаку,
Припечаливши стоит он, прикручинивши,
Приклонил свою головушку к сырой земли,
Ясны очушки втопил он во сыру землю.
Со того ли кабака да со царевого
Выходило бабищо-курвяжищо,
Она стала вокруг молодца похаживать,

Говорила-то й она да таковы слова:

— Ты чого стоишь печален, доброй молодец?

Ты чого стоишь кручинен, доброй молодец?

То ли город чуж тоби, люди незнаемы,

Да й не знаешь ты, куда да приютитися?

Да поди-тко, молодец, да й во царев кабак,

А й ты рюмочку ту выпей зелена вина,

Еще тут ты, молодец, да роскуражишься,

Будешь познавать ты чужа города,

Познавать-то будешь ты чужих людей.

Он послушал бабища-курвяжища,

Да й турыжной бабища ярыжною.

Заходил-то молодец он во царев кабак,

Выпил рюмочку вина зеленого,

Выпил молодец да то и другую,

Выпил молодец да еще й третьюю,

Еще тут-то молодец да раскуражился,

Да он денежек тых пропил пятьдесят рублей,

Пятьдесят рублей он пропил со полтиною.

Обвалился молодец он на царев кабак.

Подошли-то к нему голюшки кабацкие,

Отпоясали кушачик семишелковый,

Да то сняли с него куньюю ту шубоньку,

Сняли шапочку да соболиную,

Да й перщаточки ты сняли с чистым серебром,

Да й сапожки ты розули с ног сафьянные.

Пробудился молодец от крепка сна,

Пораскинул он свои да ясны очушки,

То ведь снята вся одёжа драгоценная,

А й одёжица одета-то все липова,

Да й поношена да тая брошена.

Запечалился он, закручинился,

Да й повесил свою буйную головушку,

Ясны очушки втопил он во кирпичный мост,

Подошло-то к нему бабищо-курвяжищо,

Ай станом ровна да и лицом бела,

У ней кровь в лица быдто у заяца,

Во лиці ягодицы-то цвету макова;

Подносила к нёму чару зелена вина:

— Ты удаленькой дороднёй добрый молодец!

Да испей-ко чару зелена вина.

Испивал-то молодец он чару зелена вина,

Выходил он с кабака да й со царего,

Обвернулся доброй молодец серым волком,

Побежал-то он от Горюшка в чисто поле,

А и Горюшко за ним собакою.

Обвернулся-то да й доброй молодец,

Полетел-то он да ясным соколом,

Горюшко вслед за ним черным вороном...

А и тут-то доброй молодец преставился.

Да свезли-то на могилу на родительску,

Положили добра молодца в сыру землю,

Прибегало тут да к нёму Горюшко,

Прибегало Горе, об нем плакало:

— А й хорош ты был, удаленькой дороднёй
молодец!

Я топерь пойду во славну в каменну Москву,

У меня там есть еще лучший тебя.

Про Вольгу и Микулу

Довольно скоро

ЖИНА СВЯ-ТО-СЛАВ ДЕ-ВЯ-НО-СТО ВЕГ ЖИНА СВЯ-ТО-СЛАВ ДА ПЕ РЕ"

СТА-ВНО-СЯ. О-СТА-ВА-ЛОСЬ ОТ НЕ-ГО ЧА-ВО МИ-РО-Е

МО-ПО-ДОИ ВО-ЛГА СВЯ-ТО-СЛА-ВГО-ВНИ СТАЛ ВО-ЛГА ЕН СП-

СТЕТЬ МА-ТЕ-РЕТЬ, ПО-ХО-ТЕ-ПО-СВ ВО-ЛГТИ МО-ГО МУ-ДРО-СТЕЙ. ЩУ-НО"

РЫ-БО-Ю ХО-ДИТЬ Е-МУ ВО СМ-НИ-ИЗ МО-РЯ, ПТИ-ЦЕЙ СО-КО-ЛОМ ЛЕ-ТАТЬ ВО-ЛГТИ ПОД

(медленно)

О-ВО-ПО-КИ РЫ-СКА-ТИ ВО-Л-ЮМ ВО ЧИ-СТЫХ ПО-ЛЮ

Про Добрыню и Василия Казимиrowa

Умеренно

ПЛА ЧЕСТ-НОМ ПИ-ОУ ВРА-ДЫ-МИР СТАЛ ПО-ЛА-ЖИ-ВАТЬ АЙ ЖЕ

ВЫ МО-И ДА-КНЯ-ЗИ БО-И-РА СЕ-АЛТЫ РУС-СКИ-Е МО-ГУ ЧЕ-Е БО-

ГА-ТМ-РЯ ЗА ДОБ-ЖА-ТО Я КО-РО-ВНО ТО БО-ТМ-Я-НУ БО-ТМ-

А-НО-ДА ДА ВО ДА-ЛЬ-НИ-Е ВО ЗЕМ-ЛИ СО-РО-ЧИН-СКИ-Е ДА ЗА

СТА-РЫ-Е ТО ГО-ДЫ ЗА МО-ЩЕ-НИИ И СЛО-ВНА Я ГО-СУ-ДА-РЮ ЗА ДОБ-ЖА-ТО ГОД

Печатается по изданию:
Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом ле-
том 1871 года. Изд. 2-ое. М.; Л., 1950. Т. 2. Между с. 80 и 81.

Примечания

Тексты былины публикуются в основном по изданию «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года». В 3-х тт. Изд. 4-е. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 1—166; два из них — по изданию «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». В 3-х тт. Изд. 3-е. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 87—192. Адресованные широкому кругу читателей, они адаптированы в соответствии с уже выработанными правилами подготовки такого рода собраний. Сняты диалектные фонетические особенности: цоканье, чоканье, иканье, ёканье, отчасти оканье, а также диалектное смягчение согласных. Унификация в окончаниях прилагательных не производилась: ее нет и в оригинале. В безударных окончаниях существительных женского рода на «-а», «-я» в дательном и предложном падежах единственного числа диалектное «-и», «-ы» заменено нормативным «-е».

Словарь диалектных, устаревших и малоупотребительных слов*

Басонищик — мастер по изготовлению басона — плетеных изделий (шнура, тесьмы, бахромы), идущих на украшение одежды, мебели, утвари.

Безвременье — невзгода.

Белояровая — светлая, отборная.

Бодра — бедро. См.: на косу бодру.

Боржамецкое, бурзамецкое (копье) — см.: мурзамецкое.

Велеи, тавлеи — шашки, шахматы.

Выздынуть, повыздынуть — вытащить, поднять.

Выходы — дань, подать.

Вьюнышка (-и) — юноши, мальчики.

Голзануть, голзти — скользить.

Гормузинные (сукна) — см.: кармазинные.

Грядка, грядочка — подвесная жердь; перекладина; полка, идущая от стены до стены.

Гридня — приемная, столовая палата в княжеском дворце.

Гужи — петли у хомута, служащие для скрепления оглобей и дуги.

Гусли, гусельишки — старинный русский многострунный щипковый музыкальный инструмент.

Дородний(-ый) — статный, видный.

Досюльний, досюлешний — доньше бывший, прежний, старинный.

Дрокушка — ласка, нежное обращение.

Жалухою — жалея, щадя.

Жгать — жалить.

Жуковины — перстни.

* В пояснениях к словам приводятся лишь те значения, в которых данные слова употребляются в публикуемых былинах.

Заберега — очистившаяся от льда часть озера у берега.
Заколодела — завалена колодьем, валежником; стала непроходимой.
Замуравела — заросла муравой (травой).
Записи (великие) — здесь: договор.
Затресье — часть водоема, поросшая камышом, осокой.
Здынуть, заздынуть — поднять.
Зобать (о коне) — жевать, есть что-нибудь мелкое, рассыпающееся.

Казак — работник, нанятый на год; пожизненный воин, порубежник.
Каленая (стрела) — закаленная.
Калика — паломник.
Камверт — конверт.
Кармазинные — из ярко-алого сукна.
Клепать — бить белье вальком при стирке, полоскании.
Клюха — клюка, посох с изогнутым наконечником.
Корзни — неровности на земле, кочки.
Косица — висок.
Косевчатое (косевчатое) окно — оконный проем, оформленный двумя боковыми брусками-косыками, связанными сверху притолокой.
Кречень — кречет, ловчая птица семейства соколиных.
Кряковистый — кряжистый, толстый и крепкий.
Купна — копна.

Мех — мешок.
Мурзаметское, мурзаметское (копье) — татарское, восточное (от слова «мурза» — феодал).

Надлыгаться — издеваться, высмеивать.
Надобье — надобность.
На косу бодру — взятие «на бедро»; силовой прием при борьбе.
Наполю — пополам, надвое.
Напольская (лань) — полевая, вольная.
На пята — настежь.
Неутышная (искра) — негасимая.
Ныркать, поныркать — опуститься, спрятаться внезапно, погружаться, плавать под водой.

Обгалиться, приобгалиться — изгиляться, издеваться, насмехаться.
Обжи — оглобли у сохи.
Облащаться (в доспехи) — облачаться.
Обневоливать — принуждать.
Оклескивать — обзывать бранным словом.
Околенки — окна.
Окольные (скамеечки) — вокруг столов.

Омешик — лемех.
Отдали — издали.
Оттуля — оттуда.
Отстянуть — отстегнуть.
Охаживать — бить, колотить.

Пабедье — время около полудня.
Переметная (сумка) — перекинутая через плечо.
Пехотою — пешком.
Поворот держать — возвратиться, повернуть вспять.
Повыздынуть — см. выздынуть.
Погодился (крест) — пригодился.
Подколенные (князья) — младшие.
Подпруга — ремень у седла и седелки, затягиваемый под брюхом лошади.
Покляная — кривая, согнутая, изогнутая, крюковатая, понурая.
Полиститься — приласкаться.
По-люби — по нраву.
Поляница — богатырка.
Потник — войлок, подкладываемый под седло.
Почто — зачем, почему.
Приогрушиться — погружаться (в воду).
Проголзнуть (о стреле) — см.: голзануть.
Проязычили языком — проговорили.
Пшена (белоярова) — пшеница.

Сголзануть — см.: голзануть.
Сдержавая — муж, опора.
Семеюшка — муж или жена.
Скоморовчато платьице — скоморошья одежда.
Славу петь — петь в честь умершего.
Смета — цена, число.
Снарядная (одежда) — нарядная, красивая.
Соловая — желтоватая со светлым хвостом и гривой (о масти лошади).
Сряжаться — снаряжаться, готовиться.
Стольница — прислужница за столом.
Стопа (вина) — здесь: стопка, чарка, кружка.
Супротивница — пара, жена, невеста.
Сцапина — царапина, ссадина.
Сядучись — севши, севший.

Тошиться — истощаться.
Тулиться — прятаться, скрываться, притаиться.
Турьжная (баба) — потаскушка.

Ужахнуться — ужаснуться, испугаться.

Укрятать — укротить.

Упадка — страх, робость; «не с упадкою» — без страха.

Хлебоясть — нахлебник, дармоед.

Храпы — путы, цепи, крюки.

Худошество — от худоба: небольшое хозяйство, имущество.

Чеботы (чоботы) — сапоги, башмаки.

Черленый (червлёный) — багряный, ярко-малиновый, из красного дерева.

Чернедь — чернь, простонародье.

Шалыга (подорожная) — дубина, плеть.

Ю — её.

Ягодица — щека, уподобленная здесь части туловища человека ниже спины, на которую садятся.

Яровчаты (гусли) — из явора, чинара.

Ярыжная (баба) — беспутная, развратная.

БИБЛИОГРАФИЯ

Тексты

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. В 3-х тт. Изд. 3-е. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 87—192 (впервые издано: М., 1861. Ч. 1.).

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года.

В 3-х тт. Изд. 4-е. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 1—166 (впервые издано: СПб., 1873).

Исследования

Астахова А. М. Былинный эпос // Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1956. Т. 2. Кн. 2. С. 278—292. (Портрет между с. 280—281).

Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 165, 192, 234, 235, 239, 240, 242, 245, 246, 248, 252, 253, 255, 280.

Базанов В. Г. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1947. С. 30—35.

Биржевые ведомости. № 333. 5 декабря 1871 г.

Богословская О. И. Соотношение народно-поэтической и народно-разговорной речи (на материале системы именного склонения в былинах сказителей Рябининых и в кижских говорах Заонежья). Автореферат дисс. на соиск. ученой степени канд. филол. наук. Пермь, 1965.

Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / Подготовка текстов и примеч. А. М. Астаховой. Статьи А. М. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948.

Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подготовка текстов, статья и примеч. В. Базанова. Под. ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1940. С. 141—142.

Власова З. И. Принципы текстологической работы А. Ф. Гильфердинга // Русский фольклор: Проблемы текстологии и фольклора. Л., 1991. Т. 26. С. 35.

Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды//Вестник Европы. 1872. Кн. 3. Март. С. 82—130.

Гильфердинг А. Ф. Рябинин Т. Г.—певец былин//Олонецкие губернские ведомости. 1872. № 24.

Гильфердинг А. Ф. Трофим Григорьевич Рябинин, певец былин//Русская старина. 1872. Т. V. Январь-февраль-март. С. 497—517. (Портрет между с. 354—355).

Голос. № 337. 6 декабря 1871 г.

Грановский Б. и Грановский И. Репин рисует сказителей Т. Г. и И. Т. Рябининых//Музыкальная жизнь. 1960. № 18. С. 6—7.

Грузинский А. Е. Русские народные певцы. М., 1895.

Коргузалов В. Династия сказителей (Рябининых)//Комсомолец, 23 марта 1985 г.

Криничная Н. А. Голос вечности//Ленинская правда. 7 июня 1991 г.

Криничная Н. А. Место, где был похоронен сказитель Т. Г. Рябинин//Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Карельская АССР. М., 1977. С. 135—136.

Криничная Н. А. Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин: биография и эпическое наследие//Фольклорные традиции и музей: Всесоюзная научно-практическая конференция. Тезисы докладов. Кижы, 1991. С. 2—4.

Криничная Н. А. Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин: жизнь и эпическая поэзия//Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 6—24.

Криничная Н. А. Сокровенное слово//Север. 1991. № 7. С. 142—150.

Лев Толстой и В. В. Стасов: Переписка 1878—1906/Ред. и примеч. В. Д. Комаровой и Б. Л. Модзалевского. Л., 1929. С. 43, 45—47, 49.

Пасхалов В. Народные певцы (И. Т. и Т. Г. Рябининых)//Музыкальная новь. 1923. № 3. С. 10—15.

Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958. С. 516—517, 519.

Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. 1844—1906. 2-е изд. СПб., 1910. С. 297—298.

Русские народные сказители/Сост., вступ. статья, вв. тексты и коммент. Т. Г. Ивановой. М., 1989. С. 73—74.

Русский мир. № 95. 8 декабря 1871 г.

Рябинин Трофим Григорьевич//Энциклопедический словарь/Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. 27-а. Кн. 54. С. 512.

Рябинины Т. Г., И. Т., И. Г. и П. И./БСЭ. 2-е изд. М., 1955. Т. 37. С. 536.

Санкт-Петербургские ведомости. № 335. 5 декабря 1871 г.

Сказитель былин — (Т. Г.) Рябинин: Фото//История русской литературы/Под ред. Е. В. Аничкова и др. М., 1908. Т. 1. С. 265.

Сказитель Рябинин//Отчет Императорского Русского географического общества за 1871 год. СПб., 1872. Гл. IV. С. 70.

Соколов Б. Сказители. М., 1924. С. 79—86.

Соколов Ю. М. По следам Рыбникова и Гильфердинга//Художественный фольклор. М., 1927. Т. 2—3. С. 3—33.

Сперанский М. Былевая песня и ее носители//Русская устная словесность: Былины. Исторические песни. М., 1919. Т. 2. С. XXII—XXXII.

Чистов К. В. Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания. Петрозаводск, 1980. С. 38—82.

Чистов К. В. Севернорусские сказители в Петербурге во второй половине XIX в./Старый Петербург: историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 52—69.

Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья. М., 1982. С. 29—76.

Янчук Н. А. О музыке былин в связи с историей их изучения//Русская устная словесность: Былины. Исторические песни. М., 1919. Т. 2. С. 527—550.

Chettéoui Wilfrid. Un rapsode russe Rjabinin le père. La byline au XIXe siècle. Paris, 1942.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. В. Лопаткин. Слово к читателю</i>	5
<i>Н. А. Криничная. Жил в Кижской волости крестьянин</i>	7

Во славном раздольице чистом поле
(Избранные былины из репертуара Т. Г. Рябинина)

Вольга и Микула	49
Илья Муромец и Соловей-разбойник	55
Илья Муромец и Идолище поганое	64
Илья Муромец и Калин-царь	67
Илья Муромец и дочь его	85
Илья Муромец в ссоре со Владимиром	96
Добрыня и Змей	100
Добрыня и Василий Казимирович	113
Дунай	143
Ставр Годинович	156
Хотен Блудович	160
Дюк	166
Королевичи из Крякова	183
Молодец и худая жена	192
Горе	196

Нотные приложения

Вольга и Микула	204
Добрыня и Василий Казимирович	205
Словарь диалектных, устаревших и малоупотребительных слов . . .	207
Библиография	211

Научно-популярное издание

Жил в Кижской волости крестьянин...

(Сказитель
ТРОФИМ ГРИГОРЬЕВИЧ РЯБИНИН:
жизнь и эпическая поэзия)

Автор и составитель
Неонила Артемовна Криничная

ЛР № 062122 от 26.01.93 г.

Сдано в набор 27.06.95. Подписано в печать 03.08.95. Формат
60×88¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печ. л. 13,5. Ти-
раж 5000. Заказ 607.

АОЗТ «Кронверк-Принт», СПб., ул. Рубинштейна, 22.

АОЗТ «Норма-Пресс», СПб., наб. р. Ждановки, 43-б.

АООТ «Типография „Правда“», 191126, С.-Петербург, Социалисти-
ческая ул., 14.

